M 217/60

Шкафъ 21.
Полка 9.
№ 50.
БИБЛІОТЕКА НОВО-МИХАЙЛОВСКАГО ДВОРЦА.
И 217/60

МНОГОСТРАДАЛЬНЫЕ.

ОЧЕРКИ

БЫТА КАНТОНИСТОВЪ.

И 217/60

МНОГОСТРАДАЛЬНЫЕ.

ОЧЕРКИ

БЫТА КАНТОНИСТОВЪ.

В. Н. НИКИТИНА.

ИЗДАНІЕ

КОЛЕСОВА И МИХИНА.

С.-ТЕПЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ГОГЕНФЕЛЬДЕНА И К°.

(Вас. остр., 3 л., № 44).

1872.

ВСЕСОЮЗНАЯ
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. Ленина
ф4664-35
2007231611

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Такъ какъ кантонистовъ 14 лѣтъ ужъ не существуетъ, то мы полагаемъ небезполезнымъ предпослать нашимъ дополненнымъ очеркамъ кратчайшую исторію учрежденія, развитія и упраздненія заведеній военныхъ кантонистовъ.

Начнемъ съ того, что слово „кантонистъ“ — французское и во Франціи, Пруссіи и Россіи означало одно и тоже — мальчики, воспитывавшіеся для поступленія въ военную службу. Въ Пруссіи напр. каждый полкъ, для своего комплектованія имѣетъ приписанный къ нему кантонъ или округъ, и люди, обязанные оттуда къ поступленію въ военную службу, называются кантонистами. Въ Россіи названіе это было присвоено солдатскимъ сыновьямъ, подлежавшимъ, по самому своему происхожденію, военной или и другаго рода, но обязательной, службѣ. Кантонистами первоначально у насъ считались сыновья нижнихъ чиновъ, прижитые или во время нахожденія ихъ въ службѣ военной, или и въ отставкѣ, но до

водворенія ихъ въ казенныхъ селеніяхъ; всѣ незаконнорожденные женами солдатъ и рекрутъ сыновья, при жизни мужей; солдатскими вдовами, а также подкидыши мужескаго пола къ нижнимъ воинскимъ чинамъ.

Въ 1721 г., Императоръ Петръ Великій, предвидя пользу, какую могла бы получить армія отъ обученія, хотя части поступавшихъ въ полки солдатскихъ дѣтей, грамотѣ и мастерствамъ, повелѣлъ учредить при каждомъ пѣхотномъ, гарнизонномъ, полку школу на 50 человѣкъ, а для содержанія ихъ, безъ особыхъ на то издержекъ, оставлять незамѣщенными въ каждомъ полку такое же число солдатскихъ вакансій; что въ 49-ти полкахъ и 1-мъ баталіонѣ составило 2,475 чел., въ числѣ коихъ значились дѣти армейскихъ и гарнизонныхъ нижнихъ чиновъ. Школы эти, названныя гарнизонными, открылись въ томъ же 1721 г. Затѣмъ, продолжая развиваться, въ теченіи всего царствованія Петра Великаго, эти школы окончательно организовались при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ: указомъ 21-го сентября 1732 года „для пользы и облегченія государства въ рекрутахъ“ было постановлено, въ дополненіе къ прежнимъ 50-ти, имѣть въ каждомъ полку еще по 14 вакансій, по восьми въ ротѣ, и изъ сберегавшейся отъ того суммы содержать въ остзейскихъ полкахъ по 82, а во внутреннихъ—по 80 чел. Въ эти школы поступали дѣти отъ 7 до 15-ти лѣтъ. Перво-

начально они были обучаемы россійскому чтенію, письму и ариѳметикѣ; по оказаніи же удовлетворительныхъ успѣховъ— обучались, смотря по способностямъ: 10 челов. — артиллеріи и фортификаціи; 20—пѣнію и музыкѣ; 10—слесарному мастерству и 10 — письмоводству; успѣвшіе въ сихъ предметахъ, по достиженіи пятнадцатилѣтняго возраста, поступали въ армейскіе и гарнизонные полки, гдѣ уже начальство заботилось объ ихъ повышеніи; неуспѣвшіе отсылались въ рядовые матросы и деньщики, а оказавшіе особенныя способности, для бо́льшаго усовершенствованія, оставлялись въ школѣ до 18-ти лѣтняго возраста; наконецъ неспособные съ малолѣтства къ изученію даже одной грамоты, обучались столярному, токарному, плотничному, кузнечному, портняжному и сапожному ремесламъ, чѣмъ ихъ занимали также до 15-ти лѣтъ. Школы состояли въ вѣдѣніи особо опредѣленныхъ къ нимъ офицеровъ и поручались особенному попеченію: комендантовъ, вице-губернаторовъ и самихъ генералъ-губернаторовъ.

Далѣе, въ царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны, число учениковъ школъ возросло до 6,002 чел.; а такъ какъ, по числу армейскихъ и гарнизонныхъ полковъ, это число воспитанниковъ правительству представлялось недостаточнымъ, то сенатскимъ указомъ 1758 г. всѣ солдатскіе сыновья причислены были исключительно къ военному вѣдомству, причемъ установился порядокъ распредѣленія ихъ по

школамъ. Потомъ, вслѣдствіе переформированія всѣхъ гарнизоновъ, 19-го апрѣля 1764 года, положено было имѣть въ каждомъ баталіонѣ 36 вакансій, по 6 въ ротѣ, для содержанія школы на 54 чел., съ оставленіемъ въ своей силѣ прежнихъ главныхъ ихъ основаній, съ нѣкоторыми, впрочемъ, улучшеніями; а 7 іюля 1765 подобныя же школы были заведены въ сибирскихъ крѣпостяхъ: въ Омской—на 150, а въ Петровской, Ямышевской, и Бійской—на 100, всего на 450 чел. и, какъ въ новыхъ, такъ въ старыхъ школахъ, съ особаго разрѣшенія Военной Коллегіи, воспитывались дѣти не только нижнихъ чиновъ, но и нѣкоторыхъ штабъ- и оберъ-офицеровъ; во всѣхъ же школахъ, включая и учрежденныя въ послѣдующіе года царствованія императрицы Екатерины II-й, въ 1796 году число мальчиковъ простиралось до 120,000 чел.

Въ царствованіе Императора Павла 1-го, 23-го декабря 1798 года, при учрежденіи Императорскаго военно-сиротскаго дома (бывшаго впослѣдствіи: сперва—Павловскаго кадетскаго, корпуса, а наконецъ—Павловскаго военнаго училища) всѣ состоявшія при гарнизонахъ школы были переименованы въ отдѣленія сего дома, подъ названіемъ „военно-сиротскихъ отдѣленій“, куда воспитанники принимались не старше 8, а выпускались — немоложе 18-ти лѣтъ отъ роду, и съ тѣмъ вмѣстѣ самыя школы получили новое, лучшее

устройство. Всѣхъ отдѣленій было учреждено 66, а число воспитанниковъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ — по 1,500, Кронштадтѣ, Ригѣ и Николаевѣ — по 1,000, Архангельскѣ—700, Кіевѣ—600, Казани—500, крѣпости Св. Димитрія—450, въ шестнадцати меньшихъ отдѣленіяхъ — отъ 200 до 400, и еще въ пятидесяти одномъ — отъ 50 до 150, а всего составилось 16,400 чел.

При Императорѣ Александрѣ 1, число отдѣленій постепенно умножалось и, въ 1805 году, солдатскимъ дѣтямъ присвоено названіе кантонистовъ. 4-го апрѣля 1817 года издано положеніе о приготовленіи кантонистовъ въ аудиторы и о порядкѣ опредѣленія и производства ихъ, для чего велѣно было выбрать изъ военно-сиротскихъ отдѣленій 100 чел. кантонистовъ, не моложе 16-ти лѣтъ, способныхъ и знающихъ хорошо писать, для опредѣленія ихъ, на 6 лѣтъ, аудиторскими писарями въ Аудиторіатскій департаментъ и ордонансъ-гаузы, съ производствомъ ихъ, потомъ, въ аудиторы, въ полки. 11-го января 1824 года всѣ военно-сиротскія отдѣленія поступили подъ непосредственное начальство главнаго надъ военными поселеніями начальника, графа Аракчеева, который для уменьшенія числа больныхъ кантонистовъ въ отдѣленіяхъ испросилъ Высочайшее разрѣшеніе, вмѣсто 7-ми лѣтняго возраста, посылать солдатскихъ дѣтей въ отдѣленія съ 10-ти лѣтъ, въ томъ уваженіи, что моложе сего

возраста они требуютъ еще женскаго присмотра, причемъ опредѣлено было воспитателямъ, за содержаніе у себя кантонистовъ въ теченіе не менѣе 5-ти лѣтъ, выдавать отъ казны, въ награду, по 10-ти руб. за каждаго въ годъ.

Въ царствованіе Императора Николая Павловича сформированы изъ кантонистовъ и вдобавокъ къ существовавшему одному—еще 3 учебныхъ карабинерныхъ полка, для приготовленія унтеръ-офицеровъ въ армейскіе полки; кромѣ того 3-го декабря 1826 года, военно-сиротскія отдѣленія переименованы въ роты (изъ 250 чел. въ каждой), полубаталіоны (изъ 2-хъ ротъ) и баталіоны (изъ 4-хъ ротъ) военныхъ кантонистовъ, составивши такимъ образомъ ученыя бригады кантонистовъ, кромѣ отдѣленій Оренбургскаго и Сибирскаго края, которыя также переименованы 27-го апрѣля и 18-го августа 1827 года. Образованіе кантонистовъ въ преобразованныхъ заведеніяхъ тогда распредѣлено было на ученіе въ классахъ, ученіе фронтовое, и обученіе мастерствамъ. Независимо того учреждены: 8-го сентября 1827 года, въ С.-Петербургскомъ баталіонѣ кантонистовъ — учительскіе классы, для приготовленія учителей во всѣ баталіоны; въ 1830 году — школы при полкахъ гвардейскаго корпуса, для образованія кантонистовъ; 11-го апрѣля 1831 года — при кадетскихъ корпусахъ особыя школы для воспитанія дѣтей инвалидовъ, находившихся при корпусахъ; 26-го марта

1832 года, при С.-Петербургскомъ же баталіонѣ,—Аудиторская школа; 8-го августа 1836 года изъ кантонистовъ созданы эскадроны, по 120-ти и батареи по 136-ти чел., отъ 14-ти лѣтъ и выше, въ округахъ Украинскаго и Новороссійскаго военныхъ поселеній, для доставленія болѣе способовъ къ комплектованію унтеръ-офицерами и фейерверкерами поселенныхъ полковъ 1-го и 2-го резервнаго кавалерійскаго корпусовъ и 5-й легкой кавалерійской дивизіи; 8-го ноября 1836 года воронежскіе баталіоны кантонистовъ приноровлены для комплектованія полковъ и батарей 3-го резервнаго кавалерійскаго корпуса; 9-го марта, 1840 года, повелѣно было сформировать въ округахъ Кіевскаго и Подольскаго поселенія эскадроны кантонистовъ для комплектованія 1-й кавалерійской дивизіи, по одному эскадрону для каждаго полка этой дивизіи; такія же, наконецъ, школы введены были въ артилерійскомъ и инженерномъ вѣдомствахъ.

Въ существовавшихъ, въ 1854 году, заведеніяхъ, для образованія военныхъ кантонистовъ, воспитывалось слѣдующее число ихъ:

Подъ главнымъ начальствомъ бывшаго департамента военныхъ поселеній:

Въ завѣдываніи инспектора баталіоновъ военныхъ кантонистовъ:

Въ 5-ти учебныхъ бригадахъ, состоявшихъ изъ 13-ти

баталіоновъ, 9-ти полубаталіоновъ и 3 отдѣльныхъ ротъ, было слишкомъ 19,200 чел.

Въ особыхъ частяхъ, состоявшихъ при баталіонахъ:

Въ С.-Петербургскомъ:

Въ неранжированной ротѣ съ музыкантскою командою — 250 человѣкъ.

Въ писарскихъ классахъ — до 100.

Въ школѣ телеграфическихъ сигналистовъ — 100.

Въ Аудиторской школѣ — 100.

Въ малолѣтнемъ дворянскомъ отдѣленіи при Аракчеевскомъ кадетскомъ корпусѣ, въ селѣ Грузинѣ, Новгородской губерніи, — 200 чел.

Въ завѣдываніи инспектора всѣхъ кантонистскихъ эскадроновъ резервной кавалеріи:

Въ вѣдѣніи инспектора резервной кавалеріи, но при управленіи *учебною частію инспекторомъ баталіоновъ военныхъ кантонистовъ.*

При двухъ баталіонахъ въ Воронежѣ, принадлежавшихъ къ 2-му резервному кавалерійскому корпусу, — 2,800 чел.

Въ двухъ артиллерійскихъ батареяхъ безъ орудій — 272 человѣка.

Въ неранжированной ротѣ — 250 чел.

Въ 40 кавалерійскихъ эскадронахъ и 5-ти артиллерійскихъ

батареяхъ безъ орудій, въ округахъ военнаго поселенія 1-го и 2-го резервныхъ кавалерійскихъ корпусовъ — 5,480 чел.

Въ военныхъ поселеніяхъ Кіевской и Подольской губерній — 480 чел.

Въ завѣдываніи инспектора учебныхъ карабинерныхъ полковъ.

Нерапжированные баталіоны всѣхъ 4-хъ полковъ — 2,850 человѣкъ.

Въ завѣдываніи инспектора Балаклавскаго греческаго пѣхотнаго баталіона.

Одна рота 250 чел.

Въ завсденіяхъ, учрежденныхъ для образованія кантонистовъ, незачислявшихся въ баталіоны и состоявшихъ въ завѣдываніи:

а) Командира отдѣльнаго гвардейскаго корпуса, подъ инспекціею инспектора баталіоновъ военныхъ кантонистовъ: Въ школахъ кантонистовъ гвардейскаго корпуса, при 12-ти пѣхотныхъ полкахъ — по 60-ти и болѣе; 9-ти кавалерійскихъ — по 30-ти, 3-хъ артиллерійскихъ бригадахъ и саперномъ баталіонѣ — по 20 и при штабѣ первыхъ 6-ти гвардейскихъ инвалидныхъ ротъ по 50, всего до 2,000 чел.

б) *Подъ вѣдѣніемъ главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній:* въ школахъ кантонистовъ кадетскихъ корпусовъ.

в) Въ вѣдѣніи инспектора мѣстныхъ арсеналовъ: въ технической артиллерійской школѣ 100 чел. и въ коновальной артиллерійской школѣ 70 чел.

г) Въ вѣдѣніи инспектора пороховыхъ заводовъ: въ школѣ для образованія мастеровъ и подмастерьевъ, пороховаго, селитреннаго и сѣрнаго дѣла, при Охтенскомъ пороховомъ заводѣ 36 чел.; въ школахъ при пороховыхъ заводахъ 75 человѣкъ.

д) Въ вѣдѣніи инспектора оружейныхъ заводовъ: въ школахъ при оружейныхъ заводахъ для дѣтей оружейниковъ до 800 чел.

е) Въ главномъ завѣдываніи директора военно-топографическаго депо: въ школѣ топографовъ 120 чел.

ж) Въ вѣдѣніи Медицинскаго департамента Военнаго Министерства въ фельшердскихъ школахъ при госпиталяхъ и

з) Въ вѣдѣніи Императорскихъ военно-конскихъ заведеній, въ Императорской С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи, для приготовленія въ ветеринарные помощники—неопредѣленное число.

Такъ что, независимо обучавшихся въ школахъ, при самыхъ войскахъ учрежденныхъ, а равно тѣхъ, числительность коихъ не проставлена выше, всѣхъ воспитывавшихся въ названныхъ заведеніяхъ мальчиковъ состояло на лицо: въ 1824 году—до 120,818 челов., въ 1842 году—35,450 чел., а

живших при родителяхъ и родственникахъ—185,640 чел., при войскахъ—71,900 чел., а всего около—293,000 чел. Засимъ, въ продолженіе 18-ти лѣтъ, постепенно приводилась въ извѣстность числительность всѣхъ солдатскихъ дѣтей, по происхожденію своему принадлежавшихъ военному вѣдомству; ихъ оказалось 172,000 чел.

Этотъ громадный контингентъ мальчиковъ вызвалъ со стороны правительства распоряженіе 26-го января 1835 года—чтобы брать въ баталіоны, полубаталіоны и роты тѣхъ только 14-ти лѣтнихъ кантонистовъ, отцы коихъ служили въ войскахъ, да круглыхъ сиротъ, родственники которыхъ по бѣдности не въ состояніи были содержать ихъ; достигавшихъ же 20-ти лѣтняго возраста опредѣляли прямо на службу.

Изъ кантонистовъ, принадлежавшихъ военному вѣдомству, увольнялись: 1) всѣ сыновья лицъ, дослужившихся по военной или гражданской службѣ до штабъ-офицерскаго чина, или получившихъ какой-либо орденъ, и прижитые ими законно въ солдатскомъ званіи, по случаю сообщенія помянутымъ чиномъ потомственнаго дворянства; 2) одинъ изъ сыновей нижнихъ чиновъ, достигшихъ оберъ-офицерскаго чина по строевой службѣ, по ихъ выбору, если они не имѣли другихъ сыновей, прижитыхъ ими въ оберъ-офицерскомъ званіи, тоже для причисленія къ дворянству; и 3) одинъ изъ сыновей отставныхъ нижнихъ чиновъ, получившихъ на войнѣ такое увѣчье, которое

мѣшало заниматься хозяйственными трудами, а также и вдовъ, мужья коихъ были убиты въ сраженіяхъ и умерли на службѣ, или въ безсрочномъ отпуску, для успокоенія ихъ старости.

Право помѣщенія мальчиковъ, въ эти заведенія имѣли и офицеры, и дворяне и даже духовенство; законные же и незаконные сыновья солдатъ *обязывались* непремѣнно туда поступать съ 10-ти до 14-ти лѣтняго возраста, и учиться въ какихъ бы то ни было гражданскихъ училищахъ имъ, разъ на всегда, положительно *воспрещалось*. Далѣе, на основаніи нѣсколькихъ особыхъ, постепенно издававшихся узаконеній, въ тѣ же заведенія направлялись сыновья: бѣдныхъ жителей Финляндіи и цыганъ, тамъ кочевавшихъ, польскихъ мятежниковъ и солдатъ, шляхтичей, недоказавшихъ свое дворянство, раскольниковъ, да малолѣтніе: рекруты-евреи, бродяги, преступники и безпріютные. Затѣмъ, по достиженіи мальчиками въ заведеніяхъ 18—20-ти-лѣтняго возраста и по окончаніи ученія, они назначались: въ писаря, фельдшера, вахтеры, цейхдинеры, цейхшрейберы и т. под. нестроевыя должности военнаго и морскаго вѣдомствъ, частію во фронтъ, а нѣкоторые учителями въ тѣ же самыя заведенія, изъ которыхъ вышли. Прослужить должны были: дворяне—3 года, оберъ-офицерскія дѣти—6, духовныхъ, напр. дьяконовъ,—8 лѣтъ, а остальные—общій тогдашній солдатскій срокъ—25 лѣтъ, если ранѣе не производились въ чиновники: за отличіе—за 12, а за обыкновен-

ную выслугу—за 20 лѣтъ. Солдатскіе сыновья, въ какой кто губерніи родился — къ тому мѣстному заведенію его и приписывали и до 10—14 лѣтъ онъ оставался при отцѣ, или матери, которые получали на него въ годъ рубля по три на воспитаніе, а потомъ его брали въ заведеніе на казенное содержаніе; евреевъ же и поляковъ. для того, чтобы ими пріумножить православныхъ, всегда пересылали далеко отъ родины: кіевскихъ напр. въ Пермь и отнюдь не ближе Нижняго Новгорода. Воспитывалось во всѣхъ заведеніяхъ ежегодно отъ 245,000 до 270,000 человѣкъ (дворяне и имъ подобные привиллегированные мальчики составляли въ заведеніяхъ самый ничтожный процентъ), а стоили казнѣ всѣ заведенія отъ 2.450,000 до 2.700,000 въ годъ. Въ такомъ однообразномъ, ни въ чемъ неизмѣненномъ, положеніи засталъ заведенія 1857 годъ.

25-го декабря 1856 года обнародованъ былъ знаменательный указъ Сената о прекращеніи обязательнаго пріема въ кантонисты солдатскихъ сыновей, и въ рекруты маленькихъ евреевъ и всѣхъ прочихъ, выше перечисленныхъ, мальчиковъ. Мало того: тотъ же указъ разрѣшалъ родителямъ, родственникамъ, опекунамъ и даже знакомымъ находившихся въ заведеніяхъ кантонистовъ, безъ различія происхожденія, взять ихъ назадъ къ себѣ и воспитывать кому какъ вздумается; тѣхъ же, которыхъ никто не приметъ, повелѣвалось оста-

вить въ заведеніяхъ, причемъ съ выходомъ, впослѣдствіи, на службу, имъ предоставлялись права вольноопредѣляющихся, т. е. покинуть службу во всякое (кромѣ военнаго) время, когда они того пожелаютъ. Результатомъ этого указа на практикѣ получилось то, что менѣе чѣмъ чрезъ годъ числительность кантонистовъ не превышала *третьей* части штатнаго ихъ комплекта. Эта малочисленность вызвала новую реформу: въ 1858 г. баталіоны, полубаталіоны, эскадроны, дивизіоны и роты кантонистовъ были упразднены, а вмѣсто нихъ открыты 20—25 училищъ военнаго вѣдомства, въ которыя перевели кантонистовъ, оставшихся неразобранными въ закрытыхъ заведеніяхъ. Въ училища установлено было принимать вновь исключительно желающихъ изъ всѣхъ, безъ различія, сословій; программа наукъ въ нихъ поднялась до курса уѣздныхъ училищъ, фронтовыя ученья были окончательно похерены, мальчики названы „*воспитанниками*“, а назначеніе ихъ опредѣлялось въ писаря, кондукторы и топографы военнаго же вѣдомства; прослужить въ этихъ званіяхъ, за воспитаніе, имъ надлежало 6 лѣтъ. Тѣмъ и канули въ вѣчность кантонистскія заведенія, а самое слово „кантонистъ“ перестало означать отдѣльную касту людей, готовящихся въ солдаты.

Вотъ краткая исторія кантонистовъ, о воспитаніи которыхъ въ литературѣ ничего не говорится. Между тѣмъ, сложивъ числительность находившихся въ заведеніяхъ, впродолженіе хоть

только 31 года (съ 1826 по 1857 г. включительно) кантонистовъ, и стоимость ихъ за этотъ періодъ,—выходитъ, беря хоть среднюю лишь цифру, что ихъ прошло чрезъ заведенія 7.905,000 чел., а на ихъ содержаніе истрачено 20.150,000 рублей—сумма громаднѣйшая. Отсюда рождается естественный вопросъ: стоила-ли, по-крайней-мѣрѣ, хоть игра свѣчь? На вопросъ этотъ и отвѣчаютъ отрицательно предлагаемые вниманію читателей „очерки быта кантонистовъ“; отвѣтъ этотъ неопровержимъ, потому что, сколько намъ извѣстно, воспитаніе кантонистовъ было во всѣхъ заведеніяхъ совершенно одинаковое; эти же очерки пополняютъ, кромѣ того, доселѣ остающійся въ литературѣ пробѣлъ о томъ, что̀ творилось съ кантонистами въ довольно близкомъ къ намъ прошломъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.

А. Грибоѣдовъ.

I.

ПЕРВЫЙ ПУТЬ.

По отлогому берегу судоходной рѣки одной изъ приволжскихъ губерній тянулись когда-то, въ одинъ рядъ, между мелкимъ кустарникомъ и молодыми березками, двадцать-тридцать плохенькихъ крестьянскихъ избушекъ. Деревня эта принадлежала старому помѣщику-домосѣду, а въ ней, въ числѣ прочихъ, жилъ молодой крестьянинъ Гаврило Прохоровъ. Едва онъ женился на красивой дѣвушкѣ Варварѣ, какъ сдали его, по прихоти помѣщика, въ солдаты. Варвара, оставшись безъ мужа, сперва сильно роптала на судьбу, но потомъ, мало-по-малу, утѣшилась и прижила съ однимъ изъ солдатъ, стоявшихъ въ деревнѣ на зимнихъ квартирахъ, сына Василія.

Василій жилъ вмѣстѣ съ матерью въ домѣ вдоваго отца

Гаврилы, Антона Дормидонтовича. Жизнь его ничѣмъ не отличалась отъ житья всѣхъ прочихъ крестьянскихъ ребятишекъ: онъ бѣгалъ по улицѣ въ одной рубашонкѣ, полоскался въ лужахъ, выгонялъ коровъ, а время между тѣмъ все шло, да шло впередъ. И не успѣло миновать какихъ-нибудь десяти лѣтъ, какъ вдругъ въ одно сентябрьское утро, нежданно-негаданно, возвращается домой исхудалый, состарѣвшійся и на деревянной ногѣ Гаврило Антонычъ: по милости ядра, оторвавшаго ему ногу, дали ему отставку, съ надписью на ней: „бороду брить, по міру не ходить.“

Варвара, увидавъ безногаго Гаврилу, вздрогнула за себя, за Васю, не могла, въ попыхахъ, сообразить, что́ сказать про него, но Вася влетѣлъ въ избу, съ крикомъ „мама“, и сразу разрѣшилъ всѣ недоумѣнія. Уязвленный Гаврило вспылилъ, кинулся-было на Варвару, но, урезониваемый своимъ отцомъ, онъ помолчалъ нѣсколько дней, взглядывая изподлобья то на жену, то на ея сына, и затѣмъ, качнувъ головой, рѣшилъ, что надо простить женѣ, по той весьма простой причинѣ, что, бродивши, много лѣтъ сряду, по бѣлу свѣту, онъ и самъ,—какъ признался отцу,—дѣлывалъ то же, что́ сдѣлалъ ему его собратъ.

Вася, въ свою очередь, тоже какъ-то съумѣлъ поправиться Гаврилѣ; тотъ на досугѣ сталъ забавляться имъ, училъ

его быть солдатомъ, а потомъ и въ самомъ дѣлѣ насталъ чередъ и Васиной службы: его потребовали въ кантонисты. Это событіе сильно опечалило всю семью, чувствовавшую горячую привязанность къ ребенку.

Начались приготовленія. Мать принялась шить сыну бѣлье, вязать обувь, варила, пекла. Антонъ побывалъ на базарѣ, въ торговомъ селѣ, продалъ тамъ мѣшокъ ржи, купилъ Васѣ теплую, верхнюю одежду и обувь; а Гаврило остригъ мальчика по-солдатски, преподалъ ему нѣсколько уроковъ воинской субординаціи и, когда наступилъ, наконецъ, день разлуки и двѣ котомки Васи были уже наполнены: одна — деревенскимъ и солдатскимъ имуществомъ (въ ней были сапожныя щетки, гребенка, игольникъ, шило и нитки), а другая — съѣстными припасами, — Гаврило Антонычъ, тяжело вздохнулъ, взялъ мальчика обѣими руками за голову и сказалъ ему:

— Ну, Вася, ты теперь идешь на службу царскую: учись тамотка, особливо грамотѣ, да почитай начальство, не груби. Пуще всего, помни: не груби, — и все будетъ ладно. Можетъ, еще и въ офицеры превзойдешь. И это бываетъ. Проси дѣдушку, пусть благословитъ на дорогу. Онъ повернулъ его къ своему отцу.

Антонъ молча перекрестилъ Васю, надѣлъ ему на шею купленный на базарѣ за 2 коп. образокъ и, крѣпко поцѣло-

вавъ его, одной рукой передалъ его матери, а другой вытеръ глаза...

Варвара заголосила...

— Полно, Варя, надрываться-то попусту, заговорилъ Гаврило: его, чай, не убиваютъ, — ну, и ревѣть нечего Ѣхать пора.

— Изъ ейной, чай, малецъ утробы-то, вмѣшался Антонъ, — ну, и не трожь: пусть плачетъ.

Варвара завыла пуще прежняго. Вася, глядя на нее, тоже хныкалъ.

Когда же всѣ трое, Вася, Гаврило и Антонъ, сѣли въ сани, Гаврило ожесточенно хлыстнулъ лошадь и они выѣхали со двора. Варвара такъ и осталась съ разинутымъ ртомъ на крыльцѣ, слѣдя помутившимся взоромъ за отнятымъ дѣтищемъ.

Къ утру, наши путники пріѣхали въ уѣздный городъ, представились въ канцелярію инвалиднаго начальника, узнали тамъ, что отправка будетъ чрезъ день и остались ее ждать. Это послѣднее дорогое время прошло для Васи незамѣтно: его ублажали пряниками, орѣхами, водили гулять по улицамъ.

Раннимъ утромъ 26-го октября 1846 года, Антонъ, положивъ семь рублей ассигнаціями въ кожаный кошелекъ, надѣлъ его Васѣ на шею, спряталъ его ему подъ рубашку,

строго наказалъ никому не хвастаться, что у него есть деньги, внушилъ беречь ихъ про черный день, далъ ему въ карманъ на расходы еще коп. 50 и затѣмъ привелъ его на сборный пунктъ — городскую площадь, предъ острогомъ. Тамъ ужъ стоялъ рядъ подводъ, съ наваленными на нихъ котомками. Тутъ же толпилось человѣкъ 20 арестантовъ, а позади ихъ два мальчика — кантониста, къ которымъ унтеръ тотчасъ же присоединилъ и Васю.

„Смирно!“ скомандовалъ унтеръ, когда изъ воротъ острожнаго дома показался инвалидный начальникъ, сѣдой прапорщикъ.

Всѣ встрепенулись. Унтеръ вынулъ изъ-за обшлага шинели списокъ и, идя по линіи, сталъ перекликать партію. Сзади его важною поступью шелъ прапорщикъ.

— Отзываться громче, школа семиглазая, крикнулъ онъ, — розгами высѣку.

При такомъ привѣтствіи мальчики переглянулись и визгливо стали откликаться.

По окончаніи переклички, Антонъ и Гаврило, крадучись, отдали послѣдній поцѣлуй — Васѣ, а гривенникъ — конвойному, чтобъ поберегъ ихъ малаго до губерніи. Мальчиковъ посадили на подводу. Партія повернулась направо и тронулась въ дорогу. Тутъ только Вася понялъ, что онъ ужъ не деревен-

скій, а казенный человѣкъ, и ему стало жутко. Взглянувъ издали на родныхъ, онъ заплакалъ навзрыдъ.

А Антонъ съ Гаврилою, проводивъ глазами удалявшуюся партію, постояли среди улицы, повздыхали, молча вернулись на постоялый дворъ, запрягли лошадку и отправились домой, понуривъ головы.

Партія вышла за околицу. Мальчики, сидя въ широкихъ деревенскихъ розвальняхъ, стали между собой понемногу знакомиться.

— Тпру-ру... Стой! приказывалъ унтеръ. Слѣдомъ за унтеромъ шелъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, бритый въ полголовы, съ торчавшею клочьями бородою, тощій, блѣдный, какъ смерть, въ сѣрой арестантской одеждѣ и въ кандалахъ.

— Эй, вы, бѣсенята, сдвиньтесь-ка ближе и дайте вотъ ему мѣсто гдѣ сѣсть! сказалъ унтеръ.

Мальчики сдвинулись и испуганно глядѣли на арестанта. Но, отъѣхавъ полстанціи, они перестали бояться его, а онъ, забавляя ихъ разсказами, съумѣлъ къ концу станціи такъ расположить ихъ къ себѣ, что выманилъ даже у нихъ по семиткѣ (2 коп.)

На станціи партію развели ночевать: арестантовъ — въ этапный домъ, а мальчиковъ—въ крестьянскую избу. Съ разсвѣтомъ, послѣ новой переклички, партія снова потянулась вчерашнимъ порядкомъ... Арестантъ въ продолженіе всей доро-

ги всячески втирался къ мальчикамъ въ дружбу и довольствовался ихъ домашними харчами. Но скоро запасы истощились; они принялись тратить деньги, а потомъ и самимъ имъ пришлось оставаться на одной пищѣ жалостливыхъ хозяевъ, во время ночлеговъ. Иногда, впрочемъ, хозяева ничего не давали изъ варева, и тогда мальчики ѣли казенный хлѣбъ съ водой; спутникъ же ихъ арестантъ не мирился съ такимъ положеніемъ и не задумывался находить новые источники ѣсть получше.

Разъ остановилась партія на привалѣ. Арестанты пѣшіе обступили торговку, а арестантъ, сидѣвшій съ мальчиками на подводѣ, говоритъ одному изъ своихъ собесѣдниковъ: „Пойди, Миколаша, стащи потихоньку у бабы вонъ этотъ ситцевый платокъ."

— Ишь ты, ловкачъ какой, отвѣчалъ научаемый, Николай Филипповъ; увидитъ — вихоръ-то такъ надеретъ, што ахти.

— Небось, не увидитъ: вишь заегозила со своими съ пирогами, теперь хоть косу у ней отрѣжь — не спохватится. Я бы самъ стянулъ, да вишь ты, звенятъ, указалъ онъ на цѣпи. Да встать-то мнѣ не велятъ. Иди же, будь молодецъ. Ежели-жъ замѣтитъ — улепётывай скорѣй сюда: въ обиду не дадимъ.

— Нѣтъ, што-то боязно, право боязно: ундеръ увидитъ, отговаривался мальчикъ.

— Полно артачиться-то, глупый ты этакій! Гляди, какъ сойдетъ-то. Только бѣги, не зѣвай. Стянешь, продадимъ на станціи за двугривенный, да и яишницу сдѣлаемъ. Ей-ей такъ.

Яишница побѣдила колебаніе Филиппова. Онъ отправился къ торговкѣ, вытянулъ, подкравшись на цыпочкахъ, платокъ изъ-подъ корзинки и ужъ пустился-было бѣжать; но торговка замѣтила, опрометью бросилась въ погоню, схватила его и притащила за ухо обратно къ заваленкѣ, гдѣ торговала.

— На́, вотъ тебѣ, вора, служба, на́!—сердито затарантила она, толкнувъ Филиппова къ сидѣвшему тамъ унтеру. Какъ тутотка торговать-то, коль такихъ мошейниковъ ведешь? А еще похвалялся: у меня, говоритъ, народъ смирный, ничего не тронетъ. Ты, служба, либо гривну, что дала, назадъ подай, либо хорошую таску задай эвтому шалыгану.

Филипповъ стоялъ ни живъ, ни мертвъ.

— Какъ ты смѣлъ воровать? грозно спросилъ унтеръ... а?...

— Я... я... меня подъучилъ... арестъ... видитъ Богъ, не самъ. Прости, дяденька, взмолился Филипповъ.

— Да развѣ ты долженъ другихъ слушать? вскипѣлъ унтеръ,—а?!.. Вотъ-тебѣ. вотъ-тебѣ, поганецъ этакій, про-

должалъ онъ, переваливая Филиппова съ руки на руку. Пѣшкомъ до станціи! заключилъ онъ.

И Филипповъ прошелъ верстъ 12. У него въ ушахъ звенѣли затрещины, голова горѣла, ноги еле двигались, стужа пронимала насквозь; слезы такъ и лились отъ горя и стыда.

Путешествіе тянулось цѣлыхъ десять дней; наконецъ партія очутилась на большой дорогѣ. Тутъ была одна изъ тѣхъ станцій, на которыхъ партіи сходились изъ нѣсколькихъ уѣздовъ. По пересортированіи партій, въ нашей остались три мальчика, четыре арестанта и пять переселенцевъ. На всѣхъ ихъ дали одну подводу, которую высоко нагромоздили поклажею; на поклажѣ усадили мальчиковъ и партія отправилась дальше. Во избѣжаніе хлопотъ—разводить и собирать мальчиковъ по деревнѣ—ихъ стали помѣщать на ночлеги вмѣстѣ съ арестантами, въ этапныхъ острогахъ. Холодныя, грязныя конуры, выбитыя стекла, заткнутыя тряпицами форточки, вонь, звяканье цѣпей. обломанныя, досчатыя нары — такова была ночная обстановка измученныхъ дорогою дѣтей. Мальчики не могли глазъ сомкнуть цѣлыя ночи напролётъ, и все это навѣвало на нихъ какой-то ужасъ и страхъ.

Послѣ одного изъ такихъ ночлеговъ, мальчикъ Иванъ Степановъ жаловался унтеру на покражу рубашки и полотенца.

— Вещи, пожалуйста, вели отдать, молилъ ребенокъ, — мнѣ скоро надѣть нечего будетъ.

— Да я-то тебѣ караульщикъ, что-ли? закричалъ унтеръ. — Съ вами только хлопочи, школа проклятая! Береги, бѣсенокъ, береги вещи-то, продолжалъ онъ, щелкая мальчика двумя пальцами по носу.

— Чѣмъ же я виноватъ-то, коль украли? оправдывался, увертываясь отъ щелчковъ, сквозь слезы, Степановъ.

— Гляди въ оба, и все цѣло будетъ. А то только воровъ плодишь, каналья этакая!

На утро унтеръ предложилъ сдѣлать, по гривнѣ съ брата, складчину на подводу, не то грозилъ тащить пѣшкомъ, съ котомками на плечахъ. Партія повиновалась. Увидѣвъ возможность добывать такимъ легкимъ способомъ деньги, унтеръ поставилъ себѣ это ежедневнымъ правиломъ. Потомъ, узнавъ, что у Васи на шеѣ есть деньги, онъ началъ у него понемногу выманивать и ихъ.

— Дай-ка мнѣ четвертакъ, говорилъ онъ, усѣвшись возлѣ Васи на нарахъ въ острогѣ. Потому мнѣ очень нужно.

— Будетъ съ тебя: ты, дяденька, и то ужъ много выкляньчилъ. Не дамъ.

— Не дашь?

— Нѣтъ, не дамъ. Ишь повадился: дай, да дай...

— Такъ ты еще, мозглякъ, грубить начальству?

И Вася, послѣ нѣсколькихъ угрозъ, снова вынималъ четвертакъ и думалъ о томъ, когда бы только скорѣй окончилась дорога.

Конецъ уже былъ близокъ. На послѣдней станціи унтеръ нашелъ нужнымъ дать совѣтъ мальчикамъ, какъ вести себя предъ будущимъ ихъ начальствомъ.

— Ежели начальство васъ спроситъ — отвѣчать громко: „всѣмъ довольны“, вразумлялъ онъ. — „Получали, молъ, тоже сполна все.“ Слышите? Потому, Боже сохрани!

У заставы унтеръ припарадился, перекрестился и повелъ партію фронтомъ въ острогъ. Сдавъ тамъ арестантовъ, онъ переночевалъ съ мальчиками въ пересыльной казармѣ и рано утромъ привелъ ихъ въ казармы заведенія кантонистовъ, сдалъ ихъ благополучно по принадлежности и отправился восвояси.

II.

ПОНЕДѢЛЬНИКЪ. — ПЕРВАЯ РОТА НА ФРОНТОВОМЪ УЧЕНЬИ.

Былъ шестой часъ утра. Къ одной изъ кроватей задней линіи подошелъ кантонистъ-часовой и разбудилъ нашего героя, Василья Иванова. Онъ сѣлъ на кровать, протеръ глаза, порывисто вздохнулъ, потянулся-было, зѣвнулъ, но сей-

часъ же всталъ. Надо было чистить сапоги. Доставъ изъ кроватнаго ящика ваксу, онъ развелъ ее, въ черепкѣ, и принялся за работу. Работа шла довольно успѣшно. Вдругъ кто-то отчаянно закричалъ во снѣ: „Помилуйте, ваше благородіе, никогда не буду, помилосердствуйте.“ Крикъ раздался такъ неожиданно, голосъ былъ такой раздирающій, что Ивановъ вздрогнулъ и выронилъ изъ руки щетку; та упала на черепокъ съ ваксой и вакса разлилась по полу, промежь кроватей. Онъ испугался этого событія и заплакалъ. На бѣду проснулся его дядька и, узнавъ въ чемъ дѣло, всталъ и велѣлъ ему нагнуть шею. Тотъ не понялъ.

— Нагни, тебѣ говорятъ, шею, ну... уткни голову внизъ, спокойно наставлялъ дядька своего племяша.

Ивановъ повиновался, недоумѣвая, однако, для чего это.

— Стой, добавилъ дядька и, попридержавъ голову племяша лѣвою рукою, правую раскачалъ въ воздухѣ и ударилъ ею съ размаху Иванова по шеѣ. Тотъ взвизгнулъ на всю комнату. Но это было такъ обыденно, что никого не встревожило и не разбудило. Ивановъ рванулся-было отъ дядьки, но напрасно: тотъ крѣпко вцѣпился въ него.

— Ты не кричи, приговаривалъ дядька: не кричи, когда дѣло дѣлаешь, остороженъ будь и ротъ не разѣвай, а напакостивши — не хнычь. Вотъ что! Такими словами со-

провождалъ свои удары первый и самый ближайшій начальникъ новичка.

Кромѣ дядьки, начальства въ заведеніи было пропасть. Заведеніе состояло изъ 4-хъ ротъ. Рота, заключавшая въ себѣ болѣе 300 кантонистовъ, дѣлилась на 4 отдѣленія (капральства), капральство—на 4 десятка. Въ ротѣ начальствовали: ротный командиръ, фельдфебель, 4 капральныхъ: унтеръ-офицера и ефрейтора (на кантонистскомъ нарѣчіи первые — правящіе, а послѣдніе — капралы). Кромѣ того, тутъ было 20 десяточныхъ ефрейторовъ, столько же вицъ-ефрейторовъ, да до 100 дядекъ. Должностные отличались по значкамъ на погонахъ. Фельдфебелями и правящими были учителя-унтеръ-офицеры и просто унтеръ-офицеры; въ капралы же—десяточные ефрейторы и вицъ-ефрейторы выбирались изъ среды самихъ кантонистовъ,—такіе, которые отличались ловкостью и, главное, красотою.

— Вставать, вставать! раздалось по комнатамъ на разные голоса.

Кантонисты мигомъ встали и принялись: кто застилать кровать, кто расправлять брюки, обчищать куртки; шли умываться. Спустя четверть часа, всѣхъ согнали одѣваться на заднюю линію, а на переднюю выступили дневальные, начали сбрызгивать водой изо рта полъ, подметать его, стирать поднявшуюся густымъ столбомъ пыль. Далѣе, одѣтые въ

куртки мальчики, подвергались осмотру: новички—со стороны дядекъ, дядьки — вицъ-ефрейторовъ, вицъ-ефрейторы со всѣми вмѣстѣ были осматриваемы ефрейторами. Всякій высшій начальникъ старался находить неопрятность, неисправность въ одеждѣ низшаго, ему подвѣдомаго, начальника и тутъ же щипалъ его за волосы, рвалъ за уши, билъ кулакомъ; а наказуемый, лишь только освобождался отъ наказующаго, немедленно придирался къ своему подчиненному и на немъ вымѣщалъ свою боль. Такимъ образомъ побои передавались до новичковъ включительно; имъ бить ужъ некого было.

— Второе капральство, на молитву! раздался голосъ правящаго, и человѣкъ 70—80 столпились въ уголъ, къ образу. Правящій задалъ тонъ и кантонисты запѣли. Но правящій недоволенъ.

— Если завтра такъ же плохо споете, какъ сегодня, говоритъ онъ,—всѣхъ безъ обѣда оставлю. Теперь по мѣстамъ,—иду койки осматривать.

Кантонисты мигомъ очутились возлѣ своихъ кроватей и принялись взбивать мочальныя подушки, обтягивать простыни, одѣяла. А правящій съ капраломъ, вооруженнымъ пучкомъ розогъ, пошелъ осматривать кровати. Отворачивалъ гдѣ одѣяло, гдѣ тюфякъ; приказывалъ выдвигать кроватный ящикъ, вынимать изъ него вещи, заставлялъ при себѣ же

опять складывать ихъ, по установленной формѣ, и прятать обратно въ ящикъ, но прятать такъ, чтобы по срединѣ ящика непремѣнно лежали: полотенце, гребенка, ложка и зеркальце, если оно имѣется. Видно, того требовалъ порядокъ.

— Капралы! за хлѣбомъ! раздался по комнатѣ новый крикъ, по окончаніи осмотра кроватей.

Капралы отправляются на зовъ къ фельдфебельской каморкѣ, возлѣ которой расположенъ столъ; на немъ поставлены чернильница, песочница, счеты, какія-то бумаги и въ жестяномъ подсвѣчникѣ горитъ сальная свѣча. У стола сидитъ заспанный кантонистъ лѣтъ 17. Это ротный писарь и ея канцелярія. Подойдя къ столу, 4 капрала, люди съ писаремъ близкіе, сѣли: кто на табуретъ, кто на окно, кто и на столъ, а на приличномъ отъ нихъ разстояніи стали на вытяжку человѣкъ 10 простыхъ кантонистовъ, пришедшихъ за хлѣбомъ для капральствъ. На ближайшей, къ столу, кровати стояли двѣ огромной величины корзины съ нарѣзанными ломтями.

— Въ первое капральство отпусти 63 ломтя, приказываетъ писарь дежурному ефрейтору, завѣдующему хлѣбомъ.

— Ну, ужъ и 63! возражаетъ капралъ Бирковъ, стройный, 18-ти-лѣтній юноша. — Прибавь, Петя, ломтей десять на мое рыло; я, чай, знаешь, люблю поѣсть.

— Прибавь ему 10 ломтей, велѣлъ писарь дежурному. Потомъ, обращаясь къ Биркову, прибавляетъ: Чуръ, помнить: у Рудина въ классѣ урокъ не спрашивай, а то учитель испортитъ оплеухами всю его маску (красоту), тогда всѣмъ намъ житья не будетъ отъ фельдфебеля.

— Во второе капральство 65 ломтей, въ третье — 80, продолжалъ Бобровъ.

— Ты, Петя, въ умѣ, али нѣтъ? заговорилъ капралъ Андреевъ.—А на прибывшихъ? Ихъ вѣдь 6 человѣкъ.

Бобровъ хватаетъ рапортичку, счеты и щелкаетъ костями.

— Твои прибывшіе пропущены, рѣшаетъ онъ. Ну, да они, я думаю, еще деревенскихъ кокурокъ (сдобныя, сухія лепешки) не доѣли. Завтра вытребую, а сегодня пусть такъ останутся.

— Какъ же безъ завтрака!

— Да очень просто: на нѣтъ и суда нѣтъ.

— Что же ты дѣлаешь? однимъ по 15 ломтей лишнихъ, а другихъ голодныхъ оставляешь, вмѣшивается капралъ 4-го капральства, Калининъ.

— Тебѣ-то что надо? прерываетъ Бобровъ. Думаешь, и тебѣ прибавлю? какъ же держи карманъ.

— Прибавить, не прибавишь, а и не додать не смѣешь.

— Наушничать, что-ли, пойдешь?

— И этого не сдѣлаю, а при всѣхъ же фельдфебелю пожалуюсь: пусть онъ насъ разсудитъ.

— Безъ года недѣлю и капраломъ-то, а ужъ туда же ротъ разѣваетъ! На отца надѣешься, вотъ тебѣ и чортъ не братъ.

— Надѣюсь-ли я на кого, либо нѣтъ—это дѣло постороннее, а ужъ за свое капральство постою.

— За свое капральство? Да стоишь-ли ты быть капраломъ-то? Попалъ въ капралы изъ-за маски, да тятиньки, и туда же храбрится! Настоящее-то твое мѣсто вѣдь въ слабыхъ (новичкахъ), а не въ ординарцахъ, да въ знаменщикахъ.

— Въ дѣлежъ хлѣба все это не подходитъ. Я ни во что не напрашивался!

— Молодецъ, Митя, ловко огрызаешься, перебиваетъ Бирковъ. Ахъ вы мои, кралечки этакія.

— А самъ-то, самъ-то, развѣ не маска? возражаютъ Рудинъ и Андреевъ.

— Напрасный трудъ: я самъ того и гляжу...

— Вотъ, братцы, что значитъ надѣяться-то! молвилъ Андреевъ.—Тебѣ, Митя, спола-горя смѣяться надъ другими, коли знаешь, что тебя побоятся трогать.

— Не будь-ка у тебя отца, то же бы...

— Полно вамъ, дьяволы, *такіе* разговоры-то здѣсь вести: услышатъ, а не то изъ васъ же кто-нибудь перескажетъ,

тогда мнѣ, того и гляди, придется въ чужомъ пиру похмѣляться. Додай, Панкратьевъ, въ 3-е и 4-е капральства по 6 ломтей лишнихъ, противъ наличнаго числа, и убирайтесь отсюда ко всѣмъ чертямъ. Тутъ надо рапортъ сочинять, а съ вами только съ толку собьешься.

Получивъ хлѣбъ, капралы отправились во-свояси, тамъ созвали къ себѣ десяточныхъ ефрейторовъ, роздали имъ завтраки на ихъ десятки, также по числу людей; тѣ перенесли хлѣбъ на свои кровати и дѣлили его десяткамъ чрезъ дядекъ и вицъ-ефрейторовъ. И ломоть черстваго хлѣба, въ четверть фунта вѣсомъ, кантонисты съ жадностью съѣдаютъ, воруя и отнимая другъ у друга; тѣ же, кого начальство, за безпорядокъ, лишило этого лакомства, съ завистью поглядываютъ на счастливцевъ.

Послѣ завтрака, по командѣ капрала, всѣ выстроились. Капралъ пожелалъ произвести смотръ своихъ кантонистовъ.

— Ивановъ, отчего безъ пуговицы? строго спросилъ онъ.

— Всѣ, кажись, есть, отвѣтилъ спрошенный. — Право всѣ.

— Еще увѣряешь — всѣ; а это что? Онъ подошелъ къ нему и указалъ на незастегнутую пуговицу. Это что?

— Да ихъ такъ много, что и не пересчитаешь, оправдывался виновный. — Экъ ее угораздило отстегнуться. Онъ живо ее застегнулъ. Пуговицъ было на борту куртки счетомъ 6.

— Кто дядька?

— Эвонъ стоитъ—чрезъ двухъ отселева.

— Семеновъ, осматривалъ ты своего племяша?

— Да-съ, осматривалъ.

— И не видалъ, что онъ становится во фронтъ разстегнутый?

— Онъ былъ застегнутъ; надо быть, послѣ какъ-нибудь...

— По-вашему—вы оба правы, а по-моему—виноваты, да и виноваты не вы, а ваши глаза, руки. По глазамъ нельзя бить. Ну-ка, Семеновъ, лѣвую руку ладонью вверхъ!

Семеновъ побагровѣлъ, но повиновался. Капралъ ударилъ распущенными прутьями розги прямо по пальцамъ дядьки, Тотъ позеленѣлъ, затрясся, но не пикнулъ, мгновенно поднесъ руку ко рту и сталъ дуть на пальцы.

— Постой, постой дуть-то. Правую впередъ!

Семеновъ исполнилъ. Капралъ хлестнулъ и по ней розгой. У Семена показались слезы.

— На мѣсто! Ну-ка ты, подай сюда руку. продолжалъ капралъ, обращаясь къ Иванову.

— Ня за что не дамъ. За что-жъ это такъ драться-то? визгливо заговорилъ Ивановъ.—Хоть убей, не дамъ.

— Не дашь?

Разсерженный капралъ схватилъ его за голову и сталъ стегать по спинѣ. Ивановъ кричалъ изо всей мочи, барахтался.

Пронизительный крикъ его привлекъ вниманіе правящаго, который и подошелъ къ фронту.

— Молчать! крикнулъ онъ на Иванова, и тотъ ревѣть пересталъ, но все еще всхлипывалъ. Сергѣевъ! съ правой ноги сапогъ долой, приказалъ правящій. Покажи портянку.

Сергѣевъ показалъ. Она была черновата.

— Розогъ! крикнулъ правящій. Моихъ силъ не хватаетъ смотрѣть за вами. За всѣхъ въ отвѣтѣ одинъ я. Такъ я-жъ васъ выучу, канальи!...

— Становиться въ роту! прокричалъ дежурный унтеръ, проходя по комнатамъ.

Выстроилась и рота въ самой большой комнатѣ. Издали показался фельдфебель, въ сопровожденіи своей свиты, унтеровъ и капраловъ. Важною, горделивою поступью пошелъ фельдфебель по фронту и одного, неровно стоявшаго, нарядилъ на часы, другому посулилъ розогъ; вообще не поскупился на распоряженія въ подобномъ родѣ.

— Классные въ классъ, а остальные по десяткамъ и начать одиночное ученье, заключилъ фельдфебель и отправился пить чай во-свояси.

Рота раздѣлилась по комнатамъ на отряды, человѣкъ по 15—20; десяточные ефрейторы выступили впередъ.

— Смир-р-рно! скомандовалъ своему десятку ефрейторъ Пахомовъ.. Кантонисты вытянулись въ струнку.

— Ровняйся!

Всѣ выровнялись. Ефрейторъ зашелъ съ праваго фланга. взглянулъ—хорошо; съ лѣваго—тоже.

— Глаза на пра-во!

Мигомъ головъ двадцать повернулись.

— Пря-мо!

Глаза опустились прямо.

— Глаза на лѣ-во!

Одинъ опоздалъ.

— Это что! Что ты о деревнѣ, что-ли, думаешь во фронтѣ? говоритъ ефрейторъ и начинаетъ драть провинившагося за волосы. Кантонистъ искривляетъ физіономію, пищитъ, ежится, а ефрейторъ приговариваетъ: что? вѣрно противъ шерсти? Противъ шерсти, а? Помни, что стоишь во фронтѣ, а не за сохой; помни. Полъоборотъ на пра-во!

Кантонисты повернулись на пяткахъ.

— Во фронтъ!

Кантонисты исполнили и это.

— Полъоборотъ на лѣ-во. Во фронтъ. Шеренга на право! На руку дистанція.

Кантонисты отодвигаются и, накладывая руки на правыя плечи впереди стоящаго кантониста, вскорѣ же опускаютъ ихъ по швамъ.

— Тихимъ учебнымъ шагомъ въ три пріема: ра-а-а-азъ.

Кантонисты медленно и осторожно выдвигаютъ впередъ лѣвую ногу, держась на одной правой и стараясь не шаркнуть объ полъ.

— Хорошенько вытянуть носокъ! корпусъ держать прямо; грудь впередъ; Хохловъ подбери брюхо: чай, не мужикъ.

Ефрейторъ обходитъ шеренгу, внимательно оглядываетъ каждаго, все-ли въ немъ исправно, потомъ возвращается на средину, шага на четыре отъ шеренги.

— От-ставь.

Ноги мгновенно убираются въ свое мѣсто.

— Ра-а-азъ...

Ноги вновь выдвигаются.

— Дв-ва-а.

Ноги плавно поднимаются вверхъ, до-тѣхъ-поръ, пока сравняются съ животомъ.

— На ногѣ не дрожать; корпусомъ не шевелить; руками не болтать.

Ефрейторъ опять обходитъ шеренгу; но у кого-то нога отъ долгаго держанія ея на вѣсу затряслась сильнѣй и сильнѣй, и потомъ опустилась на полъ.

— Ты, р-р-разбойникъ, не хочешь стоять? стоять не хочешь? Я тебѣ задамъ.

Мгновенная расправа.

— Дв-ва-а...

„Разбойникъ“ поднялъ голову.

— Три!

Шеренга живо опустилась на лѣвую ногу.

— Ра-а-азъ! Два-а-а! Ра-а-азъ! Два-а-а!

И поперемѣнно поднимаются на воздухъ то правыя, то лѣвыя ноги.

— Тихимъ учебнымъ шагомъ въ два пріема ра-а-азъ!

Лѣвыя ноги прямо поднялись вверхъ.

— Два-а-а! Ноги опустились. Не шевелиться!

— Тихимъ учебнымъ шагомъ въ одинъ пріемъ! Ра-а-азъ.

Всѣ мгновенно подняли ноги и протяжно сдѣлали шагъ впередъ.

— Ротный командиръ! раздалось издалека.

— Во фронтъ! скомандовалъ ефрейторъ. Хорошенько откашляться. подтянуться, выравняться.

Фельдфебель выскочилъ изъ своей коморки, подбѣжалъ къ ротной канцеляріи, схватилъ какую-то бумажку и поспѣшно направился-было на встрѣчу ротному.

— Гаврило Ефимычъ! остановилъ его ротный писарь Бобровъ: рапортичка-то вѣдь не подписана...

— Сто разъ, кажется, я тебѣ, шмара проклятая, приказывалъ подписывать за меня самому, а ты? Не умничай лучше, да не толкуй о томъ, что до меня не касается. Ужъ я когда-нибудь спущу тебѣ шкуру; непремѣнно спущу. Подпиши!

И фельдфебель бѣгомъ пустился къ ротному.

Въ комнату роты вошелъ среднихъ лѣтъ толстый, рыжій офицеръ; лицо его было безъ всякаго выраженія, дряблое, отвислое; только быстрые, сѣрые глаза его какъ-то дико свѣтились. Это былъ капитанъ Живодеровъ. Происходилъ онъ изъ дворянъ, воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ, служилъ въ заведеніи лѣтъ 15—20 съ прапорщичьяго чина и между офицерами считался старшимъ, и даже пользовался почетомъ.

— Здравствуй, процѣдилъ сквозь зубы Живодеровъ фельдфебелю, когда тотъ отрапортовалъ ему о благополучіи.

— Желаю здравія, ваше благородіе.

— Здорово, ребята! обратился Живодеровъ къ кантонистамъ.

— Здравія желаемъ ваше б-родье! гаркнули кантонисты во весь голосъ.

Привѣтствіе „здравствуй“, а не „здорово“ означало хорошія интимныя отношенія между здоровающимися. Съ такою фамиліарностію ротные обыкновенно обращались только къ фельдфебелямъ.

— Продолжать ученье, произнесъ Живодеровъ, направляясь дальше.

— Не угодно-ли вашему благородію трубочки покурить? вкрадчиво предложилъ фельдфебель.

— Пожалуй, согласился Живодеровъ и пошелъ въ фельдфебельскую комнату, гдѣ выпилъ изъ знакомаго ему глинянаго кувшина изрядный стаканчикъ-другой, и сдѣлавшись значительно веселѣе, вышелъ къ учившимся.

— Шеренга на-пра-во! командовалъ ефрейторъ.

— На пять шаговъ дистанція, скорымъ шагомъ мар-р-ршъ! Все двигалось въ стройномъ порядкѣ, а ефрейторъ громко держалъ тактъ, считая: разъ-два, разъ-два.

— Носокъ, носокъ вытягивать, крикнулъ, наконецъ, Живодеровъ. — Я здѣсь! Это „я здѣсь“ коротко было знакомо кантонистамъ по своимъ тяжелымъ послѣдствіямъ.

— На лѣво круг-гомъ! поворачивалъ ефрейторъ. Кто-то споткнулся.

— Стой, рявкнулъ Живодеровъ.—Розги здѣсь?

— Ивановъ, принеси розогъ! передалъ фельдфебель ефрейтору.

— Отчего здѣсь нѣтъ? спросилъ, побагровѣвъ, Живодеровъ.—Я сколько разъ приказывалъ, чтобы во всѣхъ комнатахъ были розги? Ждать теперь? Смотри! погрозилъ онъ фельдфебелю.

— Сегодня, ваше благородіе, полковникъ изволили обѣщаться зайти, оправдывался фельдфебель. Потому я распорядился убрать для чистоты...

— Тутъ что хочешь можетъ быть лишнее, но не розги.

Это и полковникъ знаетъ. Безъ розогъ нечего здѣсь и дѣлать. Понимаешь ты... а?.. Понимаешь, или нѣтъ?

— Точно такъ-съ, ваше благородіе.

— Эй ты, Фокинъ, впередъ. Помертвѣвшій мальчикъ вышелъ изъ шеренги.

— Ну, какъ теперь его драть? громко сказалъ Живодеровъ. Какъ бы такъ, чтобъ и ловчѣй, и больнѣй было? Не выдумалъ-ли ты какого-нибудь новаго метода? отнесся онъ къ фельдфебелю.

— Ежели угодно—прикажите ему, ваше благородіе, взяться, не раздѣваясь, за носки руками. Эдакого манера они шибко трусятъ...

— А?., а?.. Возьмись-ка, любезный, за носки, заговорилъ Живодеровъ.

— Простите ваше благородіе, никогда больше не замѣтите! взмолился Фокинъ.

— Не будешь—твое счастье—сѣчь не буду. Ну, а теперь нагнись-ка. Ефрейторъ, валяй!

Фокинъ повиновался, но послѣ перваго же удара выпрямился. Живодеровъ повторилъ приказаніе „за носки“. Фокинъ, получивъ ударъ, страшно завылъ и опять выпрямился.

— Счастливая мысль, благая мысль. А та-та-та! Брюки долой. Раздѣнься! и за носки!..

Фокинъ плакалъ, медлилъ.

— Исполнить! крикнулъ Живодеровъ другимъ кантонистамъ. Фокина хлестнули распущенными прутьями, но на этотъ разъ онъ ужъ не выпрямился только, а грохнулся навзничь объ полъ.

— По животу теперь его, по животу: встанетъ. А та-та-та! Хорошо, хорошо! А та-та-та! Напалъ, напалъ-таки, наконецъ, на мысль! неистовствовалъ Живодеровъ. — Проба хороша, отличная проба. За носки, за носки и взадъ и впередъ, взадъ и впередъ: брюхо тоже не жалѣть. За носки!..

— Полковникъ идетъ! доложилъ кто-то.

— Довольно, пока довольно! произнесъ Живодеровъ и отправился на встрѣчу начальнику заведенія. Описанный способъ наказанія ему, между тѣмъ, такъ понравился, что онъ ввелъ его въ частое употребленіе, къ невыразимому ужасу и отчаянію кантонистовъ.

— Открыть ящикъ вотъ этой кровати! приказалъ начальникъ послѣ обычнаго здорованья. Онъ былъ маленькаго роста, круглый, бѣлокурый, съ сѣрыми на-выкатъ глазами, по фамиліи Курятниковъ.

Въ ящикѣ обстояло все благополучно.

— Позвольте, капитанъ, узнать: отчего вонъ подъ тою кроватью пыль? продолжалъ начальникъ, указывая пальцами въ даль.

— Не вижу, господинъ полковникъ, право не вижу-съ,

отозвался Живодеровъ. — Глазами, надо полагать, плохъ сталъ. Извините.

— Если вы не видите пыли, такъ я слышу отъ васъ запахъ *водки;* понимаете: водки? Вы на ученьи, на службѣ,— что же это?

— Виноватъ-съ, господинъ полковникъ, виноватъ... для подкрѣпленія... нездоровится что-то.

— Такъ надо, по-вашему, пить? Нѣтъ-съ! Хотите служить — будьте исправны, не хотите—маршъ въ отставку. Я другихъ найду; да, найду другихъ, да такихъ, которые будутъ прилежны, которые съ женами драться не станутъ. У меня здѣсь не богадѣльня и не кабакъ-съ. Послѣдній разъ дѣлаю вамъ выговоръ, а дальше я съ вами и говорить не стану.

Полковникъ ушелъ. Живодеровъ потребовалъ виновныхъ. Виновнымъ (подъ чьею кроватью была пыль) оказался новичокъ, но какъ онъ новичокъ—то и его дядька.

— Мнѣ дѣлаютъ выговоръ, меня распекаютъ, а я буду съ васъ любоваться? Нѣтъ, ребята, шалите. Раздѣваться!

Минутъ пятнатцать спустя оба были выдраны вновь изобрѣтеннымъ манеромъ.

Часовъ въ одиннадцать ученье кончилось. Кантонисты разбѣжались. Живодеровъ, совершенно довольный, ушелъ домой. Живодеровъ не могъ жить безъ драки. Онъ былъ не

въ духѣ, когда ему не удавалось выдрать кого-нибудь въ ротѣ — и тогда совершалъ побоище дома. Вслѣдствіе этого, лишь только наступитъ, бывало, 12-й часъ — время возвращенія его изъ роты — семья его ужъ зорко глядитъ въ окна, въ какомъ видѣ идетъ хозяинъ: если верхъ его шапки нахлобученъ на кокарду — всѣ бѣгутъ, прячутся кто куда можетъ. Но прихода, часто случалось, не устерегали. И вотъ онъ, войдя въ комнату и бросивъ шапку на полъ, напустился на сына.

— Ты что урокъ не учишь?

— Я, папенька, ужъ выучилъ. Учитель поставилъ 6 балловъ, вкрадчиво и съ подобострастьемъ отвѣчаетъ старшій его сынъ. мальчикъ лѣтъ 16, а самъ такъ и норовитъ тягу дать.

— Ну, а ты зачѣмъ въ зубахъ ковыряешь, развѣ у тебя нѣтъ другаго дѣла — а? обращается онъ къ младшему сыну.

— У меня, папенька, зубы болятъ, объясняетъ сынъ, дрожа отъ страху.

— Тѣмъ хуже: значитъ бѣгалъ по двору, простуживаешься. Я вотъ тебѣ полечу зубы. Я тебѣ дамъ шалить. Эй, Леонька, розогъ!

И начинается сѣкуція.

Участь дочери—дѣвушки уже на возрастѣ—была не лучше. Отецъ, будучи не въ духѣ, бывало, подойдетъ къ ней,

остановится и упорно глядитъ то ей въ лицо. то на ея работу. Дочь крѣпится, крѣпится; не станетъ ей въ терпежъ, уткнетъ голову внизъ, да заплачетъ. А этого только Живодеровъ и ждетъ.

— Такъ вотъ ты какова, змѣя подколодная! На отца и глядѣть не хочешь, онъ тебѣ противенъ, онъ васъ не стоитъ? А кто же загубилъ мой вѣкъ *)—не ваша развѣ мать съ вами, щенятами? А кто васъ кормитъ, кто станетъ готовить вамъ приданое, кто будетъ искать жениха? Такъ вотъ за все это отецъ звѣрь, отецъ вашъ ненавистенъ, про отца сплетни распускаете?.. Нѣтъ! Я заставлю встрѣчать себя весело, а не со слезами... Аѳонька, розогъ сюда!

Несчастная дѣвушка, подобно братьямъ, подвергается истязаніямъ. Истерическій вопль ея еще болѣе раздражаетъ Живодерова.

— Такъ ты еще орать? воскликнулъ онъ, съ пѣною у рта. — Такъ ты еще съ норовомъ, тебѣ вѣрно мало? Цѣлая рота по первому моему знаку замираетъ, а тутъ дрянная дѣвчонка отъ рукъ отбивается, слушаться не хочетъ... Нѣтъ! Я изъ тебя выбью этотъ норовъ, выбью! И онъ впадаетъ въ азартъ, хватается за розгу и самолично чинитъ распра-

---

*) Онъ женился въ первой молодости по любви *на мѣщанкѣ* и вслѣдствіе этого считалъ вѣкъ свой загубленнымъ.

ву... Неистовый шумъ и дикіе стоны долетаютъ до слуха матери, которая прибѣгаетъ освобождать дочь и вступаетъ въ ратоборство съ мужемъ.

— Ванька, Аѳонька, сюда, сюда скорѣй! кричитъ Живодеровъ въ пылу неистовства. послѣ нѣкоторой борьбы съ женою изъ-за жертвы — дочери. Растяните-ка это чертово отродье, растяните, да въ пересушку ее, эту корову, въ пересыпку!—у!..

И жена, такъ же какъ дѣти, какъ кантонисты, подвергается наказанію. Нерѣдко. впрочемъ, Живодерову удавалось запирать жену подъ замокъ, въ спальню, на время. пока онъ истязуетъ дочь. Домъ Живодерова послѣ каждой повальной экзекуціи перевертывался вверхъ дномъ на нѣсколько дней; но потомъ все входило въ обычную колею до слѣдующаго погрома. Какъ у жены, такъ и у дочери синяки и царапины почти не сходили. Жена постоянно жаловалась на мужа и начальнику, и знакомымъ. по толку отъ этого было мало: начальникъ выговаривалъ только ему, журилъ его слегка, а знакомые интересовались разсказами несчастной матери только потому. что видѣли въ нихъ матеріалъ для городской сплетни.

Двѣнадцать часовъ. По ротамъ заведенія прошелъ горнистъ, трубя въ рожокъ сигналъ, призывающій къ обѣду.

За нимъ слышалось приказаніе: „прислуга въ столовую“, и шло туда мальчиковъ пятнадцать, двадцать изъ роты. Прислуживали за столомъ поочередно, подъ наблюденіемъ ефрейторовъ, всѣ простые, т. е. нечиновные кантонисты. По приходѣ въ столовую, раздѣлявшуюся на двѣ громадной величины половины, прислуга надѣвала фартуки, шла за хлѣбомъ, раскладывала его по мѣстамъ, получала, въ большихъ деревянныхъ чашкахъ, щи, при чемъ въ нихъ опускалось счетомъ на каждаго человѣка по два кусочка говядины, мелко накрошенной. Окончивъ эти приготовленія прислуга становилась возлѣ стола и ожидала прихода ротъ.

Разсадка по мѣстамъ производилась по командѣ, причемъ начальство пользовалось привиллегіею—кушать отдѣльно отъ прочихъ.

Дѣти позволяли себѣ, стоя въ компатахъ фронтомъ до отправки въ столовую, нѣкоторыя развлеченія.

Давай, Ершовъ, ложками биться, предлагаетъ мальчикъ Пименовъ.

— А ежели разобьешь, при чемъ же я-то останусь?

— Можетъ, ты мою разобьешь! Это вѣдь на счастье. Давай, что-ли! Была-не была—попробуемъ!

Ершовъ колеблется.

— Трусъ, трусъ, подстрекаютъ его одни.

— Не бейся, Ершъ: безъ обѣда останешься, предваряютъ

его другіе:—у него ложка дубовая и онъ ею не токмà твою березовую, а какую угодно укокошитъ.

— Что-жъ, бьемся, али нѣтъ?

— Бьемся! рѣшаетъ Ершовъ. И, выставивъ впередъ наружную сторону дна ложки, онъ держитъ ее за черепокъ.

— Держись! напоминаетъ Пименовъ, размахиваетъ въ воздухѣ руку, ударяетъ своею ложкою по ложкѣ Ершова и та разлетается на части.

— Молодецъ Пименовъ, право молодецъ, одобряютъ одни.

— Ну что, храбрецъ? дразнятъ Ершова другіе. Бѣги скорѣй за ложкой, не то за второй столъ останешься.

У Ершова навертываются на глазахъ слезы.

— Иди же, тебѣ говорятъ, ложку добывать скорѣй, пока не повели въ столовую, подхватываетъ и Пименовъ. А вы, ребята, никто, помни, не дерись со мной на ложкахъ, предупреждаетъ онъ близъ стоящихъ товарищей. Захочу—всѣхъ оставлю безъ обѣда.

— Дайте, братцы, ложку—сходить пообѣдать, жалобно проситъ Ершовъ, выйдя на заднюю линію къ оставшимся за второй столъ.—Дай, Мериновъ, будь другъ!

— Я самъ за столъ пойду, сердито отвѣчалъ Мериновъ.

— Дай, Вася, ложку—сходить пообѣдать, проситъ Ершовъ у другаго.

— Ложку? гм... отвѣчаетъ, гримасничая, Панковъ. — Да ты изъ какихъ?

— Вѣдь за второй столъ пойдешь; чего-жъ жалѣть-то...

— А для чего бы тебѣ не идти за второй, а безпремѣнно мнѣ?

— Да у меня и мѣсто занято, и ложка была...

— Была, да сплыла. Уступи-ка ты лучше свое мѣсто мнѣ, а я совсѣмъ подарю *) тебѣ, за это, ложку. Ложка, правда, старенькая, съ отгрызаннымъ краемъ, — ну, а хлебать — ничего, — все-таки можно; кашу тоже изрядно поддѣваетъ. Согласенъ, что-ли?

Но Ершовъ ужъ обращается къ третьему.

— Полно канючить-то по-пустому: будь увѣренъ, никто не дастъ, вѣдь это народъ — все сквалыга, вразумляетъ Панковъ Ершова.

— Фельдфебель идетъ! раздается по комнатѣ.

— Уступи же, Ершовъ, мѣсто-то право, подарю ложку: не то — смотри: фельдфебель узнаетъ про ложку и задастъ тебѣ перцу-азра...

— Ну, займи ужъ, горестно соглашается Ершовъ: — только ложка-то ужъ моя.

---

*) Казенныхъ ложекъ никому никогда не давали

— Не сумлѣвайся, обманутъ — не обману. И Панковъ очутился на мѣстѣ Ершова.

— Что, Ершъ, безъ обѣда? насмѣшливо крикнулъ ему Пименовъ, высунувъ языкъ.

— Подожди, смутьянъ ты проклятый, погрозилъ ему Ершовъ издали. Я тебѣ ужо, на ученьѣ-то выквитаю...

— Обтянуть шинели, пуговицы... крючки... волосы пригладить! говорилъ, между тѣмъ, фельдфебель, обходя фронтъ.— Идти въ ногу, начальнику смотрѣть въ глаза — весело! Ѣсть тихо, не шумѣть, вставать разомъ, послѣ сигнала, и хлѣба *не красть*. Попадется кто—съ шеи до пятъ всю шкуру спущу! Маршъ!

Рота отправилась обѣдать, „вольнымъ шагомъ и въ ногу“.

Занявъ въ столовой свои мѣста, кантонисты стали лицомъ къ образу. Въ средней двери появился пѣвческій регентъ, унтеръ, и задалъ тонъ.

Кантонисты запѣли.

— Отставить! крикнулъ вошедшій полковникъ.

Снова!

— От-че всѣхъ на тя, на тя-Гос-спо-ди...

— Чортъ васъ подери! крикнулъ полковникъ. Развѣ такъ надо? Короче, короче, говорилъ онъ, стуча ногами и какъ бы показывая движеніемъ ихъ, какъ надо. Отставить. Пѣніе прерывается.

— Начинай еще...

— Отче всѣхъ на тя, Господи, уповаютъ...

— Стой! Ну, ужъ я вамъ дамъ: уповаютъ! Перепорю вотъ чрезъ девять десятаго, такъ вы у меня будете уповать. Развѣ „Отче всѣхъ“, передразниваетъ полковникъ, а? „Очи“, а не „Отче“... Ну еще?.. начинай...

— Очи всѣхъ на тя. Господи, уповаютъ, поютъ кантонисты, а полковникъ притаптываетъ ногами... „И отверзаеши щедрую руку твою...“

— Скверно! Я васъ передеру, непремѣнно передеру! Продолжай „щедру-ю ру-ку мою.“

— Щедрую руку твою и исполняеши всякое животное благоволеніе.

— Вотъ тебѣ благоволеніе, вотъ тебѣ благоволеніе, приговаривалъ полковникъ, отсчитывая улыбнувшемуся правящему ударъ за ударомъ по лицу.

— Садись! скомандовалъ дежурный офицеръ.

Кантонисты сѣли и съ какою-то дикою, волчьею жадностью начали ѣсть. Полковникъ пошелъ мимо обѣдающихъ.

— Отчего за этой миской не шесть человѣкъ, а только пять человѣкъ? спрашиваетъ онъ, останавливаясь около одного стола.

Отвѣта нѣтъ.

— Почему тутъ нѣтъ шестаго, спрашиваю я?

Дежурные переминаются, кантонисты блѣднѣютъ и краснѣютъ.

— Въ нехорошей шинели былъ и вернулся назадъ: испугался, что ваше скородье тутъ! рѣшился отвѣтить одинъ изъ пятерыхъ.

— А гдѣ ломоть хлѣба, который положенъ былъ для этого шестаго?

Молчаніе.

— Ну... гдѣ... а? грозно тараща глаза, говоритъ полковникъ.

— Съѣли-съ... вполголоса отвѣчаютъ двое, среди которыхъ не оказалось шестаго.

— Врете, черти, спрятали? Кто спряталъ, скажись; а не то до смерти запорю.

— Мы съѣли-съ пополамъ-съ... жалобно заговорили двое.— Простите, ваше скородье!

— А за чѣмъ съѣли? развѣ вамъ не было положено по ломтю?

— Крошечные ужъ очень попали-съ, помилосердствуйте ваше...

— Ахъ вы, обжоры проклятые; вамъ все мало. Отъ земли не видать, а ужъ въ три горла. чортъ васъ побери, жрете-то.

— Никогда не будемъ; въ первый и послѣдній разъ.

— Нарядить на часы этихъ двухъ обжоръ на полночь (вторую смѣну), а остальныхъ — на первую и третью смѣну.

Первыя чашки щей вездѣ ужъ выхлебали. И прислуга забѣгала во всю свою дѣтскую прыть, опять за щами, хлѣбомъ и квасомъ. Второй хлѣбъ былъ ужъ не цѣлые ломти, но кусочки, корки и обглодыши. Вторыя щи гораздо жиже первыхъ и ужъ безъ говядины, а второй квасъ разведенъ водою. Но и это все ѣстся и пьется съ чудеснымъ аппетитомъ, въ ожиданіи каши, которой давалось полчашки на шесть человѣкъ. Подали кашу. Всѣ съ азартомъ начали ее расхватывать, обжигали рты, давились и спѣшили зачерпнуть возможно больше. На одномъ изъ концовъ стола вылетѣла, на средину комнаты, ложка, безъ черенка, и тамъ же раздался смѣхъ.

— Чья ложка? Что за смѣхъ? крикнулъ начальникъ, и живо очутился на мѣстѣ происшествія. Кантонистовъ, около которыхъ онъ остановился, покоробило.—Чья ложка? повторилъ онъ.

— Моя-съ... тоскливо произнесъ худенькій, бѣлокурый мальчикъ.

— Какъ она очутилась на срединѣ, сломанною?

— Виноватъ, ваше скородье: я нечаянно опустилъ ее въ чашку и хотѣлъ вынуть, а вотъ онъ, Плюевъ, ударилъ меня по рукѣ, а Друговъ ударилъ по самой ложкѣ, сломалъ ее и швырнулъ на полъ. Простите, вашескородье.

— Ты, Плюевъ, какъ смѣлъ бить его по рукѣ?

— Онъ полѣзъ, ваше скородье, голой рукой въ чашку,

оправдывается Плюевъ. — Кашу ѣдимъ, а онъ въ нее руку суетъ: можетъ, онъ гдѣ допрежь ее держалъ...

— А ты, Друговъ, зачѣмъ сломалъ ложку и выкинулъ?

— Я хотѣлъ вытащить ее. Я приперъ ее ко дну, чтобы вынуть, да ткнулъ черезчуръ шибко, она и вылетѣла...

— А вы чего захохотали?

— Виноваты-съ... Смѣшно стало, ваше скородье, какъ Григорьевъ вытащилъ изъ чашки руку, всю въ кашѣ, да прямо ее въ ротъ, и облизываетъ кашу-то.

— Ты-жъ зачѣмъ сунулъ руку въ ротъ?

— Да больно-съ, ваше скородье,

— Такъ вы шалить? Дать имъ всѣмъ ужо по пятнадцати.

Кантонисты повѣсили головы и замолчали, зная, что значитъ пятнадцать.

Горнистъ сыгралъ — вставать. Обѣдавшіе вскочили. Многіе не доѣли еще кашу и глядѣли на нее съ жадностью. Спѣли послѣобѣденную молитву, опять въ перемежку съ ругательствами начальника.

— Выводить роты! крикнулъ онъ: — да обыскать хорошенько.

Роты, одна за другою, пошли человѣкъ отъ человѣка на три шага разстоянія; въ дверяхъ два солдата ощупывали и обшаривали каждаго съ головы до ногъ, и нашли куски хлѣба: у одного въ рукавѣ шинели, у другого подъ мышкою, у третьяго привязаннымъ за шнурокъ шинели, сзади между

сборками, у четвертаго подъ брюками, у пятаго за голенищею сапогъ и т. д. Всѣхъ ихъ вывели, одного за другимъ, на средину. Начальникъ потребовалъ розогъ и ихъ принесли пучковъ сто; воровъ было до пятидесяти человѣкъ.

— Раздѣться и ложиться всѣмъ рядомъ! приказалъ онъ.— Считать вѣрно, драть хорошенько; въ противномъ случаѣ, и дерущихъ разложу. Всѣмъ по полсотнѣ.

Воры растянулись, розги засвистали. Поднялся неимовѣрный крикъ, вой и стонъ на всевозможные голоса.

— Довольно! крикнулъ начальникъ, отсчитавъ опредѣленную цифру.

Всхлипывая, бросились наказанные изъ столовой, застегиваясь и оправляясь на бѣгу.

— Что ты, Ваня, такъ долго замѣшкался? спрашиваетъ Ершовъ, въ дверяхъ роты, только что вернувшагося Панкова. —Ужь не попало ли?

— Пошелъ къ чорту! злостно отвѣчаетъ Панковъ.

— Какъ же это ты вздумалъ *при немъ* хлѣбъ уводить? съ участіемъ допытываетъ Ершовъ.

— Вѣдь всего-то полломтя и захватилъ! говоритъ, плача, Панковъ.

— Самъ братъ, напросился. Дай же ложку!

— Самъ напросился? А вотъ не дамъ ложки, да и все тутъ. Отстань отъ меня.

— Чай, самъ сказалъ: „дамъ“ —гдѣ же честное-то слово? И туда же еще, землякъ прозываешься.

— Уведешь два ломтя хлѣба —дамъ ложку, не уведешь —нѣтъ тебѣ ложки.

— Ежели *его* не будетъ въ столовой—попытаюсь: безъ него легче. Дай же ложечки, а то опоздаю.

— Ну, хоть ломоть, да уведи безпремѣнно. На ложку.

— Можно будетъ, извѣстно, не прозѣваю.

За вторымъ столомъ пища была еще хуже; зато начальникъ уходилъ иногда домой; молитвой уже не донимали и кража хлѣба производилась несравненно удачнѣе. Поэтому, опытные воры, жертвуя кусочкомъ говядины перваго стола, ходили постоянно за второй и выгадывали на хлѣбѣ. Укравши нѣсколько кусковъ, кантонистъ торжествовалъ, потому что за кусокъ хлѣба покупались: листъ бумаги, иголка, двѣ-три костяшки, отъ двухъ до пяти нитокъ, нанимались воду носить, полъ подметать, стояли на часахъ по три часа почью и проч. и проч.

Вернулся отъ обѣда и Ершовъ.

— Ну что, увелъ? поспѣшно спросилъ Панковъ.

— Не кричи: опасно! таинственно отвѣчаетъ Ершовъ.— Нешто не видишь, фельдфебель ходитъ и глаза пучитъ на всѣхъ.

— Полно пустяки городить! Хлѣбъ есть?

ВСЕСОЮЗНАЯ БИБЛИОТЕКА имени В. И. Ленина

— Извѣстно, есть. Два ломтя увелъ: тебѣ одинъ и себѣ одинъ. Идемъ въ умывальню, тамъ отдамъ.

— Экій ты, Ершъ, счастливецъ какой!

— Есть чему завидовать, нечего сказать! Ломоть хлѣба досталъ, а ложку погубилъ.

— А я-то развѣ не ложку далъ?

— Обгрызанную-то?

— Все-жъ лучше, чѣмъ вовсе безъ ложки.

Оба торопливо вышли въ дверь.

— Ивановъ, Абрамовъ, Гашкинъ и Панковъ! къ фельдфебельской! крикнулъ капралъ.

У фельдфебельской каморки выстроились человѣкъ десять кантонистовъ.

— И ты, Патрахинъ, попался, началъ фельдфебель. — Хорошо, что я мигнулъ служителю и опъ тебя выпустилъ. а то вѣдь больно постегали бы. Зачѣмъ ты кралъ хлѣбъ?

— Да послѣ ученья всегда ѣсть хочется, смѣло отвѣчалъ спрошенный. — Купить что-нибудь поѣсть — не на что: всѣ деньги истратилъ, со двора идти за ними еще надо ждать воскресенья, а до-тѣхъ-поръ хоть умирай съ голода; ну, я, Гаврило Ефимычъ, и укралъ. Я и начальнику такъ бы прямо сказалъ, Что-жъ, въ самомъ дѣлѣ, голодомъ насъ морятъ?...

— Когда ѣсть захочешь, приходи къ моему камчадалу (лакею) и отъ моего имени спроси у него хлѣба.

— Покорно благодарю-съ...

— А часто бываетъ капитанъ у твоего папаши (онъ былъ незаконнорожденный сынъ одного значительнаго въ городѣ барина, который *оффиціально* покровительствовалъ ему и велъ знакомство не только съ ротнымъ, но и съ самимъ начальникомъ заведенія).

— Очень часто: рѣдкій праздникъ я ихъ тамъ не вижу-съ. Въ карты играетъ, вино пьетъ, ну, и разговариваютъ.

— А обо мнѣ поминаетъ?

— Какъ же-съ, поминаетъ, часто поминаетъ.

— Что-жъ ругаетъ, али хвалитъ?

— Хвалитъ-съ, всегда хвалитъ. Говоритъ: „вся рота на васъ держится.“

— А папаша спрашиваетъ тебя когда про меня?

— Точно такъ-съ.

— Ну, и ты меня хвалишь?

— Да-съ, хвалю. Онъ намедни сказалъ: „Поблагодарю, говоритъ, полковника за него (т. е. за васъ), какъ увижусь съ нимъ, да и посчитаюсь съ нимъ кстати за то, что дѣтей худо кормитъ“.

— Всегда, смотри, хвали меня. Ты вѣдь молодецъ. Желаешь быть ефрейторомъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, не желаю.

— Отчего?

— Да тяжело: ефрейтору за весь десятокъ приходится отдуваться, а простому-то кантонисту одному только за себя.

— Десяткомъ другой будетъ править, а ты станешь значки носить и по ротѣ дежурить. Хочешь?

— Такъ, пожалуй, согласенъ.

— Эй, Калининъ! Храмова утвердить ефрейторомъ нельзя,— онъ карявый. Такъ пусть онъ правитъ десяткомъ, а Патрахину нашить значки.

— Нешто это справедливо? замѣчаетъ Калининъ.

— Ну, молчать! Что велятъ, то и дѣлай.

— Я вамъ докладываю, что Храмову это обидно, потому, за что же и стараться-то, коли старанія пропадаютъ даромъ?

— Замолчи же, а то уши оборву.

— Что-жъ рвите: я за правду стою; а вотъ погляжу, погляжу, да и право пожалуюсь... Про все до полковника дойдетъ отъ казначея...

— Ну, чортъ съ тобой! оставайся съ своимъ Храмовымъ. Ты, Патрахинъ, все-равно будешь ефрейторомъ на этой же недѣлѣ въ другомъ капральствѣ. Ну, а вы сволочь, перестанете хлѣбъ воровать? продолжалъ фельдфебель, относясь къ шеренгѣ.—Молите Бога, что Патрахина простилъ, впередъ не попадаться. По мѣстамъ!

— Слава Богу, что съ нами Патрахинъ попался! вздохнули попавшіеся въ воровствѣ хлѣба, разбѣгаясь по комнатамъ.

— А что?

— Да то, что какъ-бы не его маска,—всѣхъ бы перепороли.

Часъ отдыха. Въ это время кантонисты починяютъ платье, чистятся къ новому ученью, учатъ уроки, пунктики, артикулы, а кому рѣшительно нечего дѣлать (такихъ, впрочемъ, не бывало), тѣ могутъ, сидя на кроватяхъ задней линіи, шопотомъ разговаривать, дабы не разбудить спящихъ: правящаго и капрала, которые одни только имѣли право спать послѣ обѣда.

Въ половинѣ втораго снова начинается ученье, сопровождаемое обычными уборкою, подметаньями, смотрами, щипками, затрещинами и розгами. Тѣмъ только и легче, что на это ученье рѣдко является начальство, такъ что истязанія оказываются менѣе жестокими.

Въ пять часовъ—новая мука: ученье, такъ-сказать, духовное. Молча, съ замираніемъ сердца, усаживаются кантонисты на кроватяхъ задней линіи по десяткамъ. Племяши помѣщаются возлѣ дядекъ—съ одной стороны, не племяши и не дядьки—съ другой, а посрединѣ—вицъ-ефрейторъ и ефрейторъ. Кантонисты держатъ въ рукахъ тетрадки, книжки, а кто просто лоскутокъ бумаги.

— Ивановъ! начинаетъ ефрейторъ: — играй сигналъ направо.

— Та-та-тра-ди-та-ти! выигрываетъ Ивановъ языкомъ нараспѣвъ и блѣднѣетъ.

— Про-ва-а-лъ те-бя возь-ми-и! также нараспѣвъ отвѣчаетъ ефрейторъ.—Развѣ такъ? играй снова!

— Та-та-то,—та-та-то!

— Врешь! Долго-ли мнѣ съ тобой мучиться-то а? Высунь языкъ, да побольше. Ивановъ исполняетъ, ефрейторъ ударяетъ кулакомъ ему подбородокъ, онъ прикусываетъ языкъ, весь вздрагиваетъ, но не только не кричитъ, а еще радъ, что такъ дешево отдѣлался; усѣвшись на свое мѣсто и взглянувъ на сосѣда, Ивановъ нервически улыбнулся. Ефрейторъ замѣтилъ.

— Ты что, ужъ смѣешься? крикнулъ онъ.—Сейчасъ же на колѣни и сундукъ въ руки!

Ивановъ становится въ промежуткѣ кровати на колѣняхъ, выдвигаетъ изъ-подъ кровати сундукъ съ ефрейторскими вещами, фунтовъ въ двадцать вѣсу, беретъ его на руки, поднимаетъ въ уровень съ головою и держитъ; но руки дрожатъ, самъ онъ краснѣетъ, пыхтитъ отъ тяжести наказанія, а опустить сундука не смѣетъ.

— Ѳедуловъ! продолжалъ между тѣмъ ефрейторъ: — кто у тебя бригадный командиръ?

— Генералъ-маіоръ и кавалеръ Иванъ Ѳедоровичъ Драконовъ.

— Молодецъ.

— Радъ стараться, Иванъ Егорычъ.

— Арбузовъ! Какъ солдатъ долженъ стоять?

— Солдатъ долженъ стоять столь плотно, сколь можно, держась всѣмъ корпусомъ впередъ, и....

— Зачастилъ, да и думаешь не пойму? Нѣтъ, шалишь На колѣни.... на кирпичъ....

— Простите, Иванъ Егорычъ, я ей-богу запамятовалъ.

— Безъ отговорокъ!

Вынули изъ кроватнаго ящика набитый крупною солью кирпичъ въ тряпкѣ и разсыпали его по полу....

— Засучи штаны....

Арбузовъ засучилъ штаны выше колѣнъ и сталъ.

— Теперь я тебѣ напомню, какъ солдатъ долженъ стоять, заговорилъ снова ефрейторъ: — солдатъ долженъ стоять прямо и непринужденно, имѣя каблуки вмѣстѣ столь плотно, сколь можно, и держась корпусомъ впередъ. Слышишь?

— Выучу-съ, ей-богу выучу, Иванъ Егорычъ, только сжальтесь, пожалуйста, страхъ больно.

— Простите, подхватилъ Ивановъ съ сундукомъ въ рукахъ.

— Я ужъ это слышалъ „выучу“. Постойте-ка, авось

тверже запомните. Фельдманъ! Кто у насъ капральный ефрейторъ?

— Кантонистъ Евгеній Васильевичъ Бирковъ.

А военный министръ?

— Генералъ-адъютантъ, генералъ отъ кавалеріи князь Александръ Ивановичъ Чернышевъ.

— Степановъ! Вызови знаменьщиковъ впередъ.

— Та-ти-ти,—та-ти-ти; ти!

— Врешь.

— Нѣтъ, не вру.

— Какъ? ты еще грубить? На горохъ на колѣни!

Подобно кирпичу, разсыпался сухой горохъ, сохранявшійся спеціально для наказаній. И Степановъ съ спокойнымъ, безстрастнымъ лицомъ сталъ на горохъ, засучивъ также штаны, какъ и Арбузовъ. Его колѣни были ужъ привычны ко всему.

— Петровъ! Сыграй застрѣльщикамъ разсыпаться.

— Та-та-тра-да-та-дамъ! та-та, выпѣвалъ Петровъ.

— Бѣжать.

— Ти!

— А какой припѣвъ къ этому сигналу?

— Разсыпьтесь стрѣльцы, за камни за кусты, по два въ рядъ.

— Фельдфебель идетъ, кричатъ кантонисты.

— Простите, Иванъ Егорычъ, заголосили стоявшіе на колѣняхъ.—Больше не будемъ....

— Ну, встаньте, да смотри у меня—выучить, а не грубить; а то завтра нарочно продержу на колѣняхъ до фельдфебеля; пусть васъ отпоретъ.

Виновные вскочили, убрали все, расправили окоченѣвшіе отъ боли члены и усѣлись по своимъ мѣстамъ.

— Кто у насъ фельдмаршалъ? спрашиваетъ фельдфебель, остановившись у одного изъ десяточныхъ засѣданій.

— Генералъ-фельдмаршилъ князь Варшавскій, графъ Паскевичъ-Эриванскій, звонко отвѣчаетъ вопрошаемый, лучшій изъ вицъ-ефрейторовъ роты.

— А какъ его имя?

— Генералъ-фельдмаршалъ князь Варшавскій...

— Фамилія?

Молчаніе.

— Лепекинъ, какъ фамилія фельдмаршала? спрашиваетъ онъ другаго ефрейтора.

— Князь Варшавскій.

— Врешь! всѣ ефрейторы сюда.

Подбѣгаютъ пять десяточныхъ ефрейторовъ и капралъ.

— Фельдмаршала какъ фамилія?

— Графъ Паскевичъ-Эриванскій, отвѣчаютъ одни.

— Не такъ.

— Иванъ Ѳедоровичъ. продолжаютъ другіе.

— Ты, Рудинъ, какъ скажешь?

— Запамятовалъ. Подтверживать, сами знаете, некогда: человѣкъ на рукахъ.

— Капральнаго унтеръ-офицера сюда.

Явился учитель—унтеръ-офицеръ.

— Генералъ-фельдмаршала какъ фамилія?

— Эриванскій.

— И вы также не знаете? какой же вы, послѣ этого, учитель, когда этого не знаете? Вѣдь это стыдно вамъ, сударь!

— Позвольте просить васъ хоть при мальчикахъ меня не конфузить. Я такой же, какъ вы, унтеръ-офицеръ.

— Такой же, какъ я? Вотъ оно что! Руки по швамъ! Ничего не знаешь, а туда же еще съ амбиціей. Я вотъ завтра доложу капитану, такъ онъ форсъ-то съ *тебя* сшибетъ. Впрочемъ, что я? Завтра же дежурить, а ежели не станешь, тогда я съ тобой чрезъ капитана поговорю. Позвать сюда ефрейтора Орлова!

Прибѣгаетъ бѣлокурый, блѣдный юноша, лѣтъ 17.

— Ты, Орловъ, говорятъ, лучшій грамотѣй изо всей роты; выручи, братъ, этихъ скотовъ изъ бѣды: кто у насъ фельдмаршалъ, скажи имъ.

— Генералъ-фельдмаршалъ князь Варшавскій, графъ Иванъ Ѳедоровичъ Паскевичъ-Эриванскій.

— А какъ настоящая его фамилія?

— Паскевичъ.

— Неужто?

— Да-съ, Паскевичъ,—это вѣрно.

— Молодецъ, братъ, молодецъ. Спасибо. Дай же теперь по двѣ оплеухи всѣмъ вотъ этимъ ефрейторамъ.

Орловъ исполнилъ приказаніе.

— А ну-ка, растолкуй теперь хорошенько имъ, да вотъ этому учителю, балбесу, весь титулъ. Растолкуй все какъ слѣдуетъ.

— Извольте-съ, заговорилъ Орловъ.—Генералъ-фельдмаршалъ—это самый старшій чинъ изъ всѣхъ генераловъ; послѣ Государя онъ вездѣ первый. Титулъ князя Варшавскаго—ему царь пожаловалъ за покореніе города Варшавы; графа Эриванскаго—ему дали тоже за завоеваніе Эривани; это страна такая есть; Иванъ—его имя, Ѳедоровичъ онъ зовется по отчеству, а Паскевичъ его фамилія и есть. Вотъ и вышло—генералъ-фельдмаршалъ князь Варшавскій графъ Паскевичъ-Эриванскій.

— Ну, слышали, ослы? Ежели кто изъ васъ этого не заучитъ, тогда я съ вами иначе поговорю... А ты, Орловъ, спиши нѣсколько такихъ штукъ на бумагѣ, раздай имъ, шмарамъ этимъ, да и мнѣ принеси. За это я позволю тебѣ ходить со двора безъ спросу, въ свободное, разумѣется, время. Разойтись изъ десятковъ!

— Разойтись, разойтись, подхватываютъ голоса изъ комнаты въ комнату.

Сидѣнья въ десяткахъ повторялись ежевечерно цѣлую зиму. Экзамены были строги и многочисленны: ихъ производило все начальство, начиная отъ ефрейтора и кончая начальникомъ заведенія. За всякое незна́ніе наказывали кирпичемъ, сундукомъ, горохомъ и зуботычинами; сѣкли рѣдко— въ исключительныхъ только случаяхъ.

Ужинъ полагался въ 8 часовъ вечера. Во время ужина самъ начальникъ лишь изрѣдка заходилъ въ столовую, и то только для ловли воровъ хлѣба. По окончаніи ужина совершалась слѣдующая церемонія: кантонистовъ выстраивали; правящій перекликалъ всѣхъ по списку, осматривалъ каждаго съ ногъ до головы, убѣждаясь опрятно-ли они одѣты, вычищены-ли пуговицы. сапоги, шинели, хорошо-ли причесаны. Сзади его шелъ капралъ и паряжалъ на завтра въ прислуги, въ дневальные, на часы на ночь и на работу въ умывальню.

— Послѣ повѣрки живо убраться и ложиться спать, приказывалъ правящій. — Да чтобы у меня спать, не розѣвая ротъ, не сгибаясь въ три погибели, а лежать на правомъ боку, вытянувшись какъ во фронтѣ. Денныя наволочки, простыни спять, аккуратно сложить и спрятать въ кроватные ящики. Брюки сбрызнуть водой и положить на ночь

подъ тюфякъ, чтобъ завтра сидѣли гладко, ровно. Часовымъ ночью не дремать, а ходить взадъ и впередъ, да смотрѣть въ оба, чтобы все было цѣло, чинно, чисто. Поняли? Ну, пошли спать!

Полчаса спустя, кантонисты лежали на кроватяхъ и изъ нихъ безпечные-спокойно спали, а заботливые — размышляли еще о грозящей имъ утромъ отвѣтственности, если не лично за себя, то за своихъ собратовъ-неряхъ и т. д. Въ дверяхъ каждой комнаты зажженный ночникъ тускло и уныло освѣщалъ собою комнаты, а взадъ и впередъ ихъ мѣрно, точно маятникъ, двигались кантонисты-часовые.

Тяжело разсказывать о мученіяхъ несчастныхъ дѣтей, страдавшихъ извѣстною дѣтскою болѣзнью. Послѣ усиленной гонки въ теченіе дня, имъ и ночью даже не удавалось отдохнуть, тѣмъ болѣе, что клали ихъ на голыя доски. Забывшись сномъ, ребенокъ и не замѣчалъ, что онъ въ постели. А часовой ужъ будитъ его, толкая ногою въ бокъ.

— Ты, что-же это, рожа поганая, дѣлаешь? Не можешь выдти, куда нужно...

— За что-жъ ты дерешься-то? пищитъ бѣдняга.

— А нешто мнѣ охота отдуваться за тебя? Вставай, пойдемъ къ дежурному: пусть онъ видитъ твое безобразіе. И снова толчокъ въ бокъ.

— Охъ, не дерись! Я и то весь исколоченъ, сквозь

слезы говоритъ мальчикъ. — Я ей-ей нечаянно... Мнѣ съ просонья причудилось...

— А вотъ увидимъ, что тебѣ подъ розгами причудится. Идемъ!

— Оставь меня, пожалуйста, будь другъ. Я самъ не радъ....

— Толкуй, толкуй! А вытирать до дежурнаго не позволю.

— Миша! голубчикъ, родненькій, сжалься: не выдавай, пожалуйста, вчера только выдрали, сегодня опять... Мальчикъ глухо завылъ. — Вѣкъ не забуду, промолчи только ради Бога, ради матери пожалѣй, отчаянно молилъ онъ часоваго.

— А что дашь?

— Да что-жъ мнѣ тебѣ дать-то, коли у самаго ничего нѣтъ? Богу, на колѣняхъ, за тебя помолюсь....

— Ну, братъ, врешь. Это я и самъ могу. А ты отстой вотъ остатній часъ на часахъ за меня.

— Я и то рѣдкую ночь на часахъ не стою, рѣдкую ночь меня тридцать разъ не разбудятъ.... Я николи не высыпаюсь, позавчера вопъ... Слезы градомъ покатились изъ глазъ несчастнаго и онъ не могъ договорить начатой фразы.

— Хнычь, не хнычь, а такъ не отстану! Либо поропцу,

либо часъ отстоять, выбирай любое. Тебѣ же добра желаю, дуракъ...

Дѣлать было нечего. Хомутовъ одѣлся, взялъ въ руку какую-то тетрадку, вышелъ на средину, озлобленно плюнулъ и остановился.

— Экая жизнь-то проклятая! Хоть бы сгинуть, что-ли, поскорѣй; околѣть бы, право ну, а то вѣдь и погибели никакой Богъ не даетъ. Господи! пошли мнѣ смерть.

Между тѣмъ бывшій часовой раздѣвается и ложится спать, весьма довольный своею бдительностью.

Въ другомъ капральствѣ, среди ночи, часовой соскучался. Да и какъ не соскучаться? всѣ спятъ, а онъ ходи тутъ, какъ дуракъ. Хочется на комъ-нибудь зло сорвать. Подходитъ онъ къ одному изъ спящихъ мальчиковъ и безъ нужды будитъ его:

— Антоновъ, а Антоновъ? Это ты грошъ-то далъ, чтобъ тебя не будить?

— Я, ну я, отвѣчаетъ спрошенный, не открывая глазъ.—Не шали, пожалуйста, дай заснуть.

— Спать-то ты себѣ—спи на доброе здоровье. А щукъ не наловишь?

— Да нѣтъ же, нѣтъ отстань ради Христа.

— То-то же, смотри, не обмани, не то обоимъ попадетъ. Часовой отходитъ на средину.

— Антоновъ, а Антоновъ, снова пристаетъ онъ къ нему, нѣсколько минутъ спустя. — Я вѣдь грошъ-то не даромъ съ тебя взялъ, а чтобъ будить, такъ вставай же братъ, вставай, да иди...

— Да отстань ты отъ меня, не то я, право, закричу.

— Спи себѣ, спи любезный, я вѣдь пошутилъ.

Часовой отправляется на свое мѣсто, Антоновъ засыпаетъ. Немного погодя часовой снова возлѣ него.

— А не слыхалъ-ли ты, другъ, кто изъ нашего капральства третьяго дня калачъ укралъ за магазинами?

— А! чтобъ тебя черти побрали, да и съ калачемъ-то вмѣстѣ!

— Ты, братъ, не ругайся, потому я вѣдь только спросилъ.

— Да уйдешь-ли ты, дьяволъ ты этакій!

— Уйду, сію минуту уйду, только вотъ что: грошъ-то ты вѣдь далъ, чтобы тебя не будить. Карасей, смотри, не лови, не то худо будетъ; право, худо.

И такъ продолжается до утра....

III.

ВТОРНИКЪ.—ВТОРОЙ РОТѢ ОЧЕРЕДЬ ВЪ КЛАССЪ.

Въ четвертомъ часу утра въ одну изъ комнатъ роты явился высокій, сухопарый офицеръ, лѣтъ 50 на видъ. Это

былъ ротный командиръ, капитанъ Таракановъ, наканунѣ дежурный по заведенію. По крику его „вставать!“ кантонисты повскакали, одѣлись; началась суета, бѣготня.

— По ротному разсчету, въ три шеренги стройся! командуетъ Таракановъ. — Головы не вѣшать, груди впередъ. Стойка! На-право. Рота поворачивается.

— На три шага дистанція, тихимъ учебнымъ шагомъ въ три пріема ра-а-азъ, ра-а-азъ! Не вертѣться: заморю на ногѣ. Дв-в-ва... тр-р-ри. Тихимъ шагомъ мар-ршъ! Ряды маршируютъ, а Таракановъ даетъ тактъ, хлопая въ ладони и приговаривая: разъ-два-три, разъ-два-три! Рота моя, слушай меня, разъ, два-три. Налѣво кругомъ маршъ! Разъ-два-три, рота моя слушай меня. Стой!.. во-фронтъ! Рота выполняетъ.

— А кто у тебя, Сидоровъ, ротный командиръ?

— Господинъ капитанъ и кавалеръ Макаръ Миронычъ Таракановъ, ваше благородье.

— Врешь, болванъ, не Макаръ, а Макарій: такъ и въ святцахъ напечатано.

— Виноватъ, ваше благородье.

— Виноватъ—не виноватъ, а морду все равно расквашу на память. Титулъ мой не забывать, говоритъ онъ, отпуская Сидорову оплеуху.—Въ службѣ къ отвѣту всегда быть гото-

вымъ, днемъ-ли, ночью-ли что̀ спрошу — одно и то же: служба—дѣло великое, слышите—великое!

— Слушаемъ, ваше благородье.

— На лѣ-во... Скорымъ шагомъ маршъ! Рота пошла.— Въ но-гу, въ ногу, держи тактъ. Перемѣни но-гу. Трое сбились. Произошло смятенье, раздался смѣхъ.

— Стой, стой, стой!.. Кто смѣялся? шагъ впередъ. Никто не трогался съ мѣста.

— Четвертый и седьмой рядъ втораго полувзвода шагъ впередъ! Шесть человѣкъ выдвинулись.

— Кто изъ васъ смѣялся?

— Никто, ваше б-родье.

— Врете: я самъ слышалъ.

— Да теперь, ваше благородье, еще темно: нельзя и разглядѣть кто смѣялся, отвѣчаетъ рослый кантонистъ. — Можетъ кто и во снѣ, говоритъ онъ; другіе вонъ еще спятъ маршируючи...

— Ну, ты, значитъ, и смѣялся, коли оправдываешься. Развѣ не знаешь, что̀ такое фронтъ? Убью! Молите Бога, продолжаетъ онъ, обращаясь ко всей ротѣ, что я зарокъ далъ не драть: сейчасъ бы всю роту вздулъ...

— Фроловъ! выдь на середину и разскажи про мой зарокъ, да такъ, какъ я тебя училъ. Понимаешь?

— Ихъ благородье, въ былыя времена, любили драть и

драть безпощадно, внятно и отчетливо говорилъ молодой унтеръ-офицеръ. — Лѣтъ пять тому назадъ ихъ благородье изволили замѣтить на ученьи у одного кантониста нечищенные сапоги, разсердились и сказали: „Эхма! И у тебя, Фроловъ, сапоги не чищены—драть!“ Фроловъ просилъ помиловать его..

— Не дремать, прервалъ Таракановъ разсказчика. — Ноги!

— Фроловъ просилъ помилованія, продолжалъ разсказчикъ. „Нѣтъ, не въ моемъ духѣ помиловать, поблажку давать“, изволили отвѣтить ихъ благородье. Фельдфебель тоже сталъ просить за Фролова. Это вдосталь разсердило ихъ благородье и они изволили закричать: „Я простить, я простить? Въ жизнь никому не прощу“. И тутъ же, отодравши Фролова.....

— Не кашлять, не шевелиться, перебилъ Таракановъ:— слушать, что говорятъ. Дальше.

— Отодравши Фролова, ихъ благородье ушли домой, дорогой же ихъ схватило, они захворали такъ, — ажно чуть не умерли, и, лежа на смертномъ одрѣ, ихъ благородье изволили дать себѣ зарокъ никогда больше не драть никого, имя Божье всуе не поминать, отслужили на томъ мѣстѣ молебенъ, выздоровѣли и, съ-тѣхъ-поръ, точно не дерутъ...

Унтеръ-офицеръ былъ тотъ самый, котораго Таракановъ

выдралъ послѣднимъ. И, чтобы имѣть возможность чаще раскаяваться, Тараканов исхлопоталъ Фролову производство въ унтеръ-офицеры и оставилъ его у себя же въ ротѣ, живымъ, такъ сказать, памятникомъ измѣненнаго имъ характера.

— Вотъ что значитъ Богъ-то! восторженно произнесъ Тараканов, по окончаніи рѣчи Фролова. — Не шевелись! Новички! все это запомнить и благодарить Бога, что онъ наставилъ меня... не то... Гавриловъ! бедра влѣво. Ужо пойдете въ классъ, а потому я теперь произвелъ ученье; безъ ученья нельзя: всѣ построенія забудете. Разойтись и ложиться спать до 7 часовъ, потомъ въ классъ безъ осмотра, заключилъ Тараканов, и ушелъ въ дежурную комнату.

Страсть Тараканова производить ученья доходила до съумасшествія. Онъ не могъ прожить дня безъ ученья. Оттого, когда рота шла *одинъ* очередной день въ недѣлю въ классъ, — онъ непремѣнно училъ ее: или до класса — рано утромъ, или послѣ ужина—вечеромъ. Въ будни все это было въ порядкѣ вещей; но въ праздники никакихъ ученій не допускалось ни подъ какимъ предлогомъ. Это побудило его изобрѣсть преоригинальный способъ производить ученье дома. Настаетъ, напримѣръ, воскресенье. Онъ ждетъ-не дождется, скоро-ли жена уйдетъ къ обѣднѣ (дѣтей у него не было), а кухарка уберется въ комнатахъ. Лишь только то и другое исполнится, онъ живо одѣнется, въ сюртукъ, застегнется,

выдвинетъ на средину комнаты всѣ стулья, установитъ ихъ въ три ряда, зайдетъ съ какого-нибудь конца, сначала тихо, потомъ громче и громче начинаетъ имъ командовать: „Третій съ лѣваго фланга полъ-шага назадъ! Пятый глаза на-право. Смотрѣть веселѣй; ѣшь начальника глазами. Седьмой рядъ не шевелись: всю морду расколочу. А-а? вамъ хахеньки, хахеньки, вотъ же тебѣ, мерзавецъ эдакій. вотъ тебѣ, скотина ты эдакая“. И, подбѣжавъ къ одному изъ стульевъ, онъ начинаетъ колотить по немъ кулакомъ. но, ощутивъ боль. озлобленно бросаетъ стулъ объ полъ, ставитъ на его мѣсто другой и снова начинаетъ: „шеренга глаза напра-во. Слушать команду, не то заморю на стойкѣ, непремѣнно заморю!.. Скорымъ шагомъ мар-р-шъ“... И со стуломъ въ рукахъ пускается маршировать по комнатѣ, дѣлая различныя построенія...

— Што это вы, баринъ, дебоширничаете? спрашиваетъ, бывало, Тараканова, его кухарка, остановясь у дверей. — Давно-ли стулья-то чинили, а вы опять ужъ ломаете? Баринъ, а баринъ, шли бы вы лучше въ церковь Божью, чѣмъ изъясниться-то понапрасну.

Но Таракановъ продолжаетъ свое ученье.

— Погляди-ка въ окно-то: сколько на улицѣ народу столпилось глазѣть на ваше кудесничанье? И кухарка рѣшается дернуть его за руку.

— Смир-р-р-но! руки по швамъ! вскрикиваетъ Таракановъ. топая ногами на кухарку. —Фронтъ—мѣсто священное; хоть околѣй. а не шевелись. И хлыстъ ее по щекѣ со всего размаху.

— Господи Іисусе, взвизгиваетъ кухарка, бросившись опрометью къ двери, гдѣ сталкивается съ женою Тараканова, которая возвращается отъ обѣдни.

— Да ты, Макаръ Миронычъ, совсѣмъ ужъ, кажется, съумасшедшій, сердито замѣчаетъ жена, глядя на валяющуюся на полу груду разбитыхъ стульевъ. — Вѣдь это чортъ-знаетъ на что похоже.

— Какое матушка „кажись“, ряхнулся, какъ есть ряхнулся, вмѣшивается кухарка.—За доброе-то вонъ слово чуть зубы не вышибъ. Эко житье-то наше рабское... хоть бы дохтура сюда!

— Третій взводъ дирекціи на-лѣво, вольнымъ шагомъ мар-р-ршъ! кричитъ между тѣмъ Таракановъ и, подойдя къ женщинамъ, начинаетъ дергать ихъ за плечи, толкать и кричать: — въ ногу, въ ногу! дивизіонъ на-лѣво кругомъ мар-р-ршъ!

— Поди ты къ чорту со своимъ дивизіономъ-то вмѣстѣ! вскрикиваетъ жена. —Кой тебя лѣшій носитъ тутъ цѣлое утро? И обѣ женщины кидаются на Тараканова, схватываютъ его за руки и общими силами приводятъ въ сознаніе.

Ученье кончается. Столяръ къ вечеру получаетъ работу: починку стульевъ.

Удивительно, какъ такой крупный военный талантъ могъ остаться незамѣченнымъ!

Но обратимся къ кантонистамъ. Во время приготовленій къ классу, не рѣдкость было наткнуться на такую сцену:

— Ваня, а Ваня! говоритъ красивый собою мальчикъ другому, блѣдному и худому.—Слышь, Ваня...

— Ну?

— Я урокъ-то вѣдь не знаю... Да нельзя-ли тово... Отмѣть, что знаю.

— Вишь чего захотѣлъ!

— Ей-Богу, отмѣть!.. Я те грошъ дамъ.

— Грошъ! Что мнѣ твой грошъ!

— Въ воскресенье со двора пойду, еще гостинцевъ тебѣ принесу. Ужъ, ей Богу, тово... пожалуйста...

— Ну, ладно. Давай грошъ-то.

И съ передачею гроша дѣло улаживается. Проситель, совершенно довольный, отходитъ на свое мѣсто.

Подобное грошевое взяточничество было въ сильнѣйшемъ ходу въ заведеніи. Классные старшіе (они же и палачи) брали съ товарищей за снисхожденіе что попало: и листъ бумаги, и грифель, и ломоть хлѣба, и осколокъ смазной

щетки и иголку, словомъ — ничѣмъ не брезгали. Но, давши разъ слово, кантонистъ, чего-бъ это ни стоило, не измѣнялъ уже ему.

Въ семь часовъ кантонисты обыкновенно сидѣли уже въ классѣ. Чумазые, корявые — помѣщались всегда впереди. а красивые—на заднихъ скамейкахъ: первые отличались грамотностью, а послѣдніе—фронтомъ.

Унтеръ-офицеръ Лазаревъ преподавалъ въ верхнемъ, выпускномъ классѣ, между прочимъ, рисованіе и любилъ хвастнуть своимъ умѣньемъ. Гордо ходилъ онъ по классу, съ презрительною усмѣшкою посматривая на учениковъ.

— А ну-ка, говорилъ онъ, пощелкивая пальцами:—несите мнѣ рисунки. Поглядимъ, на сколько-то вы подвинулись впередъ въ теченіе недѣли. Тетрадки сунуты ему подъ носъ, десятки глазъ упорно слѣдятъ за каждымъ его движеніемъ.

— Тебѣ, Петровъ, заданъ былъ баранъ? спрашиваетъ учитель.

— Точно такъ-съ, баранъ, отвѣчалъ высокій, стройный юноша, вытянувшись во весь ростъ.

А нарисовалъ ты что? Чорта?

— Не могу знать-съ...

— Вѣдь ты же рисовалъ?

— Я-съ...

— Такъ почему же ты не знаешь, что̀ именно нарисовалъ?

— Потому, Григорій Ивановичъ, что, отродясь, не видывалъ чорта—каковъ онъ такой выглядитъ.

Раздается взрывъ смѣха.

— Ты, подлецъ этакій, еще спорить? На колѣни!

Петровъ повинуется.

— Рисовать, ребята, надо такъ, чтобы каждый штрихъ имѣлъ свою линію, понимаете? Это не то, что паклю щипать, или, тамъ, воду носить. А главное дѣло —круглота, и круглота во всемъ—это самое важное. Слышите?

— Слушаемъ-съ, Григорій Иванычъ, громогласно отзывается классъ.

Парашинъ! чего по сторонамъ глазѣешь, когда приказанье отдаютъ, а?

— Я-съ, ничего-съ... не шевельнулся-съ.

— Отпираться? Да еще и отвѣчаешь сидя? Ахъ ты, мерзавецъ этакій, вотъ же тебѣ!

И аспидная доска летитъ надъ головами пригнувшихся учениковъ чрезъ весь классъ. Парашинъ едва успѣлъ заслонить руками лицо, какъ доска ударилась ему въ плечи, упала на полъ и разбилась. Онъ крикнулъ, обхвативъ руками плечо и, покачиваясь изъ стороны въ сторону, глухо завылъ.

— Парфеновъ! продолжалъ между тѣмъ учитель, не

обращая даже вниманія на несчастнаго Парашина: — откуда начинается Волга?

— Волга... Волга-съ... Парфеновъ остановился.

— Да ну-же!

— Отъ Дзвери-съ, молвилъ ученикъ, уроженецъ Рязанской губерніи, произнося согласно мѣстному говору.

— Откуда?

— Отъ Дзвери.

— Отъ какой двери?

— Отъ Дзвери-съ.

— Ивановъ, откуда берется Волга?

— Отъ Твери.

— Дай, Ивановъ, Парфенову два раза по шеѣ, да смотри покрѣпче, не то самому попадетъ. Приказаніе исполнено.

— Потаповъ! что̀ такое Тверь?

— Островъ, ляпнулъ Потаповъ.

— Панкратьевъ, что̀ называется Тверью?

— Сарай, гаркнулъ сосѣдъ Потапова.

— Бирюковъ! Тверь что́ такое?

— Губернскій городъ.

— Правда. Дерите, скоты, другъ друга за уши, да хорошенько, или я васъ растяну; а ты, Бирюковъ, дай имъ всѣмъ, кромѣ того, еще по три оплеухи. Всѣ схватываютъ другъ друга за уши и треплютъ, а четвертый обходитъ ихъ,

отпускаетъ каждому назначенныя ему оплеухи и садится на свое мѣсто. Водворяется тишина. Всѣ уткнули носы въ тетрадки и не шевелятся. Вдругъ изъ самаго задняго угла кто-то зѣвнулъ во все горло.

— Ѳоминъ! что ты зѣваешь — а? Забился, лодырь проклятый, къ стѣнкѣ, да еще безчинствуешь? Урокъ грамматики выучилъ?

— Нѣтъ, не выучилъ-съ... беззаботно отвѣчаетъ Ѳоминъ, огромнаго роста, плечистый кинтонистъ, лѣтъ 20, съ заспанными глазами.

— А отчего-жъ ты не выучилъ?

— Въ башку не лѣзетъ эта мудреная наука-съ, да и проку-то мнѣ отъ нея, признаться, ждать нечего: я вѣдь во фронтъ пойду; а выдѣлывать ружьемъ различныя штуки можно и безъ нея. Ну её!..

— Молчать, скотина!

— Это могу-съ.

— А пройденное не забылъ еще?

— Быть можетъ... а впрочемъ, кажется, тово-съ...

— Табуретъ какого падежа?

— Именительнаго-съ, отвѣчаетъ Ѳоминъ, ковыряя въ носу.

— Почему?

— Потому, ежели его толкнуть,—онъ упадетъ.

— А если я тебѣ за такой отвѣтъ всю морду расколочу, такъ это какого будетъ падежа?

— Да мнѣ ужъ тогда не до падежей будетъ, невозмутимо продолжаетъ Ѳоминъ: — тогда кровь пойдетъ и надо будетъ бѣжать на черный дворъ отмываться-съ.

— Такъ вотъ же тебѣ, мерзавецъ... И толстая переплетенная книга полетѣла въ Ѳомина. Онъ не успѣлъ еще и глазомъ моргнуть, какъ книга ударилась объ его лицо и у него изъ носа дѣйствительно хлынула кровь. Но съ прежнимъ спокойствіемъ Ѳоминъ вылѣзъ изъ-за скамейки, проговорилъ вполголоса: „прощайте, ребята“, медленно отправился вонъ изъ класса и ужъ больше не возвращался.

Въ то же время и въ писарскомъ классѣ шло ученье.

— Павловъ, Спиридоновъ, Арефьевъ и Кудровскій, ко мнѣ! вызываетъ учитель Лясковскій. Вызванные выходятъ на средину и становятся лицомъ къ ученикамъ.

— Павловъ, разбери столъ.

Павловъ оглядываетъ столъ, ощупываетъ его кругомъ, пошатываетъ и отходитъ.

— Ну? понукаетъ учитель.

— Столъ, Григорій Ивановичъ не разбирается-съ.

— Это почему?

— Да очень крѣпко склеенъ и сколоченъ гвоздями.

— А какого онъ роду?

— Деревяннаго.

— Отчего деревяннаго?

— Да оттого и деревяннаго, что дерево, изъ котораго онъ сдѣланъ,—росло въ лѣсу.

— А лѣсъ—какого роду?

— А лѣсъ разный бываетъ: и густой, и рѣдкій, и крупный, и мелкій, и осиновый, и сосновый и... да мало-ли еще какой бываетъ лѣсъ. Всѣхъ деревьевъ не перечтешь. Другой лѣсъ такой частый, что и носъ расцарапаешь о сучья, такъ и носъ считать, что-ли?

— Спиридоновъ! носъ какого рода?

— Не могу знать-съ... запамятовалъ-съ...

— Такъ припомни, припомни и припомни, приговариваетъ учитель, отчитывая Спиридонову по носу щелчокъ за щелчкомъ.

— Эй ты, Арефьевъ! свинья какого рода? спрашиваетъ учитель, случайно увидѣвъ въ окно это начальническое животное.

— Мужескаго, брякнулъ Арефьевъ.

— Врешь, болванъ. Кудровскій, какого рода свинья?

— Женскаго.

— Спасибо. Поверни за это Арефьева кругомъ и до самаго его мѣста провожай пинками... да приговаривай: „ты свинья, ты свинья, ты свинья“. Приказаніе исполняется. Классъ хохочетъ.

— Гавриловъ, гляди сюда! Болванъ — имя существительное, или нарицательное?

— Нарицательное.

— Лжешь. Ты самъ болванъ, хуже еще чѣмъ болванъ.

— Болванъ, такъ болванъ,—по мнѣ все единственно! Вольно вамъ ругаться-то понапрасну.

— На колѣни!

Слѣдующій нижній классъ, по многолюдству своему, дѣлился на два участка. Въ 1-мъ участкѣ шла ариѳметика.

— Сколько, Ситочкинъ, въ ариѳметикѣ знаковъ? спрашиваетъ учительОсловъ.

— Десять, громко отзывается Ситочкинъ.

— Какіе именно?

— Одинъ, два, три, четыре, пять...

— Стой, что́ засчиталъ. Развѣ не знаешь, что въ промежутокъ, между двумя цифрами, долженъ успѣть въ умѣ сосчитать три? Неужто мнѣ тысячу разъ повторять одно и то же? Считай снова, да отчетливо.

— Разъ, два, три, затянулъ Ситочкинъ нараспѣвъ: — четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять и десять.

— Я тебѣ дамъ десять. Пойди сюда. Ситочкинъ подходитъ.—Послѣ восьми какая цифра?

— Девять.

— А дальше?

— Десять.

— Не правда, лѣнтяй ты эдакій! И, завернувъ клапаны рукавовъ мундира внизъ, въ ладонь, онъ начинаетъ бить пуговицами по щекамъ Ситочкина, приговаривая: Ноль, ноль и ноль. Помни же: ноль, а не десять. Пошелъ на мѣсто.

— Лепешкинъ! на седьмомъ мѣстѣ какая цифра стоитъ?

— Милліонъ.

— А въ милліонѣ, Сорокинъ, сколько единицъ?

— Четыре.

— Какъ четыре?

— Точно такъ-съ... четыре, настаиваетъ Сорокинъ, разсчитывая взять смѣлостью.

— Вотъ тебѣ четыре. И для лучшаго удараОсловъ держитъ, для вѣскости, въ сжатомъ кулакѣ, перочинный ножикъ.

Лукьяновъ! къ доскѣ. Тотъ выходитъ.

— Раздѣливши 3 пуда, 33 фунта, 16 золотниковъ на 30 человѣкъ, по скольку достанется каждому?

Лукьяновъ беретъ мѣлъ и начинаетъ дѣлать задачу на доскѣ, громко разсказывая основанія своего дѣленія.

— Да эдакъ-то и пятилѣтній ребенокъ сдѣлаетъ. Ты мнѣ высчитай въ умѣ, а не выводи цифирацію-то, вдругъ прерываетъ учитель, замѣчая, что его кулакамъ тутъ пожи-

вы не будетъ. Лукьяновъ начинаетъ высчитывать умственно. Да скоро-ли, да дождусь-ли я тебя?

— По 12-ти фунтовъ и... и...

— Вотъ тебѣ „и“. На мѣсто!—Куплено два, заплачено три, что̀, Дратвинъ, стоитъ четыре?

— Шесть, звонко отвѣчаетъ Дратвинъ, не зная твердо не только дробей, но и простыхъ чиселъ.

— Зная эту задачу, начинаетъ учитель, обращаясь ко всѣмъ ученикамъ своего участка, вы можете достигнуть Богъ-вѣсть какихъ вычисленій. Задача эта всякому человѣку и на всякомъ мѣстѣ принесетъ пользу. Ариѳметика для васъ важнѣй всякихъ наукъ. Плохой тотъ солдатъ, который не надѣется быть генераломъ. И вотъ тебя, напримѣръ, Фуксъ, вдругъ сдѣлали фельдфебелемъ, или каптенармусомъ въ полку и ты, не зная ариѳметики, пропалъ. А о писаряхъ и говорить нечего: они безъ ариѳметики и людьми-то даже считаться не могутъ. Всѣ вы, выйдя на службу, станете объ одномъ только жалѣть, что я васъ мало колотилъ за ариѳметику. Всѣ эти грамматики, географіи, исторіи, рисованіе — это все вздоръ предъ этою наукою, а я долблю вамъ, скотамъ, о ней изо дня въ день. А отъ васъ какая благодарность? Вѣдь какъ выйдете моими стараніями на службу, такъ никто изъ васъ, мерзавцевъ, и письмишка-то не при-

шлетъ учителю, — тому учителю, который всѣ свои кулаки обилъ объ ваши пустыя головы!..

Учитель опустилъ голову внизъ, вздохнулъ на всю комнату, сѣлъ на стулъ и замолчалъ. Ученики его участка не шелохнутся.

На задачѣ: куплено два, заплачено три, что̀ стоитъ четыре? Ословъ просто, кажется, помѣшался. Гдѣ бы и когда онъ ни встрѣтилъ каптониста — онъ вездѣ непремѣнно ее спрашивалъ; а чтобы не быть, за незнаніе ея, колоченнымъ, всякій каптонистъ твердо ее заучилъ.

Прошло нѣсколько минутъ молчанія. Ученики сосѣдняго участка начинаютъ хихикать. Учитель очнулся и вскочилъ на ноги.

— Уймите, Андрей Андреичъ, вашихъ сорванцовъ, вскрикиваетъ онъ, обращаясь къ учителю втораго участка:—не то я имъ морды расколочу: они мнѣ мѣшаютъ заниматься.

— Уймитесь, дѣтушки, уймитесь, пока цѣлы: прибьетъ, шибко прибьетъ, и за дѣло: не шуми, не мѣшай! и упрашиваетъ, и стращаетъ свой участокъ учитель, чиновникъ, Андрей Андреевичъ Андреевъ, человѣкъ лѣтъ сорока слишкомъ.

Все утихаетъ. Ословъ доволенъ и опять задумывается на нѣкоторое время, а потомъ продолжаетъ пенстовствовать по-прежнему.

— Петруша Скворцовъ, начинаетъ Андреевъ: — сдѣлай-

ко мнѣ вслухъ такую задачу: если изъ семидесяти-трехъ вычесть двадцать-семь—сколько останется?

— Семь въ трехъ не содержится, громко начинаетъ Скворцовъ, написавъ цифру подъ цифрой на доскѣ: — занимаю единицу у слѣдующей цифры—два; семь изъ тринадцати въ остаткѣ шесть, а два изъ шести—четыре.

— Спасибо, голубчикъ, спасибо. Садись на мѣсто.

— Ваня Семеновъ?

— Чего изволите, ваше благородіе.

— Семью-семь—сколько?

— Тридцать-девять.

— Нѣтъ, братъ, неправда. Кто знаетъ: сколько семью-семь—встань и скажи.

— Сорокъ-девять, сорокъ-девять, сорокъ-девять, сорокъ-девять! вскрикнуло нѣсколько голосовъ одинъ за другимъ.

— Каково, Семеновъ? Вѣдь всѣ, кромѣ тебя, знаютъ. Что, братъ, стыдно—а?

— Да и я, ваше благородье, знаю, оправдывается Семеновъ.

— Зачѣмъ же совралъ?

— Да заторопился, право, заторопился, ваше благородье.

— Самъ виноватъ: надо помнить. Ивановъ вонъ первый сказалъ вѣрно, и я ему за это ужо принесу лепешку.

Онъ станетъ ѣсть, а ты на него глядѣть, да слюнки глотать.

— Да я, ваше благородье, всего-то на волосокъ позднѣе Иванова вскричалъ „сорокъ-девять“, говоритъ, вставая, другой ученикъ: —такъ ужъ и мнѣ не пожалуете-ли лепешки?

— Дамъ, Миша, и тебѣ лепешки. Ты тоже стоишь.

— А я, ваше благородье, только чуточку опоздалъ супротивъ Миши, лепешки-то и мнѣ бы хотѣлось, заявляетъ третій. Ваши лепешки—точно пряники, не обидьте.

— Получишь и ты; садись!

— А я-то нешто не крикнулъ? раздался еще голосъ. — Ужъ и меня не забудьте, я тоже...

— Вскричать ты, положимъ, и вскричалъ, да ужъ очень поздно; повторилъ, значитъ, слышанное отъ другихъ. Впрочемъ, постой: спросимъ всѣхъ, какъ разсудятъ, такъ и сдѣлаемъ. Какъ вы, ребята, думаете, слѣдуетъ ему дать лепешки, или пѣтъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, пѣтъ, раздалось по классу.

— Слышалъ? Ну, и не пеняй на меня. А вы, дѣти, приготовьте пока тетрадки, поучитесь правильно писать съ диктy.

Всѣ закопошились.

— Помните же мое наставленіе: не торопиться, а писать хорошенько и со вниманіемъ. Начальныя буквы именъ и фа-

милій писать прописными, а прочія слова --строчными буквами. Кто вѣрнѣе и красивѣе всѣхъ напишетъ, того въ воскресенье возьму къ себѣ обѣдать. Начинайте же. „Иванъ Семеновъ“.

Ученики, заглядывая одинъ другому въ тетрадки, напрягаютъ всѣ усилія, чтобы выиграть призъ—обѣдъ.

— Написали?

— Написали.

— „Не. особо; зналъ, особо; урокъ, изъ, особо, ариѳметики тоже“. Всѣ пишутъ.—Готово?

— Готово.

— „За. отдѣльно; что, отдѣльно, отмѣченъ: лѣпъ“. Перья скрипятъ, руки потѣютъ, и вообще у всѣхъ усердіе чрезвычайное.

— Да я, ваше благородье, всю таблицу вдоль и поперегъ выучу къ завтрему. только не отмѣчайте лѣнивымъ. чуть не плача, спрашиваетъ Семеновъ. попявшій въ чемъ дѣло.

— Не безпокойся, Семеновъ, не отмѣчу; я писать только диктую, на память, чтобы не лѣнились.

— Да они, ваше благородье, мнѣ проходу не дадутъ, всѣ станутъ надсмѣхаться. Будьте отецъ родной, не велите такъ писать.

— Поздно, братъ, хватился. Впрочемъ, даешь слово хорошо учиться, такъ и быть. велю замарать эти слова, какъ только пересмотрю тетрадки.

— Даю. ей-ей даю; не срамите, пожалуйста!

— Вѣрю. У кого готово, подай на просмотръ. Ученики повскакали со своихъ мѣстъ и, толкая одинъ другого, силились подать прежде; потомъ вернулись на свои мѣста и нетерпѣливо ждали, кто выиграетъ обѣдъ.

— Послушайте-ка, ребятушки, что́ я вамъ скажу, началъ Андреевъ, пересмотрѣвъ тетрадки. Красивѣе всѣхъ написалъ Иголкинъ, но онъ сдѣлалъ большую ошибку въ послѣднемъ словѣ „лѣнъ", написавъ вмѣсто *ѣ* — *е*, а чрезъ это сталъ не „лѣнъ", а „ленъ". Лѣнъ, значитъ лѣнился, лѣнивый и подъ этимъ словомъ подразумѣвается человѣкъ, а ленъ — растеніе. Поняли теперь, какая разница между словомъ — ленъ и лѣнъ?

— Поняли, поняли, единодушно отзываются ученики.

— Андреевъ, продолжаетъ учитель: — хоть и все вѣрно написалъ, зато некрасиво. Изъ всѣхъ же и красивѣе, и вѣрнѣе написали трое: Знаменскій, Карповъ и Ведринъ. Знаменскій ходитъ со двора къ роднымъ, ему, стало-быть, мой обѣдъ не нуженъ. Карповъ и Ведринъ — оба безродные и писанье обоихъ мнѣ одинаково нравится, да и они сами — ребята хорошіе. Скажите сами по совѣсти: кого изъ нихъ мнѣ взять къ себѣ обѣдать?

— Карпова! отзываются одни. Ведрина! перебиваютъ другіе.

— Такъ, ребятушки, я не пойму васъ. Сдѣлаемте-ка лучше вотъ-что: кто за Карпова — подними правую руку вверхъ.

Подняли. Учитель сосчиталъ.

— Теперь, кто за Ведрина — подними лѣвую руку.

Подняли. Сосчиталъ.

— Карпова сторона сильнѣй: за него сорокъ рукъ, а за Ведрина тридцать-три руки, значитъ Карповъ идетъ ко мнѣ обѣдать. Вотъ это безобидно. Выростете большіе, будьте честны, никого не обманывайте, не обижайте и Богъ за это не оставитъ васъ безъ милости, безъ радости. А ты, Карповъ, напомни мнѣ ужо дать тебѣ записку фельдфебелю, чтобы онъ тебя уволилъ ко мнѣ въ воскресенье.

— Слушаю-съ, ваше благородье.

— Теперь, дѣтушки, отдохните немного, заключаетъ учитель: — а тамъ займемся еще чѣмъ-нибудь. Ну, хоть чтеніемъ, что-ли.

Ученики начинаютъ откашливаться, сморкаться и разговаривать. Учитель прохаживается по классу.

Андреевъ никогда никого изъ учениковъ своихъ пальцемъ не трогалъ. Училъ всегда лаской, да гостинцами. Учились у него отлично, а переходили отъ него въ высшіе классы съ горестью, и то лишь тогда, когда у него набиралось столько учениковъ, что сидѣть негдѣ было. Прочіе учителя его тер-

нѣтъ не могли за доброту, которая казалась имъ несовмѣстимою съ учительствомъ. Онъ зачастую приносилъ въ классъ домашняго печенія лепешекъ, крендельковъ, булокъ, пирожковъ и дѣлилъ ученикамъ, которые все это тутъ же съѣдали. Въ масленицу онъ всякій день приносилъ по четыре блина на каждаго ученика. По воскресеньямъ бралъ къ себѣ обѣдать по одному ученику, въ годовые праздники — по двое, а въ Пасху и Рождество — по три человѣка на всѣ трое сутокъ. Жилъ онъ на крошечное жалованье, рублей въ двѣсти ассигнаціями.

— Не сердитесь, ребятушки, что не всѣмъ даю гостинцевъ, говаривалъ онъ своимъ ученикамъ: — радъ бы накормить всѣхъ васъ, да не могу: самъ бѣденъ и потому, чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ. На бѣдность свою я, впрочемъ, не жалуюсь. Роптать — грѣхъ и вы, смотрите, не ропщите: Богъ наградитъ васъ за терпѣніе.

— Мы ничего-съ, отвѣчали ученики хоромъ. Благодаримъ покорно за вашу ласку. Вы и то намъ отецъ родной.

И Андреевъ весь просіяетъ, бывало, при этомъ отъ радости.

Въ методическомъ классѣ собственно преподавать было нечего: усядутся ученики по мѣстамъ и твердятъ буки, азъ — ба, выводятъ штрихи, буквы на асидныхъ доскахъ, а затрудненія разрѣшаетъ имъ учительскій помощникъ, кантонистъ.

Скука. Учитель посидитъ, посидитъ въ углу, встанетъ, выйдетъ на средину, поглядитъ на свой участокъ, скажетъ въ раздумьи:

— Орловъ, посмотри-ка тутъ за порядкомъ, и уйдетъ изъ класса. Проходитъ полкласса.

— Вотъ жисть-то! Вотъ каторга-то! вдругъ доносится къ нимъ знакомый голосъ. Тьфу ты пропасть этакая, право, ну...

Учитель входитъ, садится на мѣсто.

— Азъ, буки, азъ ба, что̀ такое значитъ? медленно спрашиваетъ онъ, немного помолчавъ. Ну-ка, скажи. Панфиловъ!

— Изба, Ѳедоръ Иванычъ, изба, насмѣшливо отвѣчаетъ Панфиловъ.

— Полно, такъ-ли? Врешь вѣдь?

— И то вру. Вру, Ѳедоръ Иванычъ, вру-съ.

— Спасибо, хоть сознаешься. Садись, оселъ. Ну, а ты, Ягодкинъ, какъ скажешь?

— Оселъ, Ѳедоръ Иванычъ, оселъ.

— Пускай себѣ оселъ осломъ и останется, а азъ, буки, азъ, ба — что̀?

— Азбука, Ѳедоръ Иванычъ.

— Ну, да, азбука; вотъ это такъ, я это давно знаю,

давно, еще въ тѣ поры зналъ, когда васъ, мерзавцевъ, и на свѣтѣ-то не было. Азбука, ребята, слышите, азбука!

— Слушаемъ, Ѳедоръ Иванычъ.

— А слышите, такъ запомните. Да заучивать, затверживать, затверживать. заучивать. Повторяй за мной:

— Заучивать, затверживать, затверживать, заучивать, нараспѣвъ повторяютъ до семидесяти голосовъ.

— Ты, Грибковъ, не хочешь, вѣрно, учиться, что не повторяешь словъ моихъ? Лѣнтяя тотчасъ видно: ему не то, что учиться, такъ и ротъ-то разинуть лѣнь. Архиповъ! харкни Грибкову въ рожу, харкни хорошенько: пусть помнитъ, что я не на вѣтеръ говорю.

Архиповъ плюетъ Грибкову въ лицо. Классъ хохочетъ.

— Возись тутъ съ вами, продолжаетъ Ивановъ: — учи васъ, крапивное сѣмя, убивайся, а за все это тебѣ же харю расквасятъ, съ тебя же шкуру сдерутъ. И диви бы за дѣло, а то вѣдь за портянки, за ногти, за волоса. И это дѣло учителя? Эхъ, подлость, подлость! Не здѣсь бы мнѣ мѣсто и я бы былъ не тотъ. А то вѣдь вѣкъ-то мой заѣли, загрызли, и... и поневолѣ возьмешь, да и выпьешь. Кабы не водка, давно бы ужъ лежалъ я вверхъ тормашками на кладбищѣ, удавился бы отъ этой накостной жизни; ей-ей удавился бы, потому одно спасенье. Тутъ Ивановъ склоняетъ голову на руки, облокачивается на столикъ и вскорѣ засыпаетъ.

Классъ только этого и ждалъ.

Нѣсколько учениковъ подходятъ къ нему на цыпочкахъ, и одинъ надѣваетъ ему бумажный колпакъ на голову, двое сшиваютъ ему нитками рукава вмѣстѣ, остальные привязываютъ его за ноги къ ножкамъ табурета и возвращаются на свои мѣста.

По окончаніи урока, ученики выходятъ къ дверямъ и разомъ, кто пускаетъ въ учителя комки жованной бумаги, кто вскрикиваетъ: „Ѳедоръ Иванычъ, домой пора, домой пора, Ѳедоръ Иванычъ“, и опрометью бѣгутъ вонъ изъ класса.

Разбуженный Ивановъ продираетъ глаза, разрываетъ и развязываетъ свои путы, ругается на чемъ свѣтъ стоитъ и, освободившись, отправляется опохмѣлиться. Впрочемъ, къ слѣдующему послѣобѣденному, совершенно тождественному классу, онъ совершенно забываетъ о злостной шуткѣ, сыгранной надъ нимъ учениками.

IV.

СРЕДА. ТРЕТЬЯ РОТА ВЪ РАСХОДѢ.

По совершеніи обычной утренней уборки, выстроили роту кантонистовъ, за исключеніемъ новичковъ, капраловъ, *постоянныхъ* классныхъ и нѣкоторыхъ изъ простыхъ кантонистовъ*),

*) Новички, пока не выучивались фронту,—ходили на ученье ежедневно утромъ и вечеромъ: капралы ихъ учили фронту въ расходные дни; проте-

пользовавшихся протекціею начальства. Затѣмъ всѣхъ распредѣлили по ремесламъ: въ портную и сапожню отправили по 50, въ эполетную, галунную, басонную и пр. по 15, 20 человѣкъ.

Расходный день былъ для кантонистовъ своего рода праздникомъ. Научившись положить латку на сапогъ, заплатку на рубашку, кантонисты втирались въ знакомство къ мастеровымъ солдатамъ, которымъ ихъ отдавали въ качествѣ подручныхъ и, придя въ мастерскую, шли прямо къ нимъ и садились за работу. За это солдаты дѣлились съ усердными помощниками своимъ харчемъ; иные платили имъ еще коп. по 2, по 3 за дневной трудъ. Неумѣвшіе еще работать варили мастеровымъ на кухнѣ клей, крахмалъ, строгали гвозди, сучили дратву, разматывали нитки и проч. и проч. Между мастеровыми солдатами встрѣчались чрезвычайно добрые люди, искренно жалѣвшіе кантонистовъ.

— И въ ротѣ измучили, говаривали они, едва имъ подведутъ подручныхъ: — такъ намъ-то пожалѣть ужъ надо. На вотъ тебѣ, мальчуга, десятишникъ (3 коп.), бѣги за магазины, купи калачикъ, молочка, накроши въ чашечку, да.

жируемые гуляли въ эти дни; въ классъ ходили ежедневно, кромѣ пятницы послѣ обѣда и субботы утромъ, человѣкъ 10—15 изъ роты — учившіеся въ выпускномъ, верхнемъ классѣ и готовившіеся прямо въ учителя и въ писаря.

похлебавши, приходи сюда посидѣть до вечера, чтобъ въ ротѣ не увидали, а то вѣдь и мнѣ съ тобою, пожалуй, не сдобровать.

И радъ-радешенекъ бѣдняга кантонистъ: возьметъ деньги шапку и мигомъ очутится за магазинами.

Въ тылу трехъ фасадныхъ казармъ помѣщались, въ длинномъ строеніи, провіантскіе магазины, а сзади ихъ, въ углу, солдатскія вдовы и жены торговали зимой и лѣтомъ различными съѣстными припасами.

Кантонистъ прибѣгаетъ за магазины, жадно глядитъ на все и не знаетъ чего бы ему такого поѣсть? Надо, чтобы было и посытнѣй, и повкуснѣй, да и подешевле.

А торговки, завидя мальчика, взапуски начинаютъ зазывать его къ себѣ.

— Ко мнѣ, голубчикъ, ко мнѣ, касатикъ! кричитъ одна: у меня самая скусная печенка, селезенка, потроха, требуха; хлѣбца даромъ дамъ!

— Не вѣрь, Петинька, не вѣрь, Ванечка; все хвастается, перебиваетъ другая.

— У меня калачи горячи, сейчасъ изъ печи, вопитъ третья! — молочко топленое, только утромъ доеное, садись голубчикъ; досыта накормлю и всего-то семишникъ возьму: наживаться отъ васъ грѣхъ, великій грѣхъ.

— Кантонистикъ золотой, картофель разсыпной, полну

шапку накладу и всего одинъ пятачокъ съ тебя возьму, подхватываетъ еще одна баба.

Сбитый съ толку, кантонистъ не знаетъ, какое лакомство предпочесть; наконецъ, по зрѣломъ обсужденіи, рѣшается:

— Давай, тетушка, калачъ съ молокомъ.

— Садись, родименькій, садись, голубчикъ, на мое тепленькое мѣстечко, да и кушай себѣ съ Христомъ, говоритъ торговка, подавая ему калачъ и чашечку молока. А есть у тебя отецъ, аль мать?

— Нѣту. Мать померши, а отца я и не зналъ, какой онъ такой, отвѣчаетъ спрошенный, съ алчностію уплетая за обѣ щеки.

— Выходитъ: сиротинушка, сердешный? Постой-же, я ужъ тебѣ еще молочка подолью, — да на вотъ хлѣбца подкроши и ѣшь на здоровье... Не надо, голубчикъ, мнѣ твоихъ денегъ, не надо, говоритъ она, увидѣвъ, что мальчикъ все уже съѣлъ и суетъ ей деньги въ руку.

— Спасибо, тетушка! И, спрятавъ деньги за обшлагъ шинели, кантонистъ, довольный и счастливый, въ припрыжку побѣжалъ въ швальню.

— Дайте мнѣ, дядинька, ваксицы съ собой, униженно проситъ кантонистъ у одного изъ сапожниковъ. Сапоги нечѣмъ чистить, а въ ротѣ спрашиваютъ, бьютъ.... деругъ.... Будь добръ, не откажи.

— Ваксу я, братъ, самъ покупаю на деньги, отвѣчаетъ солдатъ: — и ты купи. Про васъ не напасешься.

— Радъ-бы, дяденька, купить, да не на что: родныхъ нѣтъ, денегъ взять негдѣ.

— Ну, ладно, дамъ ваксы; только за это — волосянку. Идетъ?

— Да вѣдь это больно... у меня и то ужъ голова болитъ... вся въ струпьяхъ...

— Зато вакса будетъ. Даромъ ничего, братъ, не дается.

— Ну, дери; только ваксы-то, дяденька, побольше.

Солдатъ придвигается къ просителю, вцѣпляется пальцами обѣихъ рукъ ему въ волоса на затылкѣ, и дергаетъ ихъ вверхъ сразу такъ сильно, что мальчикъ вскрикиваетъ что есть мочи. Въ окружности раздается смѣхъ и брань.

— Я еще не успѣлъ путемъ дотронуться, а ты ужъ орешь, укоряетъ его солдатъ. Стой смирно: сейчасъ порѣшимъ. Солдатъ снова деретъ просителя за волосы, тотъ снова вскрикиваетъ шибче прежняго. Вишь разрюмился, нѣженка эдакая, укоряетъ солдатъ, недовольный каптонистскимъ плачемъ. На-вотъ ваксы, да еще съ банкой вмѣстѣ, только не хнычь.

Такія сцены повторялись повсюду, куда каптонистовъ только ни посылали въ расходъ.

Въ ротѣ, между тѣмъ, идетъ выправка новичковъ. Вдругъ ученье прерывается неожиданнымъ образомъ.

— Разойтись! сердито командуетъ внезапно появившійся молодой красивый офицеръ, командиръ роты, Добреевъ.

Кантонисты, услышавъ знакомый голосъ, живо разбѣгаются. Фельдфебель спѣшитъ къ своему начальнику.

— Я такъ и зналъ, что ты не можешь безъ ученья, съ укоризною заговорилъ Добреевъ.

Онъ судорожно пожалъ плечами и продолжалъ съ досадою:

— Признаюсь, рѣшительно не понимаю, какъ это ты пристрастился мучить дѣтей этой шагистикой?

— Я ничего-съ; не виноватъ-съ; такъ начальству угодно; приказаніе исполняю-съ! отвѣчаетъ фельдфебель. Самъ Господь терпѣлъ и намъ велѣлъ-съ...

— Такъ вѣдь и я начальство составляю и тоже десятки разъ предлагалъ тебѣ давать дѣтямъ отдыхъ въ тѣ дни недѣли, когда они въ роздыхѣ, или въ банѣ. Ты, значитъ, не считаешь меня начальникомъ?

— Полковникъ старше-съ... изволитъ приказывать. Мнѣ не разъ въ зубы попадало отъ нихъ...

Пока Добреевъ толковалъ съ фельдфебелемъ, кантонисты его роты возвратились въ казарму. Увидѣвъ ихъ, онъ поздоровался съ ними и весело крикнулъ:

— Ребята! Я дежурный; скоро ужинать, берите смѣло хлѣба: обысковъ не будетъ.

— Рады стараться, ваше благородье, откликнулись дѣти.

По уходѣ Добреева, кантонисты начали вытаскивать, изъ рукавовъ своихъ шинелей, изъ-подъ мышки, лоскутки холста, кожи, сукна, нитки, дратву, комки ваксы, и прятали все въ кроватные ящики. А изъ-за стола въ этотъ вечеръ унесли хлѣба сколько кто могъ, — въ общей сложности нѣсколько пудовъ.

Кантонисты любили Добреева за его снисходительность и доброту. Въ его ротѣ и наказывали, и муштровали на половину меньше, чѣмъ въ прочихъ ротахъ; совершенно вывести истязанія онъ не могъ: начальникъ заведенія, отступившись собственно отъ него, усиленнѣе обыкновеннаго придирался къ фельдфебелю, къ правящимъ его роты и побуждалъ ихъ наказывать кантонистовъ; мало того, самъ наказывалъ во время отсутствія Добреева, который, пренебрегая службою, ходилъ въ роту раза-три-четыре въ недѣлю. Сбыть его совсѣмъ изъ заведенія было довольно трудно: онъ былъ человѣкъ относительно образованный, богатый; былъ молодъ, холостъ, велъ знакомство со всею городскою аристократіею, имѣлъ, кромѣ того, и связи, протекцію.

Кантонисты все-таки лишились его вслѣдствіе одной чрезвычайной его выходки. Вотъ какъ дѣло было. Онъ былъ

охотникъ, уходилъ лѣтомъ постоянно въ лѣсъ, забравъ съ собою человѣкъ по 40—60 кантонистовъ своей роты, и часто не попадалъ на ученья. Однажды начальнику вздумалось произвести вечеромъ ученье всему заведенію, и такъ-какъ Добреева не оказалось на лицо со множествомъ кантонистовъ его роты, то начальникъ послалъ за нимъ въ лѣсъ.

Забравшись въ чащу лѣса, Добреевъ усѣлся среди своей команды на маленькой полянѣ, изъ мѣшковъ повынули харчи — телятину, колбасы, огурцовъ, печенья, и охотники закусывали съ волчьимъ аппетитомъ. Вдругъ предъ ними выростаютъ гонцы. Добреевъ разсердился, поднялъ свой отрядъ и отправился въ городъ; а услышавъ, у заставы, барабанный бой, означавшій, что ученье еще продолжается, — онъ остановилъ отрядъ, далъ отдохнуть, и сказалъ:

— Ребята! Не въ службу, а въ дружбу! Когда дойдемъ до плаца — я затрублю въ рожокъ; у кого рожки — подхвати; у кого трещетки, хлопушки — трещи, хлопай, какъ можно сильнѣй, и когда собаки побѣгутъ, бросайтесь впередъ, кричите: „ату его, ату“, науськивайте ихъ на офицеровъ вообще, а на начальника особливо, кидайте въ нихъ чѣмъ попало.

Кантонисты съ восторгомъ приняли это предложеніе: напакостить начальству имъ всегда было по сердцу. Остальную

часть пути кантонисты не шли, а чуть не летѣли: такъ понравилась имъ оригинальная затѣя ихъ любимаго начальника.

Тихо, крадучись, подошелъ отрядъ къ плацу и за угломъ казармъ пріостановился.

Смеркалось. Заведеніе стояло вольно, т. е. говорило, кашляло и оправлялось.

Воспользовавшись этою удобнѣйшею, для нападенія, минутою, Добреевъ вдругъ затрубилъ въ рогъ, отрядъ подхватилъ, затрещалъ, захлопалъ, собаки залаяли, бросились впередъ, отрядъ за ними, съ крикомъ: „ату его, ату его“.

Заведеніе смѣшалось, въ рядахъ его поднялся шумъ, визгъ, началась давка, бѣготня, драка и суматоха невыразимыя. Большинство кантонистовъ заведенія, сообразивъ въ чемъ дѣло, мгновенно передались въ непріятельскій лагерь и вмѣстѣ съ нападающими начали щипать, колотить свое начальство. А Добреевъ, помахивая въ воздухѣ бѣлымъ платкомъ, все сильнѣй и сильнѣй напиралъ съ удесятерившимся отрядомъ на офицерство заведенія.

Около получаса продолжалась битва и кончилась тѣмъ, что непріятель разбѣжался и на плацу остались трофеями: кантонистскія и офицерскія шапки, клочья разорванныхъ собаками мундировъ, штановъ, обломки шпаженокъ и проч.

Осмотрѣвшись, побѣдители сами перепугались своего подвига и вопросительно переглядывались.

— Спасибо, ребята, сказалъ Добреевъ: — сто разъ спасибо вамъ. Ежели васъ станутъ допрашивать, говорите, я приказалъ.

На утро оказалось, что, сверхъ множества затрещинъ, которыя получили начальственныя лица, еще и собаки покусали нѣкоторыхъ. Затѣмъ оффиціально участвовавшимъ въ нападеніи кантонистамъ 3-й роты задали, дня чрезъ два, общественную поронцу, т. е. драли человѣкъ 50 сразу, и, хоть имъ жутко было лежать подъ розгами, зато они пріобрѣли громадную славу, о которой знало и съ благоговѣніемъ разсказывало потомъ отдаленнѣйшее потомство кантонистовъ. Долго думали, что̀ сдѣлать съ Добреевымъ; наконецъ, въ уваженіе разныхъ обстоятельствъ, компрометировавшихъ само начальство, сочли его поступокъ шалостью, съ тѣмъ чтобы онъ оставилъ заведеніе.

V.

ЧЕТВЕРГЪ. ЧЕТВЕРТАЯ РОТА ВЪ БАНѢ И НА СПѢВКѢ.

Одно изъ наиболѣе тягостныхъ событій казарменной жизни составляли тѣлесные осмотры, производившіеся по четвергамъ. Ожиданіе такихъ осмотровъ повергало многихъ кантонистовъ въ уныніе.

— Огляди меня, пожалуйста, Ѳедоровъ, а потомъ я тебя.

говоритъ раздѣтый до нага кантонистъ одному изъ своихъ товарищей.

— Ты, братъ, чистъ, чесотки нигдѣ нѣтъ, утѣшаетъ тотъ, внимательно осмотрѣвъ его: — вотъ только и есть на лѣвой ляжкѣ царапина. Подойдешь къ правящему, такъ ногито, знаешь, сдвинь поплотнѣй, онъ, при огнѣ, ее и не замѣтитъ. Ну, а у меня ничего нѣту?

— Ничего, окромя рубцовъ отъ розогъ. А рубцы-то, братъ, синіе, разсиніе...

— Ужъ, братъ и порютъ! Вѣдь сегодня недѣля, какъ отодрали, а синяки еще не сходятъ. Ну, да по мнѣ пущай ихъ хоть вѣкъ не сходятъ: это не чесотка, а сѣченье, сталобыть отвѣчать не зачто.

Въ другой парѣ осматривающихъ другъ друга кантонистовъ идетъ такой разговоръ:

— Ахъ, сердешный! Выдерутъ безпремѣнно: вишь обчесался какъ!

— О, чтобъ ихъ! Нешто я виноватъ? Намазали прошедшій разъ въ банѣ какой-то поганой мазью, и болячки, замѣсто того, чтобъ заживиться, еще пуще разгноились... Ежели опять отдеретъ—расковыряю, чѣмъ ни на есть, больное бедро, уйду въ лазаретъ, а оттуда въ неспособные: авось вырвусь изъ этого омута. Вѣдь ужь пора: 20-й годъ пошелъ.

Явился правящій.

— Эй, вы! кричитъ онъ, обводя взоромъ толпу раздѣтыхъ донага кантонистовъ:—подходи по ранжиру!... Выкликнутый подходитъ. Капралъ тщательно освѣщаетъ его тѣло съ ногъ до головы, а унтеръ вездѣ разсматриваетъ.

— Сорокинъ, гдѣ Сорокинъ? Всѣ оглядываются. Отклику нѣтъ.

— Гдѣ же Сорокинъ? Повторяетъ правящій. Подайте мнѣ сюда Сорокина.

— Здѣсь! отзывается Сорокинъ, мальчикъ лѣтъ 15. *маска*

— Гдѣ ты пропадаешь?

— Ни гдѣ-съ... я не дослышалъ-съ...

— А чѣмъ это отъ тебя пахнетъ? Никакъ крѣпкой водкой?

— Не могу знать-съ... я ничего... право ничего-съ... Вамъ можетъ почудилось...

— Развѣ я не слышу духъ? Меня не обманешь. Ну-ка нагнись головой внизъ съ ногами наравнѣ? Сорокинъ стоитъ неподвижно. Ну?

— Да чего вамъ отъ меня нужно? Не стану я нагибаться!

— Повалите-ка его ребята на кровать, да хорошенько, чтобъ разглядѣть...

Приказаніе мигомъ исполнилось и Сорокинъ осмотрѣнъ.

— Ге-ге-ге!.. Такъ вотъ ты отчего прячешься!.. Понимаю, понимаю!..

— Оставьте лучше меня въ покоѣ. не то я жаловаться стану.

— Я тебѣ погрожу. Розогъ!

— Только троньте, ей ей бѣду вамъ надѣлаю.

— Отчего ты болѣнъ?

— Отчего? гм... да отъ васъ, слышите отъ васъ. Довольны, или нѣтъ?

— Молчать! Въ клочки разорву. Пошолъ прочь гадина этакая, да моли Бога, что мнѣ не досугъ съ тобой расправиться теперь же, ну да я ужо тебѣ припомню.

— Не стращайте, не боюсь... молвилъ Сорокинъ, одѣлся, добрелъ до своей кровати и глухо зарыдалъ: и боль, и стыдъ доняли его.

— Егоръ Антоновъ, подходи ближе! Унтеръ осматриваетъ.—И ты начинаешь чесаться? Отпусти-ка ему десятокъ горячихъ, чтобъ не чесался. Не успѣлъ Антоновъ и рта разинуть, какъ его ужъ стегали.

Въ заведеніи вообще полагали, что розги — лучшее лекарство отъ всякихъ, особенно накожныхъ, болѣзней. И потому, въ видахъ искорененія недуговъ, въ дни осмотра начальство бывало особенно щедро на розги. Совершенно невредимыми выходили изъ тѣлеснаго осмотра очень немногіе. За-

то всѣ, по окончаніи этой тягостной процедуры, отправлялись въ баню, гдѣ чесоточныхъ ожидали новыя мученія.

Баня была на казарменномъ же дворѣ и состояла изъ предбанника и самой бани; каждая комната, будучи не особенно тѣсно набита народомъ, могла вмѣщать въ себя человѣкъ 30 — 40. Но съ кантонистами не церемонились: ихъ вгоняли туда человѣкъ по сту. Въ предбанникѣ ни скамеекъ, ни лавокъ не полагалось. Когда кантонисты раздѣлись, ихъ, чтобы не выстудить баню, вогнали туда всѣхъ разомъ и заперли на задвижку снаружи. Въ самой банѣ, у одной изъ стѣнъ, стояли два ушата громадной величины, наполненные теплою и холодною водою, которую служитель раздавалъ по *одной* только шайкѣ на два человѣка. При этомъ были приняты мѣры къ тому, чтобы никто не могъ два раза являться за водою. Кантонисты располагались для мытья на ступенькахъ полка, на самомъ полкѣ, на лавкахъ, тянувшихся вдоль стѣнъ, подъ лавками, посреди бани и на полу. Кто опаздывалъ захватить мѣсто, тому приходилось мыться стоя, держа шайку съ водою въ воздухѣ. Мыло выдавалось десяточнымъ ефрейторамъ въ самомъ скудномъ количествѣ, именно по кусочку, золотниковъ въ 10 вѣсомъ на цѣлый десятокъ. Кантонисты, намочивъ голову полученною теплою водою, подходили, по-очередно, къ ефрейтору, тотъ намыливалъ имъ одну лишь голову, отнюдь не дотрогиваясь ни до какой дру-

гой части тѣла. Вѣники отпускались тоже по одному на десятокъ, но и ихъ, при выходѣ изъ теплой бани, отбирали въ сдачу, для слѣдующихъ парильщиковъ.

Тѣснота въ банѣ, давка, ругань изъ-за мѣста, гдѣ сѣсть, драка изъ-за вѣника, плачъ изъ-за расплесканной воды, украденной портянки, которая была захвачена съ собою для стирки; густой, удушливый паръ, обнаженныя тѣла, гладко стриженныя головы, истомленныя, блѣдныя лица и чадъ, — все это представляло такую картину, которая поразила бы и самаго хладнокровнаго зрителя.

Черезъ часъ, по командѣ унтеръ-офицера, кантонисты бросились въ предбанникъ, одѣваться. Всѣ-ли вымылись, хорошо-ли вымылись — до этого никому не было дѣла: вся забота начальства заключалась именно въ томъ, чтобъ приказаніе свести роту въ баню было въ точности исполнено, очередь была бы отведена. Оттого, ежели кто послѣ команды „выходить“ хоть минуту запаздывалъ, то неминуемо отвѣдывалъ комля вѣника. Минутъ черезъ 10 по выходѣ въ предбанникъ, изъ котораго дверь вела прямо на улицу, кантонистовъ фронтомъ вели уже обратно въ казармы.

Часу во второмъ пополудни доходила и до чесоточныхъ очередь идти въ баню. Ихъ водили всегда отдѣльно отъ чистыхъ. Загнавъ ихъ въ баню, также сразу человѣкъ 80, имъ раздавали вышеописаннымъ порядкомъ мыло, воду и вѣ-

ники, и заставляли мыться. Потомъ, когда они размывали болячки на тѣлахъ, ихъ выгоняли въ предбанникъ, подводили поочередно по два человѣка къ служителямъ, которые намазывали каждаго съ ногъ до головы мазью, составленной изъ дегтя, соли и квасцовъ. Затѣмъ ихъ пропускали человѣкъ по 30 снова въ баню и загоняли на полокъ, гдѣ имъ приказывалось непремѣнно стоять; служителя поддавали пару такъ сильно, что дыханіе захватывало, а два унтера занимали позицію на нижнихъ ступенькахъ полка, держа въ рукахъ розги и наблюдая, чтобы всѣ парились вѣниками и не смѣли сойти внизъ. Такъ продолжалось около получаса времени, т. е. до тѣхъ поръ, пока мазь взойдетъ въ тѣло и засохнетъ въ немъ. Мазь страшно кусала; на полкѣ поднимался плачъ, вой и стонъ. Затѣмъ, прямо съ полка, чесоточныхъ выгоняли въ предбанникъ одѣваться. Окачиваться водой имъ строжайше воспрещалось.

Пока чесоточные мылись, здоровые кантонисты 4-й роты успѣвали съ часъ поучиться фронту, а съ возвращеніемъ чесоточныхъ тотчасъ раздавался крикъ: „Пѣсенники и новички къ фельдфебельской, а остальные — слушать! Живо!“

Начинался урокъ пѣнія. У фельдфебельской, кроватей десять сдвинулись въ сторону; до 40 кантонистовъ становились въ кружокъ въ двѣ шеренги; у нѣкоторыхъ изъ нихъ въ рукахъ бубны, тарелки, у одного камертонъ. Посрединѣ кружка

становили табуретъ, а на немъ усаживался здоровый, высокій мужчина лѣтъ 45, поручикъ Ѳедоренко, ротный командиръ этой роты.

— Прибывшихъ сюда! крикнулъ Ѳедоренко, молодцовато поводя глазами. Кружокъ разступался и фельдфебель вводилъ въ него двухъ, трехъ мальчиковъ.

Ѳедоренко осматривалъ новичковъ съ головы до ногъ.

— Какую пѣсню знаешь? спрашивалъ онъ одного изъ нихъ.

Новичекъ смотритъ ему въ глаза, съ недоумѣніемъ.

— Какую пѣсню знаешь?

— Знаю... Знаю...

— Какую же? топнулъ ногой Ѳедоренко отъ нетерпѣнія.

— „Вдоль по улицѣ мятелица мететъ“.

— Всю? ужъ ласково продолжаетъ Ѳедоренко.

— Всю.

— Пой. Новичокъ теряется.

— Пой же! Новичокъ запѣваетъ. Громче, громче! Вотъ такъ, вотъ эдакъ. Новичокъ ободряется и постепенно входитъ въ голосъ. Молодецъ, братъ, молодецъ! хвалилъ Ѳедоренко, ощутивъ пріятность звонкаго, чистаго голоса. Въ пѣсенники его въ пѣсенники! Становись сюда. Мальчикъ присоединяется къ хору. А ты умѣешь пѣть? обращается онъ къ другому новичку.

— Нѣтъ, не умѣю.

— Какъ не умѣешь? быть не можетъ, чтобы ничего не пѣлъ. Въ деревняхъ всѣ пѣсни поютъ.

— Вотъ те Христосъ, не пѣвалъ.

— Такъ кричи: „Слу-шай“, да смотри, въ растяжку: „Слу-шай“. Новичокъ молчитъ. Что-жъ ты? Кричи!

— Слу-шай! виолголоса затягиваетъ новичокъ.

— Шибче, шибче. приказываетъ Ѳедоренко и, для пущаго вразумленія, хлыстъ его, здоровеннѣйшею ладонью, по щекѣ. Тотъ взвизгиваетъ на всю комнату. Хорошо. хорошо... И этого въ пѣсенники. А ну-ка ты! приказываетъ опъ третьему. Третій вскрикиваетъ „слу-шай“, что̀ есть мочи. Ну, ты ни къ чорту не годишься. Пошелъ прочь, дрянь эдакая. Немного помолчавъ, Ѳедоренко обращается къ хору съ наставленіемъ:

— Хорошенько откашляться; въ пѣпьи у меня не хрипѣть, впередъ не выскакивать, позади тоже не оставаться. Брать тонъ дружно, вмѣстѣ. всякій голосъ знай свой тактъ. Гдѣ нужно тихо—щебечи какъ спигирь, гдѣ надо громко—стрѣльни, какъ пушка. Чувствуете! Ну. а гдѣ надо ровно, плавно—раздробись на соловьиную трель и тяни раскатисто, какъ ружейная стрѣльба. Слышали? Поняли? Ну, съ Богомъ! „Ты помнишь-ли, товарищъ неизмѣнный?“. Сапуповъ, начи-

най со мной вмѣстѣ. (Сапуновъ, малый лѣтъ 20-ти, былъ главнымъ его помощникомъ и запѣвалой). Разъ, два-три.

— „Ты помнишь-ли, товарищъ неизмѣнный?“, запѣваетъ Ѳедоренко. подперевъ щеку лѣвою рукою.—„Такъ капитанъ солдату говорилъ; ты помнишь-ли, какъ громъ грозы военной Святую Русь внезапно возмутилъ?“ Пѣсенники подхватываютъ.

— Отставить! вдругъ, среди пѣсни, гаркнулъ Ѳедоренко, побагровѣвъ. Хоръ смолкаетъ.

— Ну, какъ васъ не пороть, свиньи? Какъ васъ не пороть, когда вы своимъ крикомъ рѣжете кишки мои, визжаньемъ пилите мнѣ по сердцу? Козлы вы этакіе! Берегись! „Грянулъ внезапно“... слушать меня! припѣвать въ тактъ! вздую, ей ей вздую.

«Грянулъ внезапно громъ надъ Москвою,
Выступилъ съ шумомъ Донъ изъ береговъ;
Все запылало мщеньемъ, войною,
Ай донцы,
«Донцы молодцы»,

— Подхватываетъ хоръ.

— Спасибо, ребята! хорошо, хорошо!

— Рады стараться, ваше благородіе.

— Теперь — „Вдоль да по рѣчкѣ“. Уши, ребята, не вѣшать, а пѣть смѣло, весело. Сапуновъ, начинай!

„Вдоль да по рѣчкѣ, вдоль по казанкѣ“, затягиваетъ

Ѳедоренко, притопывая ногами, припрыгивая всѣмъ туловищемъ и хлопая въ ладоши.

«Вдоль да по бережку...

Продолжаетъ хоръ.

«Онъ со кудрями, онъ со русыми
Разговариваетъ!

Ѳедоренко входитъ въ азартъ, выдѣлывая головою самыя вычурныя киванья.

Кому мои кудри, кому мои русы,—

Поетъ хоръ.

— Стой, стой, стой!... Семеновъ, что ты орешь-то въ чужой голосъ—а? Впередъ; розогъ!

— Это не я, ваше благородіе, ей-ей не я, отпирается Семеновъ, блѣднѣя отъ страху.

— Я тебѣ дамъ „не я“; меня, братъ, не надуешь! Я давно замѣчаю, что ты нарочно фистулой дерешь, думаешь отбиться отъ хора. Нѣтъ, шалишь!

— Да у меня, ваше благородіе, ей-богу грудь болитъ: какъ только стану натужиться, такъ все нутро и рвется, такъ и хочетъ выскочить. Простите, ваше благородіе!

— Я тебѣ выскочу! Вздую хорошенько, такъ перестанешь лодырничать. Ишь выдумалъ „грудь болитъ“!

Такъ продолжались уроки пѣнія изо дня въ день цѣлую зиму. А съ наступленіемъ лѣта Ѳедоренко водилъ хоръ пѣть за городъ. Для загородныхъ пѣній у него и репертуаръ пѣ-

сень былъ особенный — поэтическій. Выберетъ онъ, бывало, пригорокъ надъ обрывомъ Волги, недалеко отъ лѣсу, посреди поля, усядется посреди хора на травѣ и зальется, зальется такъ, что заслушаешься. Особенно любилъ онъ „Воздушный корабль“, Лермонтова, пѣсню Кольцова „Полоса-ль моя, полосанька“ и Некрасовскую „Тройку“.

По горячему увлеченію, съ какимъ онъ пѣлъ, видно было, что Ѳедоренко не на свое мѣсто попалъ: человѣку состоять бы въ хорѣ цыганъ, а онъ какимъ-то страннымъ случаемъ попалъ въ военные и очутился учителемъ кантонистовъ. Правда, онъ прилагалъ тутъ все свое стараніе. Путемъ розогъ и долгихъ усилій, онъ образовалъ отличный хоръ пѣсенниковъ и слава его прогремѣла по всей окрестности. Едва горожане завидятъ, бывало, его съ пѣсенниками въ полѣ, какъ ужъ бѣгутъ послушать. Частенько на загородныя спѣвки являлись баре, барыни и даже барышни. Ѳедоренко былъ въ модѣ. Весь городъ говорилъ о немъ и не могъ нахвалиться его хоромъ. Бывало, какой-нибудь разчувствовавшійся помѣщикъ, послушавъ пѣнія, раздастъ изъ своихъ рукъ каждому изъ басовъ и теноровъ по серебряному гривенничку, а альтамъ и дискантамъ — по пятиалтынному. Мѣщанки, солдатки и другія простыя женщины придвигаются толпою къ пѣсенникамъ и, крадучись, суютъ имъ въ руки: кто — калачъ, кто — сдобную лепешку, кто — кусокъ пирога, а кто и мѣдный пятакъ.

— Экъ начальникъ-атъ какой добрый, да ласкательный, говоритъ деревенская баба, обращаясь къ городской старушкѣ, стоя невдалекѣ отъ пѣсенниковъ. — Самъ поётъ, да робятъ веселитъ, да балуетъ. Знать — душа-человѣкъ.

— Да, голубушка, душа-человѣкъ! тоскливо отзывается старуха. — Запоешь, небось, какъ съ лозой-то стоятъ надъ тобой. Позавчера вонъ энтотъ-то самый, душа-человѣкъ, при всемъ честномъ народѣ, на этомъ же самомъ мѣстѣ одного малаго такъ неполосовалъ розгачами, что бѣднягу въ телѣгѣ взадъ свезли!

Впрочемъ, несмотря на то, что Ѳедоренко и въ полѣ не миловалъ пѣсенниковъ, они все-таки рады были лѣтнему пѣнью: они дышали свѣжимъ воздухомъ, прогуливались дорогою, да и деньжонки перепадали; а кантонистъ, имѣя въ обиходѣ шинели гривенникъ, считалъ себя богачемъ и былъ несказанно счастливъ. Быть пѣсенникомъ кантонисты считали для себя великимъ несчастіемъ и всячески старались не попасть въ хоръ. Но, разъ очутившись на спѣвкѣ, не было ужъ положительно никакой возможности освободиться изъ пѣсенниковъ, кромѣ развѣ смерти, да выхода на службу. Но и отъ службы Ѳедоренко удерживалъ, для пользы хора, года по три, по четыре сряду, такъ что иной годовъ двадцати-двухъ, трехъ едва вырывался на службу, и эта вызывало иногда кантонистовъ на крайнія мѣры. Одинъ кантонистъ, которому

особенно опротивѣла обязанность пѣсенника, рѣшился во что бы то ни стало выйдти изъ хора. Доставъ гдѣ-то постнаго масла, онъ вышелъ, потихоньку, на морозъ, выпилъ все масло и продержалъ съ четверть часа ротъ разинутымъ—къ вечеру осипъ, а утромъ другаго дня ужъ не только чисто пѣть, но и говорить не могъ.

Первоначально Ѳедоренко сформировалъ хоръ съ разрѣшенія начальника изъ всего заведенія, а потомъ пополнялъ убыль новичками и переманкою изъ другихъ ротъ голосистыхъ мальчиковъ. Принадлежности пѣнія, какъ-то: пѣсенники, камертоны, бубны и проч. покупалъ онъ ежегодно на свои деньги. Хорошій пѣсенникъ могъ смѣло ничего не знать изъ пунктиковъ и другихъ наукъ и ничуть не тревожиться: все это Ѳедоренко считалъ пустяками сравнительно съ пѣснями и звонкимъ голосомъ и никогда за это не взыскивалъ. Его помощники, низшіе начальники кантонистовъ, тоже остерегались, въ угоду ему, бить пѣсенниковъ зря. Одѣвалъ онъ пѣсенниковъ всегда въ крѣпкую, хорошую казенную одежду. Страсть къ пѣнью дотого въ немъ была сильна, что какъ бы начальникъ жестоко ни распекъ его, если только пѣсенники тотчасъ потомъ стройно споютъ пѣсню, онъ вполнѣ утѣшенъ, забылъ и полковника, и все на свѣтѣ. Онъ былъ одинокій, старый холостякъ, происходилъ изъ крестьянъ, вышелъ въ офицеры изъ гвардейскихъ фельдфебелей, велъ себя скромно,

уединенно и, казалось, вся жизнь его заключалась исключительно „въ пѣсенникахъ“, подобно тому, какъ жизнь Тараканова ушла въ шагистику, а Живодерова — въ экзекуціи.

VI.

ПЯТНИЦА. ПЯТАЯ РОТА НА РУЖЕЙНОМЪ И СТРѢЛКОВОМЪ УЧЕНЬЯХЪ.

Манежъ расположенъ сзади казармъ. Тамъ въ 7 часовъ утра рота со своимъ командиромъ, штабсъ-капитаномъ Свиньевымъ, тоже отчаяннымъ фронтовикомъ.

— Ружье на пле-чо! командуетъ онъ, хотя у кантонистовъ никакихъ ружей не было. Кантонисты ударяютъ ладонью правой руки по собственному лѣвому плечу и моментально опускаютъ руки по швамъ, загибая пальцы лѣвой руки въ горсть, какъ бы держа въ нихъ ружье.

— Эй, кто тамъ плечемъ вертитъ! Ружьемъ, помни, владѣешь! На кра-улъ! Кантонисты сгибаютъ обѣ руки въ кулакъ и ударяютъ правою — въ лѣвый бокъ, а лѣвою въ грудь.

— Отчего плохъ темпъ? (звукъ). Отставить! Кантонисты опускаютъ руки по швамъ. — На кра-улъ! Кантонисты снова стучатъ себя въ бокъ и въ грудь. Свиньевъ заходитъ съ лѣваго фланга и смотритъ, ровно-ли вытянулись кулаки рукъ. — На пле-чо! Дѣлать пріемъ плавно; когда берете на

караулъ, не дребезжать, а дѣлать ударъ сразу, какъ одинъ человѣкъ. Ровнѣй штыки, штыки! продолжаетъ онъ, съ праваго уже фланга. Вдругъ кто-то оглянулся.

— А-а?.. это ты, Самсоновъ, шевельнуться вздумалъ? Ты? Важности фронта, каналья не понимаешь? Ладно! Груди впередъ. Ружье на ру-ку! И горячась, и командуя, онъ забѣгаетъ то справа, то слѣва, какъ-будто въ самомъ дѣлѣ что-нибудь путное дѣлаетъ. Какому-то кантонисту надоѣла вся эта комедія и онъ вздумалъ потѣшиться — опустилъ обѣ руки.

— Ты какъ смѣлъ опустить ружье къ ногѣ, не дождавшись команды? закричалъ на него, побагровѣвъ, Свиньевъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше благородье, громко отвѣчаетъ виновный:—я ничего не опускалъ.

— Какъ ничего? всѣ держатъ ружье на руку, а ты зачѣмъ опустилъ его къ ногѣ?

— Никакого, ваше благородье, ружья у меня въ рукахъ не бывало.

— Ка-акъ?... У тебя нѣтъ ружья?..

— Никакъ нѣтъ, ваше благородье.

— Что за дьявольщина? Какъ нѣтъ? Эй ты! обращается онъ къ другому кантонисту: —есть у тебя ружье, или нѣтъ?

— Есть, ваше благородье.

— Да вретъ онъ, вмѣшивается шутникъ: — и у него

нѣту. Мы отродясь ружья и не видывали. Какое же ружье? извольте сами поглядѣть.

— Такъ ты еще спорить? Три пощочины и снова команда: „ружье на руку“.

— Хоть убейте, ваше благородье, а на́ руку ружья взять мнѣ неоткуда. Понапрасну только деретесь.

— Тьфу ты, сволочь проклятая!.. Свиньевъ плюетъ ему въ лицо и отходитъ на средину.

— Разсыпаться! командуетъ онъ, собравшись съ мыслями и приступая къ исполненію на практикѣ тѣхъ сигналовъ, которые кантонисты теоретически разучивали, сидя въ десяткахъ.

— Та-ти-ти, та-ти-ти, ти! выигрываетъ на рожкѣ горнистъ. Происходитъ дѣятельное ученье, кантонисты сходятся, расходятся; задніе ряды выбѣгаютъ впередъ, дѣлая видъ, будто хлопанье рукъ замѣняетъ выстрѣлы. Свиньевъ мечется въ сильнѣйшемъ волненіи, воображая, что присутствуетъ при настоящемъ сраженіи.

— Въ грудь, ребята, прямо въ грудь непріятелю цѣлься! кричитъ онъ.

— Головы на лѣвый бокъ! Стрѣлять правильно! Ивановъ, лѣвую ногу больше впередъ! Куда бестія, цѣлишься, куда стрѣляешь? Прицѣливайся снова. Да глазъ-то лѣвый, глазъ прищурь, горланитъ онъ и съ азартомъ ткнулъ паль-

цемъ прямо въ глазъ кантонисту, неправильно цѣлившемуся. Тотъ пошатнулся и упалъ навзничь безъ чувствъ*). Оттащить его въ уголъ закричалъ Свиньевъ.

Приказаніе исполнилось.

— Ложиться! Стрѣлять, идетъ между тѣмъ бѣшеная команда. Аѳанасьевъ! что легъ головой-то на полъ? спать, что-ли, собрался? Отбой!

Послѣ обѣда, по пятницамъ, всѣ роты, въ полномъ составѣ, муштруются ротными командирами, или, въ крайнемъ случаѣ, ихъ помощниками.

— Завтра на батальонное ученье, объявляетъ капральству правящій, на вечерней перекличкѣ. Одѣться почище, маршировать съ прилежаніемъ, а рты не розѣвать. А кто изъ большихъ желаетъ идти за опилками — шагъ впередъ. Человѣкъ десять съ праваго фланга выдвинулись. Выборъ, однако, палъ только на четверыхъ; остальные отступили назадъ, повѣсивъ головы.

Идти за опилками желалъ всякій: этимъ онъ освобождался отъ батальоннаго ученья и мытья половъ, а то и другое, какъ читатель убѣдится ниже, было слишкомъ тяжелою работой. Ходили за опилками человѣкъ по 12-ти изъ

*) Отъ этого тычка кантонистъ почти окривѣлъ на всегда. Онъ теперь въ Петербургѣ и на лѣвый глазъ видитъ самую малость.

роты, подъ командою унтера, за городъ, на берегъ Волги, гдѣ постоянно пилились бревна на суда, барки и лодки, отправлявшіяся ежегодно съ казенною солью и хлѣбомъ вверхъ по Волгѣ. Каждые два человѣка обязывались принести опилокъ по рогожному, мучному, кулю. Опилки доставались, большею частію, съ трудомъ, такъ-какъ пильщики, нерѣдко обкрадываемые вѣчно голодными кантонистами, не любили послѣднихъ. Изъ-за опилокъ кантонисты затѣвали обыкновенно съ пильщиками ссору, всегда переходившую въ драку. Среди схватки, пустятъ, бывало, работникамъ въ глаза по пригоршнѣ предварительно, на подобный случай, запасеннаго песку, или даже нюхательнаго табаку, и пока рабочіе протираютъ, да промываютъ глаза, кантонисты успѣваютъ набрать опилковъ и уйти съ добычею.

VII.

СУББОТА. ЗАВЕДЕНІЕ ЦѢЛИКОМЪ НА ФРОНТОВОМЪ УЧЕНьИ И МОЕТЪ ПОЛЪ.

Все заведеніе стоитъ, въ полномъ его составѣ, въ 7 часовъ утра, тремя шеренгами, вдоль 3-хъ стѣнъ манежа и выравниваетъ ноги по протянутой веревкѣ. Не только нижніе чины и кантонисты, но и офицеры тщательно осматриваютъ себя, боясь, какъ бы въ ихъ одеждѣ, въ осанкѣ, да-

же въ физіономіи не оказалось чего-нибудь такого, къ чему могъ бы начальникъ придраться.

— Ѣдетъ, кричитъ унтеръ, караулившій начальника за угломъ.

Веревки мгновенно сняли и все замерло. Вошелъ Курятниковъ, поздоровался, величественною, надменною поступью обошелъ фронтъ, сталъ посреди манежа и обвелъ орлинымъ взоромъ фронтъ. Всѣ сдерживаютъ дыханье; ничто не шелохнется. На бѣду кто-то чихнулъ.

— Замѣтить, и послѣ ученья выпороть! закричалъ Курятниковъ. Маршировать съ тактомъ, съ выдержкой, не ошибаться.

Началось ученье.

— Подпоручикъ Гусевъ, гдѣ стоите? спросилъ Курятниковъ, выстроивъ изъ заведенія каре. Вонъ изъ фронта!

Гусевъ вышелъ и сталъ у стѣны.

— Отчего унтеръ-офицеръ не занимаешь офицерскаго мѣста, а? Учитель-унтеръ-офицеръ, трясясь, какъ въ лихорадкѣ, выдвигается въ переднюю шеренгу. Да у тебя еще и крючки мундира разстегнуты? Впередъ.

— Вашескородье, простите; въ первый и послѣдній разъ; больше никогда не замѣтите.

— Впередъ, безъ разговоровъ! Учитель выходитъ.

— А ты, поросенокъ, что смѣешься, а? обращается

Курятниковъ къ право-фланговому кантонисту того же взвода, офицеру и унтеръ-офицеру котораго такъ не посчастливилось. О чемъ смѣялся?

— Я, вашескородье, не смѣялся, плаксиво оправдывается кантонистъ:—у меня верхняя губа шибко зачесалась, я дернулъ ее нижнею губою, точно такъ-съ...

— Вертѣлъ губами, значитъ, шевелился. На средину.

Окончивъ экзекуцію, Курятниковъ снова повелъ свои колонны къ атакѣ воображаемаго непріятеля. снова строилъ каре, развертывалъ и свертывалъ фронтъ, бранилъ всѣхъ безъ разбора, собственноручно колотилъ и вообще неистовствовалъ самымъ дикимъ манеромъ.

Около 12-ти часовъ кончилось ученье. Кантонисты, ни въ чемъ незамѣченные, стремглавъ бѣжали въ казармы; замѣченные же, понуря головы, шли шагъ за шагомъ, раздумывая: „Простятъ-ли совсѣмъ, нарядятъ-ли на ночь на часы, или же отдерутъ?“ Степень наказанія въ этихъ случаяхъ находилась также въ полной зависимости отъ Курятникова: если онъ сильно распекалъ—замѣченныхъ драли, если только выговаривалъ—ихъ наряжали на часы, если же благодарилъ за ученье—ихъ совсѣмъ прощали. Послѣднее, впрочемъ, случалось рѣдко.

Мытье половъ производилось послѣ обѣда. Въ спальняхъ кровати сдвигались въ уголъ, и кантонисты, въ одномъ

бѣльѣ, держа въ рукахъ голики, насаженные на длинные палки, выстраивались въ шеренги

— Гдѣ Парашкинъ? спрашиваетъ капралъ.

— Голикъ, надо полагать, ищетъ, отвѣчаетъ кто-то.

— Вонъ онъ идетъ, подхватилъ другой.

— Люди стали ужъ мыть, а ты гдѣ еще шляешься? Да и безъ голика?

— У меня былъ хорошій голикъ, да кто-то его утащилъ изъ кровати, оправдывался Парашкинъ, а у самаго уже зубъ на зубъ не попадаетъ.

— Вишь, чѣмъ вздумалъ оправдываться — „вытащили“. Чтобъ чрезъ пять минутъ былъ у тебя голикъ, не то запорю; слышишь? Пошелъ!

При мытьѣ, полъ поливали водою, послѣ чего ефрейторы посыпали его опилками, а простые кантонисты, по командѣ капраловъ, принимались растирать опилки, медленно двигаясь шеренгою впередъ и назадъ, отъ одной къ другой стѣнѣ. Послѣ троекратной перемѣны опилокъ и трехчасоваго, мучительнаго труда, полъ оказывался вымытымъ такъ чисто, и становился такъ бѣлъ, какъ деревенскій столъ у чистоплотной хозяйки.

Въ субботу вечеромъ кантонистамъ было предоставлено пользоваться отдыхомъ. Не смотря на то, многіе изъ нихъ сновали изъ угла въ уголъ съ озабоченными физіономіями.

Это были мальчики, имѣвшіе въ городѣ родныхъ, родственниковъ или даже, просто, земляковъ, къ которымъ намѣревались проситься на воскресенье въ отпускъ.

При всей тяжести кантонистской жизни, повидимому, одинаково убійственной для всѣхъ, житье мальчиковъ было различное. Некрасивымъ было тяжелѣе, нежели тѣмъ, которые обладали смазливою физіономіей. Некрасивыхъ обходили должностями, чаще били и одѣвали хуже, давая имъ донашивать старую одежду съ плечъ красивыхъ (мясокъ), которую приходилось ежедневно чинить, и въ которой со двора никоимъ образомъ не пускали.

Бывало, передъ праздникомъ, какой-нибудь корявый просилъ маску:

— Дай, Тимоша, куртку, со двора сходить. Твоя куртка мнѣ въ самую въ пору; я тебѣ за это калымъ (домашнее) печенье принесу.

— Отчего не дать, отзывается маска: — мнѣ все равно дома сидѣть. А что принесешь?

— Право, не знаю, потому идти-то хочу не къ родной матери, а къ двоюродному дядѣ. Съ пустыми, одначе, руками никогда не ворочался. Что принесу, — тѣмъ и подѣлюсь пополамъ.

— Калымъ твой мнѣ не нуженъ, а принеси ты мнѣ пятаковый калачъ, не то и куртки не трогай.

— Да вѣдь калачъ-то, Тимоша, купить надо, а денегъ можетъ и не дадутъ: какъ же я тебѣ впередъ слово дамъ?

— По мнѣ хоть укради, хоть купи,—все единственно, а только подай. Пятакъ, чай, и Христа-ради набрать недолго.

— Да ужъ буду стараться.

— Ну, а кровать твою кто же сторожить будетъ? Вѣдь изомнутъ.

— Ну, и пущай. Не тебѣ отвѣчать.

— Извѣстно мнѣ. Потому я вицъ-ефрейторъ. Ну, да ладно: тащи калачъ да калымъ. Я ужъ присмотрю.

Въ другомъ мѣстѣ, дядька самъ предлагаетъ племяшу идти со двора.

— И куртку дамъ, и брюки достану, внушаетъ онъ:— только, чтобы—знаешь съѣдобнаго—побольше. А ужъ ефрейтора я упрошу,—пуститъ,—ты ему притащи листовъ шесть бумаги.

— Слушаю-съ.

Аристократія также готовится къ отпуску. Капралъ разсуждаетъ съ однимъ кантонистомъ, имѣющимъ сильную протекцію и потому никого не боящимся:

— Идешь завтра со двора?

— Извѣстно.

— Что же не чистишься?

— Чай, племяшъ давно уже вычистилъ.

— Ефрейтору сказывался?

— Это зачѣмъ?

— Затѣмъ, что порядокъ.

— Ну, это для другихъ порядокъ, а мы иначе. Захотимъ со двора—иду прямо къ фельдфебелю, выпрашиваюсь у него и вся недолга.

— Лафа тебѣ прятаться за маменькину-то спину.

— А тебѣ развѣ хуже моего? Чай, твой отецъ казначей, одежду тебѣ шьетъ тонкую, денегъ даетъ, кататься съ собой возитъ, заступается. Чего же тебѣ еще?

— А все же твое дѣло получше. Ты ни за себя, ни за кого и ни за что не отвѣчаешь, живешь себѣ по вольности дворянства, а я? Мнѣ никогда спокою не даютъ. Противно мнѣ капраломъ быть. Потому что я такое? Палачъ. Своихъ же драть долженъ. Другіе вонъ капралы съ удовольствіемъ дерутъ. шагу не дѣлаютъ безъ розги. а я какъ заслышу „розогъ“, убѣгаю, сломя голову, въ корридоръ, въ цейхгаузъ, даже въ чужую роту, чтобъ только драть не пришлось. Ну, а вѣдь не всегда же удается улизнуть, и... и плачешь, да дерешь!.. Намедни я вонъ училъ шеренгу, поправилъ Тихонову стойку, да и сказалъ ему что-то, вполголоса, смѣшное, онъ и улыбнулся. Капитанъ замѣтилъ это и закричалъ розогъ. Принесли. Онъ и приказалъ Тихонову ложиться. Я было заступаться за него: я молъ виноватъ, а не онъ—не взя-

ло; пытался отпѣкиваться палачествовать—тоже не помогло... Ударилъ разъ, другой потихоньку, а на третьемъ бросилъ розгу, да заплакалъ: жаль стало Тихонова. Капитанъ вдосталь взбѣсился. Ну и что же? Хватилъ онъ меня по уху, своею медвѣжьею лапищею, такъ, что я кровью облился, двѣ недѣли почти глухимъ ходилъ; да еще нотацію—какую бы ты думалъ — выслушалъ отъ него? Ежели, говоритъ, начальство велитъ — всякаго долженъ сѣчь, хоть бы отца роднаго—все равно, говоритъ, потому я, начальникъ, велю, а начальнику никто не указъ. Я жаловался отцу, да онъ толкуетъ тоже не ладно: ты, говоритъ, долженъ благодарить начальство: оно о тебѣ заботится. Вотъ ты и сговори съ нимъ!.. А вѣдь какая боль эти розги—я по себѣ знаю: когда я прибылъ въ кантонисты, правящій въ деревнѣ, на тѣлесномъ смотру, въ сараѣ, за царапину на локтѣ отпустилъ мнѣ почемъ попало такихъ десятокъ, что я свѣту Божьяго не взвидѣлъ.

— Да, ужъ житье! со вздохомъ замѣтилъ собесѣдникъ.

— На что хуже!

— Особливо новичкомъ.

— Бѣда! Прибудетъ малый — кровь съ молокомъ, а чрезъ годъ еле дышетъ. Жалости подобно, ей-Богу! Я и хочу вотъ подобрать въ свое капральство ефрейторовъ подоб-

рѣе, чтобъ не дрались, значитъ. Попросись, Коля, ко мнѣ въ ефрейторы, право, другъ, хорошо будетъ.

- Самаго ефрейторства мнѣ не надо: простымъ лучше, а добро дѣлать готовъ, ужо потолкуемъ объ этомъ.

Тутъ разговоръ былъ прерванъ подошедшимъ капитанстомъ, который обратился къ послѣднему изъ бесѣдовавшихъ.

— Дмитрій Михалычъ, молвилъ онъ, къ фельдфебелю пожалуйте: они васъ ужъ два раза кликали; тамъ какой-то мужикъ пришелъ, точно кучеръ, толстый, да съ черною бородою.

— Это отецъ, значитъ, прислалъ за мной. Хочешь, Коля, покататься.—иди, просись со двора теперь, вмѣсто завтра. Намъ, кстати, вѣдь и по пути.

— И то дѣло.

Сказано—сдѣлано. Товарищи пріодѣлись и ужъ совсѣмъ было собрались въ путь, какъ встрѣтились съ капраломъ Рудинымъ.

— Это куда? спросилъ тотъ Колю, простаго рядоваго.

— Домой.

— Какъ такъ? безъ спросу?

— Фельдфебель уволилъ.

— А я нешто не начальникъ твой?

— Коли фельдфебель уволилъ, такъ тебѣ, братецъ мой, молчать ужъ надо. Туда же начальство!

— Покажи билетъ?

— Фельдфебель повѣрилъ мнѣ безъ билета; а ежели ты Ѳома невѣрующій — такъ пойди спроси его. Отстань ты кикимора эдакая!..

— Ахъ ты дрянь! Еще дразнится.

Тутъ произошла схватка, въ которой капралу плохо пришлось.

— А-а-а! Ура! одобрительно заголосили собравшіеся кантонисты, увидѣвъ, что ихъ капрала бьютъ.

— Вотъ тебѣ на память, заключилъ Коля и побѣжалъ къ двери.

Очнувшись, капралъ запальчиво подскочилъ къ первому встрѣчному, ударилъ его, за нимъ слѣдующаго и такимъ образомъ отомстилъ свое пораженіе и водворилъ тишину. Тѣмъ не менѣе, даже побитые были благодарны побѣдителю и восторгались его удальствомъ.

Кантонистовъ съ такимъ образомъ мыслей, какъ у вышеупомянутыхъ собесѣдниковъ, приходилось человѣкъ по 5—8 на роту и они служили предметомъ обожанія остальныхъ, простыхъ кантонистовъ. Къ нимъ, всякій слабый, некрасивый кантонистъ смѣло обращался за защитою передъ ротнымъ командиромъ, унтеромъ и фельдфебелемъ. Къ нимъ прибѣгали

съ просьбами объ освобожденіи отъ дядьки, о переводѣ въ другой десятокъ, объ увольненіи въ отпускъ за городъ, о перемѣнѣ рваной куртки, худыхъ сапогъ. Имъ жаловались на жестокое обращеніе ефрейторовъ и дядекъ. У нихъ же выпрашивали: бумаги, перьевъ, въ голодную пору хлѣба, либо копейку, иголку, ниток, пуговицу, костяжку; просили о сложеніи со счету потерянной казенной портянки, мѣднаго креста и т. д. Личности эти, цѣня свое положеніе, никому ни въ чемъ ни отказывали, если исполненіе просьбы было по ихъ силамъ, а выше ихъ силъ было очень немногое, благодаря ихъ связямъ; числительность же ихъ, въ сравненіи съ составомъ заведенія, оттого была такъ ничтожна, что начальство всячески старалось озлоблять кантонистовъ другъ противъ друга, наказывая одного за неисправность нѣсколькихъ, поощряя жестокосердныхъ похвалами и осмѣивая и нерѣдко наказывая мягкосердныхъ.

VIII.

ВОСКРЕСЕНЬЕ. ЗАВЕДЕНІЕ ПРАЗДНУЕТЪ.

Начинаетъ свѣтать.

Кантонисты встаютъ и начинаютъ копошиться: кто у печки, кто у почника.

— Ты, Куропаткинъ, пойдешь со двора? спрашиваетъ кантонистъ другаго, начищая сапоги.

— Радъ бы идти, да не знаю какъ быть.

— А что?

— Да билета нѣтъ.

— Этой бѣдѣ, я, пожалуй, пособлю: писарь пишетъ билетики по копейкѣ серебромъ, а у меня есть семитка (2 коп.), вотъ намъ и два билетика. Чуръ за мѣсто одной — вернуть мнѣ послѣ двѣ копейки.

— Спасибо, другъ; большое, Гриша, тебѣ спасибо.

— И стоило-жъ мнѣ труда приберечь этотъ семишникъ?!.. Нѣсколько разъ голодалъ, вотъ-вотъ хотѣлъ проѣсть, а удержался-таки. Лучше, молъ, со двора идти, чѣмъ проѣсть.

— Около письменнаго стола ротнаго писаря толпятся, спозаранку, множество кантонистовъ. Одни подходятъ смѣло, другіе—робко; одни, отходя отъ стола, прыгаютъ отъ радости, другіе — плачутъ съ горя. Рука писаря проворно скользитъ по лоскуткамъ сѣрой бумаги и такъ же проворно беретъ съ просителей копейки, опускаетъ ихъ въ ящикъ стола, живо перескакиваетъ на бумагу и снова строчитъ билетики.

— Пахомовъ! твой билетикъ не годится, говоритъ писарь, сбрасывая со стола лоскутокъ бумаги. — Если хочешь самъ писать, — впередъ спроси, какъ.

— Отчего-жъ не годится? плачевно спрашиваетъ Пахомовъ, поблѣднѣвъ. —Я съ вашего же списывалъ и, кажется, вѣрно.

— А зачѣмъ же ты подписался за капитана? Этого сдѣлать нельзя.

— Да вѣдь вы же подписываетесь за него,—отчего же и мнѣ нельзя?

— То я, а то ты. Я вонъ подписываю за капитана и рапорты, и книги, не чета вашимъ поскуднымъ билетикамъ, а ты этого не смѣешь. Хочешь со двора — заплати, напишу новый билетъ, а не хочешь—убирайся прочь отсюда.

— Радъ бы заплатить, да денегъ нѣтъ ни полушки. Изъ дому идучи будутъ безпремѣнно. Подождите пожалуйста.

— Хорошо. Принести мнѣ на двѣ копейки орѣховъ; готовься поди, получишь билетъ.

— Парадные къ фельдфебельской! слышится зовъ, по комнатамъ роты, въ девятомъ часу.

Наканунѣ наряженные по очереди къ обѣдни, человѣкъ по пяти изъ капральства, одѣтые въ лучшую, по возможности, одежду, тщательно осматриваются фельдфебелемъ и отправляются фронтомъ въ церковь, подъ командою дежурнаго унтера.

— Рота къ артикуламъ! раздается новый зовъ, по уходѣ парадныхъ.

Каптористы собираются въ самую большую комнату роты и выстраиваются рядами и группами между кроватями. Противъ нихъ располагается, у высокаго стола, учитель, раскрываетъ толстую книгу и начинаетъ читать во всеуслышаніе. Что такое

онъ читаетъ — Богъ-вѣсть. Ясно, только звучатъ въ ушахъ кантонистовъ выраженія: „прогнать шпицрутенами чрезъ сто человѣкъ три раза, шесть разъ“, „ссылается въ каторжную работу на двадцать лѣтъ“, „наказывается лозанами тремя стами ударовъ“. При этомъ трусливые кантонисты вздрагиваютъ, блѣднѣютъ, опасаясь, какъ бы ихъ сейчасъ не разложили и не отсчитали бы имъ такое число ударовъ. Чтеніе продолжается до возвращенія парадныхъ изъ церкви. Во все время чтенія никто не смѣетъ шевельнуться. Происходило это чтеніе еженедѣльно по воскресеньямъ. Тѣмъ не менѣе, смыслъ ихъ узнавался уже послѣ, будучи на службѣ.

Кончилась обѣдня, кончилось и чтеніе; остается идти въ отпускъ. Но, какъ на зло, предстоитъ еще осмотръ. Соберутъ всѣхъ гуртомъ и осматриваютъ: сперва — дядьки, потомъ ефрейторы, капралы, правящіе и, наконецъ, фельдфебель. Сколько придирокъ, сколько непріятностей! Иной со всѣмъ увѣренъ, что сейчасъ уйдетъ домой и — вдругъ препятствіе.

— Отчего сапоги плохо вычищены? грозно кричитъ фельдфебель.

— Да они, Ермило, Ефимычъ ужъ такіе шаршавые-съ Кто ихъ знаетъ? Чистилъ, чистилъ — не отчищаются.

— Ну, и сиди тутъ; домой не пойдешь, рѣшаетъ фельдфебель и уже обращается къ другому кантонисту, чѣмъ-нибудь провинившемуся предъ нимъ въ теченіе недѣли:

— Ты тоже въ отпускъ? Нельзя. Ступай въ столовую— замѣнишь Егорова. Онъ тамъ дежурный, приказываетъ фельдфебель.

— Будьте добры, пустите. У меня мать при смерти...

— Толкуй, толкуй! Въ столовую!

Немногимъ счастливцамъ удается благополучно уйдти со двора. Оставшіеся дома пообѣдали. Унтера, фельдфебеля тоже разошлись кое-куда. Ротами остается править одинъ лишь дежурный унтеръ.

Тутъ только настаетъ *настоящій* праздникъ. Дозволяется играть, бѣгать, шалить безъ стѣсненія.

Начинаются игры.

Тотчасъ же въ одной комнатѣ сдвигаются двѣ кровати вмѣстѣ, четыре человѣка нагибаются, придерживаясь одинъ за спину другаго руками и свѣсивъ голову на бокъ (образуя такимъ образомъ изъ себя родъ гимнастической кобылы), а человѣкъ шесть-семь со всего разбѣгу прыгаютъ на нихъ и садятся верхомъ, одинъ за другимъ, до-тѣхъ-поръ, пока кто-нибудь не свалится, или не уронитъ другаго. Тогда прыгавшіе замѣняютъ собою кобылу, а служившіе кобылою начинаютъ прыгать.

Въ другой комнатѣ сдвинутъ, также въ сторону, нѣсколько кроватей, совьютъ изъ двухъ полотенцевъ „жгутъ“, сядутъ человѣкъ десять въ однихъ брюкахъ и рубашкахъ

на полъ, въ кружокъ, ногами въ средину, накроются до туловища двумя одѣялами и всѣ прячутъ подъ нихъ руки, а кто-нибудь и самый жгутъ. Одинъ по жребію, садится въ средину, на одѣяла, и — по условному крику: „готово“, — его ударяютъ со всего размаху по спинѣ жгутомъ, который мгновенно спрячутъ; ударенный начинаетъ искать жгутъ, между тѣмъ какъ тотъ передается изъ рукъ въ руки, снова ударяетъ его по боку и снова исчезаетъ подъ одѣялами. Такъ продолжается до-тѣхъ-поръ, пока жгутъ не будетъ найденъ, послѣ чего въ средину круга садится тотъ, кто не успѣлъ спрятать жгута. Играющіе входятъ, мало-по-малу, въ азартъ, шумятъ, пугаютъ, обманываютъ сидящаго въ срединѣ и хлещутъ его безпощадно. Если же искателемъ жгута очутится какой-нибудь злой ефрейторъ, или сплетникъ, — ему отомстятъ за все. Жаловаться, въ этотъ случаѣ, нельзя: игра дозволена и отъ доброй воли каждаго зависитъ играть въ нее, или нѣтъ. А когда общественный врагъ ловокъ, ему подкинутъ жгутъ подъ бокъ, подъ спину, знаками дадутъ понять это ищущему, и все-таки заманятъ его на средину. Стоитъ ему разъ попасть туда, какъ его уже пошли хлестать, пока не натѣшатся вдоволь. Жажда мщенія была чрезвычайно сильно развита въ кантонистахъ. Такъ они, напримѣръ, частенько впередъ сговаривались, человѣкъ десять, задать баню врагу; поручали кому-нибудь изъ его пріятелей пригла-

сить его играть, сами притворно передъ нимъ юлили, егозили, сначала нарочно поддавались ему, а потомъ, раздразнивъ успѣхомъ, залучали на средину и такъ колотили, что, по собственному ихъ выраженію, чертямъ тошно становилось.

Многіе изъ уволенныхъ со двора бродили, между тѣмъ, по базару, собирали Христа ради, а гдѣ не подавали — тамъ воровали все, что попадало подъ руку. Ихъ, разумѣется, ловили, причемъ дѣло не обходилось безъ побоевъ.

По воскресеньямъ, пользуясь большею свободою, нѣкоторые смѣльчаки предпринимали экскурсіи съ мародерскою цѣлію. Снявъ съ шинелей погоны, чтобы не узнали чьи онѣ, берутъ они съ собой, для бо́льшаго удобства, еще нѣсколько человѣкъ и вмѣстѣ отправляются за магазины. Тамъ въ это время множество простонародья изъ военныхъ и невоенныхъ мужчинъ и женщинъ. Это своего рода клубъ.

Тихо, скромно подходитъ компанія къ торговкамъ, съ разныхъ сторонъ, человѣка по три, по четыре. Тѣ, кто съ погонами, начинаютъ спрашивать цѣны продуктамъ, торгуются, а безпогонные высматриваютъ сзади ихъ, что ловчѣе схватить. Торговки хоть и глядятъ въ оба, но за многолюдствомъ едва успѣваютъ получать деньги, давать сдачи и отвѣчать на вопросы. Немного постоявъ и улучивъ благопріятную минуту, погонные раздвигаются, безпогонные разомъ выступаютъ впередъ, схватываютъ съ лотковъ торговокъ что

можно,—два, три калача, кусокъ говядины, полпечонки, цѣлую требуху, полпирога или каравай черпаго хлѣба. Затѣмъ они пускаются бѣжать въ разныя стороны, бѣгутъ такъ, чтобъ ужъ не догнали, а погонные моментально сдвигаются въ прежнее положеніе и опять начинаютъ торговаться, да ругать безпогонныхъ, давая этимъ понять, что между ними и грабителями нѣтъ ничего общаго, подстрекаютъ торговокъ бѣжать ловить мошенниковъ, вызывалсь, между тѣмъ, покараулить ихъ товаръ. Иная неопытная торговка поддается ихъ притворному участію и дѣйствительно бросится въ догонку за безпогонными; тогда погонные, пользуясь ея отсутствіемъ, расхватываютъ весь ея товаръ и сами мигомъ разбѣгаются. Опытная же торговка ограничивается тѣмъ, что закричитъ благимъ матомъ, заругается, запроситъ помощи у публики. Но публика, конечно, остается безучастною, состоя преимущественно изъ влюбленныхъ паръ, явившихся сюда на гулянье. Когда къ торговкамъ приходили, по праздникамъ, на помощь, ихъ мужья, друзья, имъ иногда удавалось, правда, славливать грабителей; по тогда затѣвалась борьба на жизнь и на смерть. Случалось, что и кантонисты бывали жестоко поколачиваемы, но схваченное съѣстное чрезвычайно рѣдко удавалось отнять у нихъ: кусокъ моментально перелеталъ въ 10—15-я руки и исчезалъ. И купленный на послѣдній пятакъ калачъ, и схваченный грабежемъ крендель, были

одинаково дороги каптонистамъ, которые, вернувшись въ казармы, приступали къ пожиранію добытаго провіанта. Находились затѣйники, любившіе оживлять пиршество разными необыкновенными подробностями.

— Ну-ка! кричитъ кто-нибудь изъ такихъ любителей:— кто съѣстъ калачъ безъ конца?

— Я!.. Я!.. Я!.. отзывается нѣсколько голосовъ разомъ.

— Не всѣ, не всѣ вдругъ. Ѣшь ты, Тихановъ. Только помни: съѣшь—твое счастье, не съѣшь—платишь семишникъ (2 коп.) штрафу и остатокъ калача мой. Давай закладъ; вотъ хоть Иванову.

Залогъ внесенъ; начинается забава. Калачъ вѣшается на нитку, концы которой Ивановъ, какъ посредникъ, держитъ въ воздухѣ, ставъ на подоконникъ. Тихановъ становится на полу возлѣ Иванова, опускаетъ руки по швамъ, поднимаетъ голову вверхъ и начинаетъ ѣсть калачъ, прямо ртомъ, отнюдь не дотрогиваясь до него ничѣмъ, кромѣ губъ, зубовъ и языка. Владѣлецъ калача наблюдаетъ за правильностію операціи, а толпа любопытныхъ окружаетъ ихъ, желая узнать, кто останется въ выигрышѣ. Тихановъ топчется кругомъ калача, кривляетъ лицо, вытягиваетъ губы и дѣлаетъ пресмѣшныя гримасы; но никто не смѣется. Занятію, видно, придается серьезность. Отъ калача ужъ остается одинъ тоненькій, обкусанный крендель, а его-то и надо вобрать въ ротъ цѣликомъ; это-то

и составляетъ весь фокусъ, *„съѣсть безъ конца“*. Медленно, осторожно вбираетъ Тихановъ въ ротъ, понемножку, сгибая крендель, наполняетъ имъ ротъ, дрожитъ, синѣетъ, глаза у него наливаются кровью, онъ пыхтитъ, глухо кашляетъ, но продолжаетъ жевать, и, наконецъ, выплевываетъ одну нитку, привскакивая съ мѣста въ восторгѣ.

— Молодецъ, Тихановъ, право! кричитъ толпа.

— Экій, дьяволъ, этакій! перебиваетъ бывшій хозяинъ калача.—Сожралъ-таки, чтобъ тебѣ лопнуть, чортово отродье. И, плюнувъ съ досады на полъ, онъ отходитъ въ сторону. Тутъ же Тихановъ получаетъ назадъ свои 2 коп.

Другой предлагаетъ:

— А кто, ребята, перешибетъ одною рукою четыре кренделя? О десятишникъ (3 коп.) закладъ.

— Идетъ, отзывается Колоколовъ, силачъ, лѣтъ 20-ти съ хвостикомъ.

Толпа окружаетъ и этихъ.

Колоколовъ отдаетъ закладъ, беретъ изъ рукъ Пустошкина кренделя, кладетъ ихъ на планку кровати, притискиваетъ одну половину ихъ сверху лѣвою рукою, раскачиваетъ, въ воздухѣ, правою, и ударяетъ ею съ размаху по кренделямъ. Три половинки отлетѣли на полъ, а четвертая осталась въ висячемъ положеніи.

— Сорвалось! вскрикиваетъ толпа со смѣхомъ.

— Ну. да, сорвалось, сволочъ проклятая! ругается Колоколовъ.—Да и какъ тутъ не сорваться, ежели кренделя мягки, какъ тѣсто? Будь они сухіе—десятокъ перешибу, а тутъ ничего не подѣлаешь!

— Да ужъ не оправдывайся — не повѣримъ, дразнитъ толпа.—Какой же ты такой силачъ, когда четырехъ кренделей не перешибъ? Отнынѣ ты, братъ, ужъ не силачъ, а скоморохъ, ящерица, — вотъ ты что̀ такое сталъ.

— Ребята, салазки на бокъ сворочу. Видѣли чѣмъ пахнетъ? И Колоколовъ показываетъ толпѣ свой увѣсистый кулакъ.

Толпа утихаетъ. Пустошкинъ сбираетъ съ полу кусочки кренделей, беретъ отъ посредника 3-хъ-копѣечную монету Колоколова и хочетъ уйдти.

— Эй ты, Пустошка! Дай-ко кренделька отвѣдать, не то проситъ, не то требуетъ Колоколовъ.—Раздобудусь деньгами — самъ подѣлюсь.

— На, отвѣчаетъ Пустошкинъ, подавая Колоколову два полукренделя.

— Кто, ребята, хочетъ въ орлянку играть, либо въ караульщики — маршъ за мной, говоритъ Колоколовъ и уходитъ. Нѣсколько человѣкъ посильнѣе и побойчѣе отправляются за нимъ.

Сзади манежа, въ самомъ уединенномъ мѣстѣ, велась игра въ орлянку и на рубли, и на гривенники, и на нѣ-

сколько копѣекъ, и на связку костяжекъ, и на дюжину мѣдныхъ пуговицъ, и даже на лишнюю ситцевую рубашку. Здѣсь сходились солдаты, смѣльчаки-кантонисты, мѣщане и иной простой людъ. Образовавъ кружокъ, игроки вызывали желающихъ караулить: не идетъ-ли начальство, или полиція; за это выигравшій обязанъ былъ вознаграждать ихъ по копейкѣ съ выиграннаго гривенника, по 3 пуговицы и по 4 костяжки съ выигранной дюжины. Начинали игру всегда съ пуговицъ и костяжекъ, потомъ, присмотрѣвшись къ игрѣ другъ друга, переходили къ деньгамъ. Рѣдкая игра кончалась безъ драки. Били тѣхъ, кто металъ двухъ-орловою монетою, кто фальшивою тревогою схватывалъ съ кону деньги.

Игра въ самомъ разгарѣ.

— Эхма! послѣдній пятакъ ставлю ребромъ, молвилъ Колоколовъ, пристально оглядывая игроковъ. Ахъ! братцы мои, въ слободѣ-то никакъ пожаръ? внезапно вскрикиваетъ онъ. Ну, ей же ей пожаръ! Поглядите-ка дымъ-то, дымъ-то, столбомъ такъ и валитъ, такъ и валитъ. А-ну, да ежели и моя тетушка сгоритъ? разсуждаетъ онъ, нѣсколько спокойнѣй. Эхъ тетушка, тетушка, что-то съ тобой станется...

— Да гдѣ пожаръ-то? И дыму не видать, возражаютъ неопытные игроки. Вишь какъ схлопалъ.

— Глазъ, что-ли, у васъ нѣтъ? подхватываетъ другой опытный игрокъ. Глядите влѣво-то, влѣво, за крѣпость...

Вонъ пламя-то, какое страшное. Толпа оглядывается по указанію.

— Разѣвайте рты пошире, авось галка влетитъ, крикнулъ Колоколовъ, схвативъ съ земли, сколько удалось, денегъ, и стрѣлою полетѣлъ въ сторону. Два, три ловчака послѣдовали его примѣру.

Толпа опомнилась. Увидавъ себя обманутою, она съ остервенѣніемъ кинулась подбирать остатки, била, грызла и душила другъ-друга, а обманувшіе ихъ, отбѣжавъ на порядочное разстояніе, дразнятся: „Ну что, пожаръ-то большой? Пламя-то красное, али бѣлое? Ахъ вы фофоны, фофоны этакіе.“ Толпа не вытерпѣла — бросилась въ погоню.

— Подступись-ка, подступись, кому жизнь надоѣла: убью какъ пить дамъ! кричитъ Колоколовъ, помахивая длиннымъ желѣзнымъ прутомъ и постепенно убѣгая къ казармамъ. Подходи, ребята, подходи, авось черепъ раскрою пополамъ!

Изъ множества способовъ разживы на чужой счетъ, каптописты придерживались преимущественно грабежа посредствомъ фальшивой тревоги. Они были такъ легки на ногу и проворны, что почти всегда убѣгали съ деньгами. Начальство, провѣдавъ про игру въ орлянку за манежемъ, частенько посылало туда и каптописткую, и городскую полицію; но и та, и другая оказывались безсильными. Для защиты отъ непріятеля у игроковъ постоянно водились и палки, и камни, и

свинчатки, и все, чѣмъ только можно драться. Въ руки никто не давался. Зато и пойманныхъ жестоко, до полусмерти наказывали.

— Эй вы, сволочъ, кто жрать хочетъ, бѣги за калачами, вызываетъ Колоколовъ, вернувшись въ роту съ деньгами.

— Я!... я!... я!... Колоколова окружаетъ цѣлая толпа.

— Сказалъ „раздобуду денегъ“ и раздобылся. На-вотъ, Голубевъ, пятіалтынный, пойди купи десятокъ пятаковыхъ калачей. А другой пятіалтынный побережемъ про черный день.

— Неужели тридцать копеекъ стащилъ? спрашиваетъ завистливая толпа.

— Извѣстно; что-жъ тутъ мудренаго: я вѣдь не вы — сморчки этакіе; я всякого, кто помѣшаетъ, либо остановитъ — въ смятку расшибу.

Немного погодя, посланный приноситъ на мочалкѣ связку калачей, которые Колоколовъ тутъ же и раздаетъ, оставляя себѣ львиную долю. Всѣ совершенно довольны.

Съ наступленіемъ сумерекъ, уволенные въ отпускъ возвращаются въ роты, и всякій что-нибудь несетъ изъ съѣстнаго, у иныхъ даже потъ градомъ катится съ лица отъ тягости ноши. Начинается дѣлежъ харчей, глядя по достоинству и значенію каждаго. Немного погодя всѣ ѣдятъ, оживляются;

смѣхъ, шутки слышатся отовсюду; почти всѣ въ веселомъ настроеніи духа.

Время это самое опасное для многихъ кантонистовъ-начальниковъ. Имъ частенько грозитъ опасность быть избитыми гдѣ-нибудь въ темномъ углу; бойцовъ найдти нетрудно, когда есть чѣмъ заплатить за услугу. За нѣсколько кусковъ съѣстнаго, какой-нибудь смѣльчакъ подговариваетъ товарищей и съ ними, подкарауливъ врага, набрасываетъ ему на голову, часто съ его же кровати снятое, одѣяло, зажимаетъ ему ротъ и поколачиваетъ сколько удастся, послѣ чего всѣ разбѣгаются въ разныя стороны, какъ ни въ чемъ не бывало...

Ужинать ходили по воскресеньямъ весьма немногіе. Повѣрка производилась безъ осмотровъ одежды и физіономій; освѣдомлялись только, всѣ-ли на лицо.

Такъ кончалась кантонистская недѣля, однообразная, тупая, одуряющая недѣля! А съ слѣдующаго утра — опять прежняя пытка, горячечная гоньба изъ угла въ уголъ, безъ мысли, безъ цѣли, безъ малѣйшаго признака человѣчности. И такъ долгіе, долгіе годы...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

IX.

ВПЕЧАТЛѢНІЯ И ИНТЕРЕСЫ НОВОБРАНЦЕВЪ.

Тяжелъ былъ гнётъ мрачной жизни въ заведеніи. Дни тянулись за днями, принося съ собою новыя мученія, физическія и нравственныя, которыя жестоко извращали натуру несчастныхъ мальчиковъ. Прямо изъ деревни, съ воли, попадали они въ этотъ омутъ и дѣйствительность сразу обдавала ихъ всею грязью, которою думали замѣнить кантонистамъ воспитаніе. На каждомъ шагу побои, розги, примѣры злобы, зависти и несправедливости — такова была программа, принятая въ руководство. Новичокъ, съ перваго же дня вступленія въ заведеніе, начинаетъ чувствовать на собственной шкурѣ всю тяжесть этого быта, изъ котораго не предстояло выхода въ теченіе многихъ лѣтъ. Дядька колотилъ его чѣмъ попало за малѣйшую оплошность, капралъ сѣкъ розгами, морилъ по ночамъ на дежурствѣ. Начальство, съ

своей стороны, не скупилось на истязанія. Голодные и холодные, бѣдняги и ночью не знали отдыха.

На эту каторгу, между прочими дѣтьми, попали двое мальчиковъ: Ивановъ и Степановъ. Уже съ полгода находились они въ заведеніи и начинали мало-по-малу выкарабкиваться изъ новичковъ. По натурѣ оба впечатлительные, они полегко мирились съ окружавшею ихъ обстановкою. Сблизившись между собою, они привязались другъ къ другу съ дѣтскою горячностью и любили проводить время вмѣстѣ, толкуя объ общемъ горѣ, вспоминая о родныхъ и о томъ, что́ дѣлалось *тамъ*, на родинѣ. Бесѣды ихъ, ради удобства, происходили бо́льшею частію по ночамъ. Много горькихъ слезъ пролили они вмѣстѣ, и эти слезы еще крѣпче запечатлѣвали ихъ дружбу.

Разъ, ночью, когда Степановъ стоялъ на часахъ, къ нему подошелъ Ивановъ, украдкою пробравшійся съ своей постели, чтобы потолковать съ пріятелемъ.

— За свою очередь часы-то стоишь? спросилъ вполголоса Ивановъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Степановъ, очень довольный посѣщеніемъ. За дядьку. Потому, я третьева-дни пуговицу потерялъ, ну, а онъ мнѣ досталъ-другую.

— Онъ добрый?

— Противъ другихъ — добрый.

— Ишь, счастье тебѣ! А мой-то, — Боже упаси! Таска каждый день, да еще голодомъ моритъ. Господи, да за что же?... Слезы закапали у мальчика изъ глазъ.

— Знаешь что? сказалъ онъ вдругъ, стиснувъ зубы.

— Ну?

— Убѣжимъ отселева!

— Что ты!

— А что? Ей-Богу. Потому лучше въ рѣкѣ потопимся... знаешь, тамъ, за оврагомъ... Нешто жизнь сладкая?...

— Убѣжишь тутъ! въ раздумьѣ возразилъ Степановъ: — слыхалъ, что съ бѣглыми-то дѣлаютъ? Вчера, вонъ, фельдфебель приказывалъ капралу намочить въ теплой водѣ пучковъ тридцать розогъ, да соли насыпать въ воду: лучше, вишь, размокнутъ. Самъ начальникъ, слышь, станетъ наказывать бѣглаго. Говорятъ, шестой ужъ разъ убѣгаетъ, да все славливаютъ.

— Неймется?... Да вѣдь житья-то нѣтъ! Бьютъ-то вѣдь ужъ очень больно...

— А за побѣгъ-то еще больнѣй попадетъ! Вотъ чего я боюсь. А ты, Вася, ежели тебѣ ученье нейдетъ въ голову, — попросись въ классъ у своего ефрейтора, у Орлова. Онъ, сказываютъ, тамъ старшимъ, — онъ тебя выхлопочетъ въ классъ, а тамъ, можетъ, и грамота пойдетъ тебѣ на умъ. Писаремъ станешь, а писарямъ, слышь, славное житье. Право,

попросись-ка ты въ классъ; попытка не шутка, а спросъ не бѣда.

— И то, нешто попроситься? Грамотѣ выучусь, домой вѣсточку напишу. То-то, чай, обрадуются! Денегъ, можетъ, пришлютъ; мы съ тобой говядины купимъ.

— Извѣстно. Эхъ, напрасно ты про говядину вспомнилъ: смерть ѣсть захотѣлось...

Далѣе разговоръ ихъ перешелъ къ деревенскимъ воспоминаніямъ и роднымъ. Увлекшись близкимъ сердцу предметомъ, они не замѣтили, когда смѣнилась вторая смѣна, и очнулись только тогда, какъ услышали крикъ дежурнаго: „печки затоплять“, что̀ значило 4½ часа утра, — половина третьей смѣны. Струхнули мальчики: начальство могло подумать, что они проспали смѣну, а за это грозило наказаніе. Во избѣжаніе непріятностей, разбудивъ потихоньку очередныхъ часовыхъ, они попросили ихъ никому не говорить о поздней ихъ смѣнѣ. Тѣ, не совсѣмъ еще старые кантонисты, слѣдовательно, неостервенелые противъ ближнихъ, сочувствуя горю новичковъ, охотно согласились молчать.

Настало утро слѣдующаго дня, а съ нимъ все, читателю коротко уже знакомое. Кончилось ученье. Роту свели въ самую большую комнату, куда явились барабанщики-палачи. Кантонисты побѣлѣли, даже позеленѣли отъ страху. Всѣ поняли, что готовится истязаніе. Но кого, за что̀ будутъ

наказывать?—это оставалось загадкою для большинства. Вскорѣ пришелъ начальникъ заведенія, полковникъ Курятниковъ.

— Кровати сдвинуть и выстроиться въ каре, произнесъ онъ. Передвиженіе совершилось. Бродягу сюда!

Ввели каптониста Месарева. Онъ былъ лѣтъ 14, маленькаго роста, худенькій, черненькій, точно мертвецъ, блѣдный и весь трясся. Остановясь среди каре, онъ повелъ кругомъ мутными глазами. Картина была невеселая: въ углу ушатъ съ водою, изъ котораго торчали пучки розогъ; сдвинутыя кровати и вокругъ толпа блѣдныхъ, исхудалыхъ каптонистовъ и нѣсколько сытыхъ, румяныхъ начальниковъ. Месаревъ опустилъ голову, руки машинально упали по швамъ и онъ сталъ, какъ вкопанный.

— Мало, вѣрно, я тебя прошедшій разъ поролъ? Еще захотѣлъ? началъ начальникъ. Изволь, спущу теперь шкуру съ шеи до пятокъ. Говори: изъ-за чего опять бѣжалъ? говори! Начальникъ зловѣще сверкнулъ глазами и подступилъ къ Месареву со сжатыми кулаками.

— Ей-Богу, противъ воли бѣжалъ, заговорилъ Месаревъ глухимъ голосомъ. Голодъ, холодъ, побои, драные, безсонныя ночи... Не могу я... мочи моей нѣтъ... Ваше благородье Будьте отецъ! отпустите меня въ деревню!... Лицо мальчика вдругъ вспыхнуло и тотчасъ же снова побѣдѣло; голосъ у него оборвался.

— Ну? Еще что? спросилъ Курятниковъ, играя со своею жертвою.

— Ваше благородье, ваше вскоблагородье! застоналъ Месаревъ и, захвативъ руками свою голову, повалился на колѣни. Пустите, пустите меня въ деревню! Тамъ мать у меня... Меня здѣсь бьютъ, меня здѣсь голодомъ морятъ .. Господи!

Курятниковъ усмѣхнулся.

— Такъ тебѣ ласки надо?... Все это мы тебѣ дадимъ, сейчасъ дадимъ вдоволь. Раздѣвайся!

Месаревъ, какъ ужаленный, вскочилъ на ноги. Легкая судорога пробѣжала по его членамъ и лицо еще сильнѣе поблѣднѣло. Въ первый разъ въ жизни взглянулъ онъ смѣло начальнику въ глаза; потомъ спокойно скинулъ съ себя рваную шинелишку, разостлалъ ее по полу, за нею зимнія брюки, бѣлье, все положилъ въ голову, легъ и ждалъ...

Страшно было видѣть въ ребенкѣ это мертвое спокойствіе.

— Начинай! скомандовалъ начальникъ.

Барабанщики подступили съ обѣихъ сторонъ. Сначала Месаревъ, послѣ каждаго удара, однообразно вскрикивалъ попеременно: „помилуйте, вашескородье, вашескородье, помилуйте!“ потомъ голосъ его постепенно слабѣлъ, слабѣлъ и онъ точно уснулъ подъ ударами...

Безчувственный, еле дышащій лежалъ Месаревъ съ дѣйствительно спущенною шкурою съ шеи до пятокъ. Страшные волдыри, живое мясо, лоскуты кожи виднѣлись повсюду. Громадныхъ трудовъ стоило вытащить изо рта его руку, пальцы которой были искусаны до костей; запекшаяся кровь превратилась въ багровую массу, тогда какъ изо рта струилась пѣна. На близъ стоявшей кровати разостлали простыню, подняли Месарева съ полу, положили на эту кровать, сбрызнули холодною водою, завернули простынею и накрыли одѣяломъ.

- Ну, что? говорилъ между тѣмъ Курятниковъ, поглядывая на растерявшихся кантонистовъ. Пусть кто-нибудь попробуетъ бѣжать!

Но, вмѣсто словъ, рота отвѣчала глухимъ стономъ.

Курятниковъ ушелъ. Роту повели обѣдать, но многіе кантонисты и не прикасались къ пищѣ: предшествовавшее обѣду зрѣлище отняло у нихъ аппетитъ. И не только этотъ, но и нѣсколько послѣдующихъ дней сряду кантонисты продолжали толковать о случившемся съ ужасомъ въ лицахъ; а тѣ, кто прежде и самъ не чуждъ былъ намѣренія убѣжать, теперь страшились даже и вспомнить свою завѣтную мысль.

Месаревъ, отправленный въ лазаретъ, полечился тамъ мѣсяца полтора, выписался, пожилъ въ ротѣ съ мѣсяцъ и опять убѣжалъ, но снова былъ пойманъ, наказанъ и леченъ.

По возвращеніи въ роту, онъ снова бѣжалъ; такъ что, въ общей сложности, онъ, за совершонные имъ 10—12 п. бѣговъ, получилъ до четырехъ тысячъ розогъ. Въ результатѣ у него оказалась такая привычка къ розгамъ, что его никогда не держали, онъ никогда не вертѣлся подъ ударами и не кричалъ, а въ послѣднее время даже самъ велъ счетъ имъ, и, что̀ всего замѣчательнѣе, никогда не ошибался. Этого мало: онъ добровольно позволялъ себя наказывать 20—30-ю ударами любому кантонисту, требуя за это какой-нибудь ломоть хлѣба, въ голодную пору. Всѣ побѣги его оказывались неудачными, вѣроятно, по той причинѣ, что всѣ полицейскіе въ городѣ и всѣ сотскіе и десятскіе окружныхъ мѣстностей коротко знали его и тотчасъ ловили. Убѣжавъ въ послѣдній разъ, онъ, однако, какъ въ воду канулъ.

Исторія съ Месаревымъ имѣла подавляющее вліяніе на двухъ маленькихъ пріятелей: Степанова и Иванова. Съ тѣхъ поръ у нихъ и рѣчи уже не было о побѣгѣ. Зато пущено было въ ходъ все стараніе, чтобы попасть въ классъ. Стараніе привело къ цѣли: ефрейторъ Орловъ выхлопоталъ исполненіе просьбы Иванова—онъ былъ переведенъ въ классъ. Степанову также вдругъ повезло: его сдѣлали вицъ-ефрейторомъ. Впрочемъ, повышеніе это имѣло для него и непріятную сторону. Походя наружностію на одного изъ ординарцевъ, состоявшаго въ должности ефрейтора, онъ былъ приставленъ

къ нему въ качествѣ вѣстоваго. Тутъ онъ подвергся особенно сильной выправкѣ, которая, наконецъ, привела къ тому, что не вынесъ, заболѣлъ горячкою и попалъ на излеченіе въ лазаретъ заведенія.

X.

ЛАЗАРЕТЪ.

Лазаретъ отличался отмѣнною чистотою и опрятностью какъ внутри, такъ и снаружи. Это и составляло, конечно, главную заботу начальства, которое совершенно забывало въ своихъ предначертаніяхъ тѣхъ, для кого былъ построенъ лазаретъ. Больныхъ кормили до того скверно, что надо было удивляться, какъ они не умирали съ голоду. На лекарство начальство также не любило тратиться, предпочитая домашнія средства, въ родѣ горчичниковъ, слабительнаго, шалфея и ромашки. Въ большомъ ходу были также, такъ-называемыя, *заволоки*, какія дѣлаются лошадямъ и уже совершенно ничего не стоятъ.

Начальствовали надъ лазаретомъ: старшій и младшій лекаря, старшій и два младшихъ фельдшера. Старшій лекарь и младшіе фельдшера въ медицинѣ положительно ничего не смыслили; младшій лекарь самъ былъ постоянно боленъ и въ отпускахъ, а старшій фельдшеръ Осиповъ хоть и хорошо зналъ свою часть и былъ человѣкъ добрый, но горьчайшій

пьяница и нерѣдко, будучи во хмѣлю, причинялъ множество бѣдъ въ лазаретѣ.

Отправлялись въ лазаретъ преимущественно изсѣченные, искалѣченные и заморенные кантонисты, а частію и добровольно. Бывало, опротивѣетъ иному кантонисту ходить на ученье, или захочется отдохнуть отъ казарменныхъ треволненій, натретъ глаза мелкимъ кирпичомъ, или известкою, расковыряетъ гвоздемъ ногу, или надрѣжетъ кускомъ стекла палецъ, и дастъ ему распухнуть. Затѣмъ, получивши за это изрядную порцію, отправляется въ лазаретъ—лечиться. Долго залеживаться въ лазаретѣ, впрочемъ, никому не давали.

Больныхъ, державшихся на ногахъ, посылали ежедневно, весною и половину лѣта, подъ командою унтера, въ поле, въ лѣсъ, собирать различныя, для леченья пригодныя, травы. Осенью же ихъ заставляли обчищать, промывать и разсортировывать эти травы по цвѣтамъ, по величинѣ и по достоинству листьевъ. Наконецъ, зимою больныхъ занимали толченьемъ различныхъ медицинскихъ снадобій, клейкою коробочекъ, щипаньемъ корпіи, приготовленіемъ бинтовъ, компрессовъ и проч. За неисправности, лѣность и шалости въ лазаретѣ сѣкли и колотили совершенно такъ же, какъ въ ротѣ. Вся выгода лазаретнаго житья противъ ротнаго заключалась въ томъ, что въ немъ не было ученій, не было экзаменовки пунктиковъ и прочей муштровки.

Больные дѣлились на три отдѣленія: въ первомъ находились трудные больные; во второмъ—съ наружными болѣзнями, а въ третьемъ—глазные.

Утро. Старшій, древній лекарь производитъ визитацію.

— Какъ твое здоровье? спрашиваетъ онъ лежащаго больнаго.

— Плохо-съ, едва выговариваетъ спрошенный. — Ночь не спалъ... кашель... грудь... изныла...

— Говори шибче: не слышу!

— Не могу-съ... духъ захватываетъ.

— Духъ захватываетъ? Это еще что за вздоръ. Не молишься, вѣрно, Богу, вотъ и духъ захватываетъ. Читай вслухъ „Отче нашъ“.

— Голосу нѣтъ-съ... не могу...

— Читай, читай, тебѣ говорятъ, не то сейчасъ же дошибу! кричитъ лекарь, трепля больнаго за ухо, или отпустивъ ему щелчокъ по посу. — Лѣнишься, а не „не могу“. Ну-же!

— Отче нашъ, иже еси... шепчетъ больной, обороняя голову отъ лекаря обѣими руками.

— Громче, не слышу! Громче!

— Яко на небесѣхъ и на землѣ-съ...

— Врешь, подлецъ. Начинай снова, да не пропускать. Больной снова читаетъ „Отче нашъ“, лекарь слушаетъ, по-

нукая его кричать громче. Повторивъ молитву два-три раза, больной выбивается изъ силъ, закрываетъ глаза и затихаетъ.

— Положить ему на лобъ полотенце, намоченное уксусомъ, приказываетъ лекарь: — окутать хорошенько одѣяломъ, чтобы вспотѣлъ; а какъ очнется, дать ему слабительнаго и къ завтрему вся хворость сойдетъ съ него, какъ съ гуся вода. И онъ уходитъ дальше.

— Покажи-ка, въ какомъ положеніи твоя нога? продолжаетъ онъ, во второмъ отдѣленіи.

— Больно очень развязывать-то-съ, позвольте лучше такъ оставить, проситъ больной.

— Я те оставлю! Рязвяжи!

Больной морщась и ёжась развязываетъ.

— Вишь, какая мерзостъ! Смотрѣть-то даже тошно. Воды и мочалку сюда! Является служитель съ тазомъ холодной воды и мочалкою.

— Промой ему хорошенько рану.

— Помилосердствуйте, вашескородье! Ей-ей, не вытерпѣть.

— Молчать!

Служитель начинаетъ дѣйствовать мочалкой съ такимъ усердіемъ, будто онъ не ногу, а полъ моетъ. Больной терпитъ и, наконецъ, съ крикомъ вырываетъ ногу.

— Пачкайся около тебя, внушаетъ ему раздосадованный

докторъ:—хлопочи, а ты, вмѣсто благодарности, еще ревешь и рвешься? Ахъ ты, мерзавецъ этакій! Подержать его!

Два служителя стиснутъ больнаго, а третій мостъ рану, нажимая съ такою силою, что не только изъ нея, но и изъ сосѣдняго здороваго мѣста начинаетъ сочиться кровь. Больной кричитъ во все горло.

— Будетъ! скомандуетъ лекарь.—Вложить въ рану корпію, обвязать покрѣпче ногу, а за его крикъ дать ему на сегодняшнія сутки полбулки и смотрѣть за нимъ въ оба. Послѣ такого внушенія, лекарь отправляется въ глазное отдѣленіе.

— А твои глаза все еще гноятся? скажетъ, бывало, онъ, подходя къ одному изъ мальчиковъ. — Должно быть, опять натеръ ихъ известкой?

— Никакъ нѣтъ-съ... Ей-богу не виноватъ.

— Я вотъ тебѣ дамъ „не виноватъ!“ Подать мнѣ ляписъ.

— И такъ заживутъ, право слово, заживутъ-съ, не жгите только глаза... Сжальтесь ради Бога.

— Подержать его!

Тутъ происходитъ сцена: больнаго схватываютъ, а лекарь принимается прижигать ему глаза. Больной вертится, кричитъ.

— Вотъ же тебѣ, вотъ же тебѣ, дрянь эдакая, при-

говариваетъ врачъ, тыкая больному лаписомъ въ глаза, куда попало.

Напрягши всѣ свои силы, больной вдругъ вырывается отъ мучителей.

— Такъ вотъ ты каковъ? Ге-ге-ге! Поймать его и подать мнѣ инструментъ: сейчасъ мы ему заволоку зададимъ.

Больной снова въ мощныхъ рукахъ, а лекарь, проколовъ ему за ухомъ здоровое тѣло, просовываетъ насквозь веревочку, которую дергаетъ изо всей силы взадъ и впередъ.

Единственное утѣшеніе несчастныхъ кантонистовъ состояло въ томъ, что судьба послала имъ хоть одного хорошаго человѣка, въ лицѣ старшаго фельдшера, Осипова. Онъ одинъ, среди этой массы зла, относился къ мальчикамъ съ состраданіемъ. Бывало, сядетъ на кровать какого-нибудь больнаго, а у самаго глаза такіе ласковые.

— Что, другъ, говоритъ: — небось притворяешься?

— Иванъ Осипычъ, тамъ въ ротѣ житья нѣтъ, отвѣчаетъ больной.

— Отдохнуть, значитъ, хочешь?

— Такъ точно-съ. Не гоните.

— Ну, ужъ ладно; только не залеживайся. Тутъ, братъ, отъ одного здѣшняго поганаго воздуха помрешь. Небось и ѣсть хочешь?

— Какъ не хотѣть!..

— Ну, я тебѣ первую порцію выпишу.

— Нельзя-ли, Иванъ Осипычъ, и мнѣ первой порціи? проситъ другой больной; — а то какъ я на полбулкѣ-то проживу?

— Тебѣ, голубчикъ, первой порціи я назначить не могу: лекарь за это меня самого отдуетъ. А ты зайди ужо ко мнѣ въ комнату, тамъ и поужинаешь.

— Слушаю-съ. Чувствительно васъ благодарю-съ.

— Позвольте, Иванъ Осипычъ, просить васъ снять съ меня мушку? проситъ глазной. — Вся шея распухла, кожа слѣзла, гной течетъ внизъ; рубашка прилипаетъ къ спинѣ. Мнѣ рѣшительно спать невозможно.

— Теперь, голубчикъ, снять не могу; а потерпи до завтраго: лекарь уѣдетъ въ деревню, я и сниму.

— Будьте такъ добры; вѣкъ не забуду.

— Сниму, сниму, потерпи немного. Что дѣлать? всѣ терпимъ.

На слѣдующее утро, едва лекарь уѣхалъ въ деревню, лазаретъ мигомъ превратился въ гульбище. Управлять лазаретомъ остался Осиповъ. Снявъ съ больныхъ всѣ мушки, всѣ заволоки, повыкинувъ за окно всѣ стклянки съ прописанною лекаремъ микстурою, Осиповъ выписалъ отличныя порціи, а трудныя, въ добавокъ къ порціямъ, и топленаго молока, пива, краснаго вина, и самъ пустился ухаживать за ними,

захлопоталъ, засуетился. Больные сыты по горло, спокойны, повеселѣли, запрыгали. День прошелъ незамѣтно. Но къ вечеру Осиповъ ужъ выпилъ, по обыкновенію, не въ мѣру, ушелъ прогуляться и не явился цѣлыя сутки. Младшіе фельдшера и служителя, пользуясь его отсутствіемъ, тоже отправились погулять, оставивъ больныхъ безъ лекарствъ, безъ ухода.

Въ такое время случалось, что больные, брошенные на произволъ судьбы, умирали — да и хорошо дѣлали, потому что хоть смертью освобождались отъ мученичества.

Вернувшись изъ деревни, лекарь принимался водворять въ лазаретѣ старый порядокъ; разсылалъ по городу искать Осипова, котораго обыкновенно приводили пьянаго, безобразнаго. Лекарь, вспыливъ, требовалъ розогъ и тутъ же задавалъ старшему фельдшеру превосходную порцію.

— Перестанешь ты, скотина, пьянствовать, или нѣтъ? такъ начиналъ онъ увѣщевать Осипова, послѣ экзекуціи.

— Не знаю-съ, отвѣчалъ, по обыкновенію, Осиповъ, пошатываясь изъ стороны въ сторону.—Ручаться нельзя-съ, быть можетъ... Пожалуйте на косушку.

— Стыдно! стыдно! внушаетъ лекарь. — Человѣкъ ты способный, вездѣ принятъ, имѣешь хорошую практику, а не отстаешь отъ этой поганой водки. Вѣдь мнѣ за тебя совѣстно, право; совѣстно пороть-то тебя, да нельзя: изъ терпѣнья вы-

водишь. Ради Бога не пей! осчастливлю... въ чиновники произведу, одѣну-обую на славу, богатую невѣсту найду; все для тебя сдѣлаю, только не пьянствуй.

— Все это такъ-съ... Я всего стою, это точно-съ... Ну, а ежели вы меня ужъ выдрали, то пожалуйте же на косушечку. Опохмѣлиться мнѣ теперь крайне необходимо, а тамъ впереди, Богъ милостивъ. Произведусь, женюсь и какъ разъ перемѣнюсь. Да-съ, и водку пить перестану, право перестану. Пожалуйте-жъ полтинничекъ на поправку чердака.

— На тебѣ цѣлый рубль, только ради Бога не напейся.

— Нѣтъ-съ, не напьюсь, а только поправлюсь, а то и тѣло, да и чердакъ трещатъ.

Получивъ деньги, Осиповъ уходилъ, въ сопровожденіи служителя, въ свою комнату, посылалъ за водкою и, „поправившись“, снова вступалъ въ отправленіе своихъ обязанностей и велъ себя безукоризненно до слѣдующаго кутежа.

Лекарь снисходилъ къ Осипову не изъ человѣколюбія, а изъ личной выгоды: онъ прописывалъ рецепты частнымъ своимъ паціентамъ всегда съ совѣта Осипова, къ труднымъ больнымъ бралъ его съ собою на консультацію и подъ веселую руку самъ сознавался, что Осиповъ знаетъ дѣло лучше его. Будь Осиповъ человѣкъ трезвый, онъ бы навѣрное отбилъ у лекаря всю практику; но теперь *господа* боялись, какъ бы онъ, съ пьяныхъ глазъ, не далъ больному, по ошибкѣ, яду,

вмѣсто лекарства. Тѣмъ не менѣе, если лекарю приводилось прописать какому-нибудь барину рецептъ экспромптомъ, то почти всякій такой больной тотчасъ присылалъ за Осиповымъ и, показывая ему (трезвому) рецептъ, спрашивалъ: „годится-ли лекарство?“ и, въ случаѣ утвердительнаго отвѣта, тотчасъ же посылалъ въ аптеку; отрицательный же отвѣтъ Осипова имѣлъ послѣдствіемъ то, что больной рвалъ рецептъ и, ругая лекаря „остолопомъ“, просилъ фельдшера прописать новое лекарство.

Попавъ въ лазаретъ, Степановъ также вкусилъ всѣхъ прелестей тамошней жизни, хотя, къ счастью, бо́льшую часть своего пребыванія тамъ находился въ безпамятствѣ. Выздоровленіе его пришлось, впрочемъ, ко времени одной изъ отлучекъ лекаря въ деревню, когда лазаретъ, по обыкновенію, очутился подъ надзоромъ Осипова. Весьма довольный этимъ обстоятельствомъ, Степановъ разсчитывалъ, что ему удастся хорошенько отдохнуть въ больницѣ; но тутъ случилось обстоятельство, разрушившее его предположеніе. На дворѣ была весна, а въ это время года въ заведеніи ежегодно совершался инспекторскій смотръ. Начальство выказывало усиленную дѣятельность по части приведенія всего въ должный порядокъ, отчего кантонистамъ приходилось еще круче обыкновеннаго. Больныхъ также не забывали: ихъ гнали изъ лазарета, не давъ окончательно поправиться и заботясь то́лько о

томъ, чтобы высшее начальство, заглянувъ въ опустѣлую больницу, вынесло благопріятное мнѣніе о санитарномъ состояніи заведенія. Въ числѣ изгнанныхъ изъ лазарета былъ и Степановъ.

XI.

ГОДИЧНЫЙ ИНСПЕКТОРСКІЙ СМОТРЪ.

Съ конца апрѣля по всему уже можно было замѣтить, что въ заведеніи ожидаютъ инспекторскаго посѣщенія. Кантонистамъ велѣно было приносить, между учеными, изъ цейхгауза, смотровыя вещи и по двѣ перемѣны бѣлья на каждаго; вездѣ стали рѣзать казенные мучные кули, щипать ихъ на мелкую мочалу съ тѣмъ, чтобы набивать ею новые тюфяки и подушки. Потомъ всю будничную, рваную одежду попрятали на чердаки: носить это время дозволялось только смотровую. Затѣмъ слѣдовало непріятнѣйшее изъ приказаній — пришить къ шинелямъ, курткамъ, брюкамъ, галстухамъ, подтяжкамъ и сапогамъ ярлыки. Послѣдніе состояли изъ небольшихъ кусковъ холста или кожи, на которыхъ, со всею тщательностью, надлежало выставить *печатными* буквами, въ двѣ строки, названіе роты, имя и фамилію кантониста. Ярлыкъ пришивался съ чрезвычайною аккуратностью и за дурное печатаніе его отвѣчалъ печатальщикъ, а за кривую, невѣрную, или не красивую его пришивку — владѣлецъ вещи.

Ярлычокъ, пришитый къ одному смотру, никогда не годился къ другому: смотровыя вещи лежали по полугоду и болѣе въ пыли, въ сырости, отчего краска на ярлычкахъ желтѣла, стиралась и марала весь ярлычокъ. Печатаніемъ ярлычковъ занимались человѣкъ 5 — 6 въ ротѣ. Кантонистъ, выучившись самоучкою печатать ярлычки, имѣлъ постоянный хорошій доходъ отъ своего ремесла. такъ-какъ ярлычки пришивались и къ будничной одеждѣ. Но предъ смотрами кантонисты, умѣвшіе печатать. просто богатѣли. За напечатаніе десяти ярлычковъ на собственномъ матеріалѣ, печатники брали 4 — 7 коп., а на хозяйскомъ — 3 коп. Печатали, впрочемъ, и за гостинцы, и за отбываніе всякой повинности. Исправный кантонистъ всегда имѣлъ въ запасѣ отъ пяти до десяти ярлычковъ. Отозваться непимѣніемъ ярлычковъ никто не смѣлъ, хотя ни холста, ни краски для ярлычковъ кантонистамъ никогда не давали. По приведеніи вещей въ должный порядокъ и по осмотрѣ ярлычковъ, пошли усиленные осмотры и экзамены, которые производились всѣмъ начальствомъ, начиная отъ дядекъ и кончая самимъ начальникомъ заведенія. Въ это время и дранье было ужъ не обыденное, а смотровое: намочатъ въ водѣ простыню, завернутъ въ нее раздѣтаго и сѣкутъ сквозь простыню. Такъ дѣлалось по многимъ причинамъ. Провинившійся въ смотровое время считался преступнѣе обыкновеннаго; само наказаніе признавалось гораз-

до сильнѣйшимъ; къ тому же и тѣло не изсѣкалось; на немъ не дѣлалось рубцовъ. Такимъ образомъ, въ случаѣ тѣлеснаго осмотра, наружныхъ признаковъ сѣченія никакихъ не оставалось.

Начальство командировало, по существовавшему обычаю, гонца встрѣтить инспектора, верстъ за 100, и сопровождать его до отведенной ему въ городѣ квартиры, снабженной всѣми благами міра, на счетъ грѣшныхъ и безгрѣшныхъ доходовъ отъ содержанія заведенія. Пріѣхалъ, наконецъ, инспекторъ и назначилъ на слѣдующее утро смотръ.

Всю ночь наканунѣ кантонисты и глазъ не сомкнули: чистка, уборка, примѣрка и одѣванья поглотили все время до разсвѣта, и едва взошло солнце, они ужъ были на-готовѣ.

Въ шестомъ часу утра въ роты явились ротные командиры и лично произвели тѣлесный осмотръ, потомъ присутствовали при надѣваньи бѣлья и сапоговъ, брюкъ и куртокъ. Затѣмъ они перестановили всѣхъ по рапжиру, запрятывая плохо маршпрующихъ въ среднюю и заднюю шеренги, и, взаключеніе, отдали приказаніе маршировать какъ можно лучше, отвѣчать на вопросы инспектора громче, глядѣть ему въ глаза веселѣй. Всѣ эти приказанія сопровождались угрозою жестокаго наказанія за малѣйшую неисправность.

Въ ординарцы были собраны изъ каждой роты по два кантониста, самые красивые и похожіе одинъ на другаго.

Они одѣвались въ фельдфебельской комнатѣ, въ одежду, собственно *для нихъ* сшитую изъ самаго лучшаго матеріала. Ихъ одѣвалъ лично фельдфебель и, когда они одѣлись, ихъ напоили даже чаемъ, для очищенія голоса. Въ семь часовъ утра ординарцевъ вывели на дворъ, подъѣхали двѣ коляски, мальчиковъ приподняли и *поставили* въ коляски, строго наказали имъ не шевелиться, дабы не измять новенькой одежды, не запылить начищенныя сапоги и кортежъ тронулся въ путь *шагомъ*, въ сопровожденіи начальства. По прибытіи къ квартирѣ инспектора мальчиковъ бережно сняли и вступили на лѣстницу. Оправившись въ передней, ординарцы вошли въ пріемную — большую комнату, въ которой полъ былъ вылощенъ и свѣтился, точно зеркало. Въ простѣнкахъ помѣщались зеркала; обои на стѣнкахъ были самыя вычурныя, карнизы золотые, вверху и внизу; мебель бархатная, розоваго цвѣта, съ самою фантастическою рѣзьбою. У одной изъ стѣнъ комнаты стояли: жандармскій начальникъ, полиціймейстеръ, гарнизонный командиръ и смотритель провіантскихъ магазиновъ,—старые военные штабсъ-офицеры; они пріѣхали представиться инспектору. Изъ смежной комнаты вскорѣ показался и самъ инспекторъ. То былъ старичокъ, лѣтъ шестидесяти, весь лысый, толстѣйшій, громадиѣйшаго роста, съ сѣдыми, стоячими усами и узенькими бакенбардами. Одежда его состояла изъ зеленой ермолки, съ золотою кистью, крас-

ной рубашки, на выпускъ, съ разстегнутымъ на боку воротомъ, на ногахъ были пестрые широчайшіе шаровары и темносиніе спальные сапоги.

— Здравствуйте, господа! здорово дѣти! заговорилъ онъ, кивая головою то въ одну, то въ другую сторону. — Извините, господа, мое неглиже: что малый, то и старый — причудливы. Не хотѣлъ одѣваться, потому что рано, да и жарконько. Притомъ я съ вами не въ первой вижусь, вы не осудите.

Власти низко поклонились ему, прищелкнувъ шпорами. Вслѣдъ затѣмъ, полиціймейстеръ и гарнизонный командиръ подали инспектору рапортички о состояніи ихъ управленій. Поговоривъ съ ними кое-о-чемъ, инспекторъ вторично поздоровался съ кантонистами-ординарцами, оглядѣлъ ихъ съ ногъ до головы, отошелъ въ передній уголъ и, усѣвшись въ широкихъ, высокихъ креслахъ, пригласилъ *стать* возлѣ себя всѣхъ штабъ-офицеровъ.

— Ну-ка, ребята, подходи поочередно, молвилъ онъ, обращаясь къ кантонистамъ.

Ординарцы повернулись одинъ къ другому въ затылокъ, поправились и фланговый изъ нихъ отмаршировалъ къ инспектору восемь шаговъ, остановился, пристукнулъ подборомъ и произнесъ, безъ перерыва, громко:

„Отъ N—скаго заведенія военныхъ кантонистовъ, первой роты, кантонистъ Петръ Алексѣевъ, къ вашему превосходи-

тельству на ординарцы присланъ. Здравія желаю, ваше превосходительство!

Произнеся однимъ духомъ эту тираду, ординарецъ замеръ.

— Давно-ли ты, братецъ, въ кантонистахъ? спросилъ генералъ.

— Съ 25-го мая 1847 года, ваше превосходительство.

— Старый служака. На мѣсто!

Ординарецъ повернулъ кругомъ, отмаршировалъ обратно туда, откуда пришелъ, остановился, перевернулся и сталъ сзади другихъ ординарцевъ. Подошелъ его вѣстовой и отрапортовалъ то же самое, замѣнивъ только слова: „на ординарцы присланъ“ другими — „вѣстовымъ присланъ.“

— Разстегнись-ка, братецъ, приказалъ инспекторъ.

Вѣстовой разстегнулъ и широко распахнулъ свою куртку. Внимательно оглядѣвъ подкладку куртки, ревизоръ пожелалъ видѣть ярлычекъ на подтяжкахъ. Вѣстовой показалъ.

— Самъ печаталъ ярлычокъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше-ство; печаталъ кантонистъ втораго капральства Иванъ Храмовъ.

— Хорошо, очень хорошо, молодецъ Храмовъ; такъ ему и передай отъ меня. А самъ стань сюда, къ окну. Этотъ, господа, ярлычокъ и превосходно напечатанъ, и такъ же превосходно пришитъ, съ одушевленіемъ замѣтилъ генералъ, относясь къ окружающимъ. — Прошу васъ, полковникъ, лично

озаботиться, чтобы ярлычки ко всѣмъ вещамъ и печатались, и пришивались точно такъ же, какъ этотъ. А этотъ ярлычокъ пусть будетъ вамъ образчикомъ къ слѣдующему смотру. Поглядите-ка, господа, на ярлычокъ: вѣдь любо-дорого смотрѣть на него; не такъ-ли?

— Слушаю-съ, ваше прев-ство, почтительно произнесъ начальникъ, бросаясь вмѣстѣ съ своими соратниками къ ярлычку.

Всѣ пристально разглядывали ярлычокъ, будто ничего подобнаго никогда еще не видывали.

— Съ лѣвой ноги сапогъ долой, вдругъ приказалъ инспекторъ слѣдующему, подошедшему ординарцу.

Ординарецъ, снявъ сапогъ, положилъ портянку на полъ, сапогъ поставилъ около, и самъ вытянулся въ струнку.

— Покажи портянку!

Ординарецъ бережно взялъ портянку на обѣ ладони и поднесъ ее инспектору.

— А ногти острижены? спросилъ онъ, не найдя въ портянкѣ ничего противозаконнаго.

— Острижены, ваше превосходительство.

— Пошелъ на свое мѣсто.

Ординарецъ, подхвативъ сапогъ въ одну руку, а портянку въ другую, маршируетъ до задней стѣнки и тамъ уже обувается.

— Брюки долой, скомандовалъ инспекторъ слѣдующему вѣстовому.

Вѣстовой разстегнулъ и спустилъ брюки до колѣнъ; а самъ стоитъ, не моргая.

— Отчего у тебя на подштанникахъ костяжки обшиты холстомъ?

— Всѣмъ, ваше превосходительство, такъ обшили въ швальнѣ.

— Это для чего?

Вѣстовой растерялся, не зная что отвѣчать.

— Такъ, ваше превосходительство, костяжки благообразнѣе выглядятъ, вкрадчиво поспѣшилъ на выручку вѣстовому начальникъ. — Ординарцы всегда на виду, я и распорядился такъ сдѣлать всѣмъ имъ.

— А отъ кого вы на это получили разрѣшеніе? А такая развѣ дана мною вамъ форма?.. Костяжку, какъ выточенную изъ кости, всегда пріятнѣе видѣть въ настоящемъ ея видѣ. А когда она обшита холстомъ, почемъ я знаю, какая она? Можетъ быть, тамъ не костяжка, а деревяжка какая-нибудь. Понимаете?

— Я, ваше прев-ство... помилуйте...

— Меня, братецъ, не проведешь: я старый воробей... Отнынѣ никогда не нашивать такихъ костяжекъ. Слышите? никогда, чтобъ я этого больше не видалъ.

— Подштанники долой! сказалъ инспекторъ. Вѣстовой спустилъ и ихъ до колѣнъ.

— Подними рубашку повыше, по грудь!

— На-лѣво кругомъ! Вѣстовой повернулся, но не совсѣмъ ловко: опущенные штаны и поднятыя вверхъ руки нѣсколько нарушали грацію движеній кантониста, который при томъ сильно сконфузился, очутившись почти голымъ въ присутствіи начальства.

— И поворачивается не умѣешь, канальи эдакая! И превосходительная рука ударилась всею ладонью по тѣлу вѣстоваго съ такою силою, что звонкое эхо раздалось въ отдаленныхъ комнатахъ квартиры. Вѣстовой задрожалъ и отъ боли, и отъ страха, но не пикнулъ. Товарищи-ординарцы тоже перепугались за вѣстоваго, лично за себя и даже за всѣхъ кантонистовъ заведенія. „Кругомъ!“ грозно заключилъ инспекторъ. Вѣстовой напрягъ всѣ свои силы и удачно повернулся кругомъ.

— Какой губерніи?

— Рязанской, ваше прев-ство, крикнулъ онъ, изо всей мочи.

— Будто? спросилъ инспекторъ, внезапно повеселѣвъ и привскочивъ на креслахъ. Онъ, суровый, безпощадный ко всему, питалъ нѣжныя чувства къ своимъ землякамъ, которымъ прощалъ всѣ ихъ прегрѣшенія. Кантонисты знали это

и, при случаѣ. пользовались слабостью генерала. Съ тою цѣлію и въ составъ кантонистскихъ обязательныхъ знаній нарочно введена была географія Рязанской губерніи, которую многіе кантонисты знали до подробностей.

— А уѣзда, другъ мой, какого?

— Касимовскаго, ваше прев-ство, а села Ижевскаго.

— Молодецъ, другъ мой, молодецъ. И инспекторъ нѣжно погладилъ вѣстоваго по лицу тою же самою рукою, которою за минуту предъ тѣмъ такъ жестоко ударилъ его. Ты ефрейторъ? добавилъ онъ.

— Точно такъ-съ, ваше прев-ство.

— Прошу васъ, полковникъ, завтра же сдѣлать его капраломъ, непремѣнно капраломъ. Моя земляки всѣ вѣдь молодцы: чистенькіе, гладенькіе, — одно слово молодцы.

— Теперь, ваше прев-ство, вакансіи капрала нѣтъ-съ, вкрадчиво заговорилъ начальникъ...

— Что...о...о?... грозно перебилъ инспекторъ. Для меня вакансіи нѣтъ? Да чтобъ завтра же былъ капраломъ, и все тутъ! Когда *я* что приказываю, прошу исполнять!

— Слушаю-съ, ваше прев-ство.

— А есть у тебя, дружокъ, кто-нибудь изъ родныхъ дома? продолжалъ инспекторъ, по-прежнему нѣжничая съ вѣстовымъ.

— Одна мать, ваше прев-ство, въ деревнѣ живетъ, а отецъ убитъ на войнѣ.

— Ну да, мои земляки — народъ храбрый, восторженно заговорилъ инспекторъ, обращаясь къ свитѣ. Въ войнѣ мы отчаянные. Это я тысячу разъ самъ видѣлъ и въ двѣнадцатомъ году, и въ Турціи, и въ Персіи, и на Кавказѣ и... и... Чѣмъ другимъ, а ужъ геройствомъ мы вполнѣ можемъ похвалиться. Какъ осмотрю всѣхъ, дамъ тебѣ на орѣхи. А вы, полковникъ, смотрите: пальцемъ его не трогать.

— Не безпокойтесь, ваше прев-ство. Ваше слово — законъ, самый священный для меня законъ-съ...

— То-то-же...

Подошелъ еще ординарецъ.

— А ну-ка, братецъ, съумѣешь-ли ты раздѣться до нага въ двѣ минуты? Я смотрю на часы, а ты за дѣло — живо! Ординарецъ очутился въ адамовскомъ костюмѣ. На право! Ординарецъ повернулся. Тихимъ шагомъ мар...ршъ...

— Скорымъ шагомъ мар...ршъ... Голову выше, бедры въ лѣво, разъ, разъ, разъ, командовалъ инспекторъ, хлопая въ ладоши. Вольнымъ шагомъ маршъ. Перемѣни ногу. Разъ, разъ, разъ. Брюхо подбери; что выставилъ его; разъ, разъ; бѣглымъ шагомъ мар...ршъ... Лѣвое плечо выше! Что скосился? Ужъ не рязанскій-ли? Земляки всегда кривобоки: этотъ,

господа, грѣшокъ издавна водится за нами. Землякъ, или нѣтъ?

— Точно такъ-съ, ваше прев-ство, землякъ-съ.

— Стой, стой, стой! Во-фронтъ! Ординарецъ сталъ какъ вкопанный. Какой губерніи?

— Рязанской губерніи, Сапожковскаго уѣзда, села Олохушки, ваше прев-ство, зачастилъ ординарецъ, слывшій однимъ изъ лучшихъ знатоковъ географіи родины инспектора.

— Распотѣшилъ, дружокъ, ты меня по самое горло. Вотъ, господа, каковы мои земляки-то! Въ чемъ мать родила, а вѣдь какъ отлично маршируетъ. Чудо, чудо, какъ хорошо! Ты, дружокъ, ефрейторъ?

— Капральный ефрейторъ 2-й роты, 2-го капральства, ваше превосходительство.

— Потому-то ты, значитъ, и разуважилъ меня, старика. Я теперь такъ доволенъ вашими, полковникъ, ординарцами, что не знаю какъ и благодарить васъ за нихъ. А все земляки. Ну-ка, нѣтъ-ли еще кого рязанскихъ? Двое ординарцевъ выступили впередъ.

— И вы земляки?

— Точно такъ-съ, ваше прев-ство.

— Ай родина! Изъ 20-ти четверо земляковъ, изъ четырехъ тысячъ, значитъ, тысяча лучшихъ слугъ отечества.

Вотъ такъ мы! А покажите-ка мнѣ, полковникъ, своихъ земляковъ! Небось ни одного здѣсь нѣтъ — а?

— Нѣтъ-съ, ваше превосходительство, да и гдѣ ужъ намъ тягаться за вашими земляками? Ваши изстари славятся...

— Конечно, конечно, славятся. Послѣ смотра дайте ординарцамъ отдыхъ на недѣлю, а отъ меня они сейчасъ получатъ на гостинецъ. Инспекторъ всталъ, вышелъ въ смежную комнату и, вернувшись оттуда, собственноручно роздалъ ординарцамъ по серебряному пятачку на человѣка.

Веселые, радостные вышли ординарцы отъ инспектора и отправились на плацъ.

Погода между тѣмъ прояснилась и солнце весело играло своими яркими лучами. Фронтъ стоялъ на плацу въ томительномъ ожиданіи. Около часа продолжалось выравниваніе по веревочкѣ и охорашиванье, сопровождаемыя внушеніями. Пріѣхалъ, наконецъ, инспекторъ въ парадной формѣ, вылѣзъ, при помощи офицера, изъ коляски, подошелъ къ фронту, поздоровался и началъ смотръ съ одежды, обуви, ярлычковъ и волосъ. Тутъ нашлось нѣсколько сотъ человѣкъ самозванныхъ его земляковъ. Потомъ онъ началъ водить фронтъ всевозможными шагами.

— Дирекція на-право, скорымъ шагомъ мар...ршъ...

Фронтъ замаршировалъ.

— Стой, стой, стой! Эй ты, тюфякъ, соломою набитый,

куда роту-то свою увелъ? А ты, Фетюкъ, коломенская верста, что шаги-то по сажени отмѣриваешь, развѣ не видишь: мальчики не успѣваютъ за тобой? Радъ, вѣрно, что ноги-то съ оглоблю выросли?

Со стороны обруганныхъ офицеровъ не слышалось ни одного протеста. Муштрованье продолжалось часа 4 сряду. Затѣмъ инспекторъ приказалъ выстроить кантонистовъ по-ротно, а офицерамъ, фельдфебелямъ и унтеръ-офицерамъ удалиться за фронтъ.

— 2-я рота окружи меня, — бѣгомъ, воскликнулъ онъ. Рота его окружила.

— Вы, дѣти, всѣмъ довольны?

— Довольны, ваше превосходительство.

— Смотри, ребята, не лгать: не обижаетъ-ли васъ кто изъ начальства?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство.

— Ты, братецъ, что молчишь? обратился онъ къ какому-то новичку, непонимавшему, отчего это всѣ заявляютъ довольство всѣми порядками, которые сами же обыкновенно проклинаютъ.

— Говори, милый, кто тебя обижаетъ?

— Бьютъ, дерутъ, скверно кормятъ, съ трудомъ выговорилъ недовольный.

— А давно ты въ заведеніи? ужъ серьёзно спрашиваетъ инспекторъ.

— Скоро годъ-съ, почти плача, отвѣчалъ недовольный, у котораго отъ одного воспоминанія о побояхъ слезы на глаза навернулись.

— А откуда родомъ?

— Изъ... изъ деревни... Бѣдняга, остановился, забывъ отъ страха даже названіе роднаго пепелища. Ко... Костр...

— Рязанской, Рязанской, подсказываютъ отовсюду.

— Рязанской, брякнулъ онъ, повинуясь общему подсказыванью, и вдругъ заплакалъ.

— Эхъ ты, нюня, шутя замѣтилъ инспекторъ. Наши, братъ, земляки никогда не плачутъ, и ты не плачь. Въ службѣ—не въ деревнѣ: ко всему надо привыкать; научишься— и бить перестанутъ. Моли Бога, что ты землякъ мой и новичокъ,— а то розги посвистали бы... Кромѣ меня никто не узнаетъ про твою жалобу, а вы, ребята, тоже ни гу-гу; не то запорю, шельмецы эдакіе, а ты, нюня, оботрись и смирно!

— Спасибо, ребята, за смотръ, заключаетъ инспекторъ, еще разъ обведя взоромъ обступившую его толпу дѣтей. Учитесь хорошенько; ужо велю васъ отправить въ деревню, къ бабамъ подъ подолъ, играйте себѣ тамъ съ дѣвками въ жмурки, бѣгайте въ горѣлки. Молодцы ребята!

— Рады стараться, ваше превосходительство!

Инспекторъ пошелъ въ 3-ю роту.

— Сѣкутъ-ли васъ, дѣти? спросилъ онъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство.

— Полно такъ-ли?

— Точно такъ-съ, ваше превосходительство.

— Напрасно, напрасно; сѣчь, хорошенько сѣчь васъ надо. Эй, полковникъ, кричитъ онъ за фронтъ: — сѣките ихъ, какъ Сидорову козу, сѣките въ мою голову.

— Слушаю-съ, ваше превосходительство, самодовольно отзывается издали начальникъ.

— Хорошо-ли васъ кормятъ?

— Хорошо, ваше превосходительство.

— То-то же. Голову выше, глядѣть веселѣй, ѣшь начальника глазами. Вотъ такъ, вотъ эдакъ.

Такимъ порядкомъ инспекторъ ежегодно опрашивалъ претензію кантонистовъ. Жаловались ему, правда, зачастую, но изъ этого не только не получалось ни на волосъ пользы, но жаловавшіеся еще дорого платились грѣшнымъ тѣломъ за свою смѣлость.

Кончивъ опросъ, инспекторъ объявилъ, что идетъ въ казармы, смотрѣть — все-ли тамъ въ порядкѣ. Для этого онъ велѣлъ выстроить кантонистовъ возлѣ ихъ кроватей. Всѣ, кромѣ начальника и дежурнаго офицера, опрометью бросились въ казармы приготавливаться къ его встрѣчѣ. Выждавъ нарочно нѣкоторое время на плацу, инспекторъ дошелъ, потихоньку, до казарменнаго двора, въ сопровожденіи начальника

и дежурнаго, и, вмѣсто того, чтобы идти въ казармы, свернулъ на черный дворъ, зашелъ въ конюшню, осмотрѣлъ стоявшія на дворѣ бочки съ водою, потомъ заглянулъ въ баню (она же и подвижная прачешная). Тамъ на полу оказались грязь, потолокъ былъ закопченъ, полъ весь въ дырьяхъ и щеляхъ. Ревизоръ началъ уже хмуриться, какъ вдругъ услышалъ, въ предбанникѣ, звонкій, дѣтскій голосъ. Это его удивило.

— Кто здѣсь разговариваетъ, откликнись! громко молвилъ онъ, пристально оглядываясь. Все молчало. Минуту спустя снова послышался говоръ.

— Кто и гдѣ тутъ разговариваетъ? переспросилъ онъ начальника. Ужъ не спрятаны-ли тутъ кантонисты?...

— Помилуйте, ваше прев-ство, для чего же намъ ихъ прятать-съ? отвѣчалъ начальникъ, вдругъ вспыхнувъ.

— А что у васъ такое дѣлается на чердакѣ?

— Тамъ бѣлье сушится, ваше прев-ство.

— Такъ это бѣлье между собой, значитъ, и разговариваетъ? Мудрепое дѣло! Гдѣ лѣстница отъ чердака?

— Лѣстница?... Лѣстница?... Въ конюшнѣ: по ней достаютъ сѣно сверху. А самый чердакъ запертъ, продолжалъ, путаясь, начальникъ. Ключи у прачекъ, а ихъ теперь едва-ли гдѣ съищешь...

Между тѣмъ на чердакѣ продолжался говоръ и смѣхъ.

— Отъ чердака лѣстницу и ключъ сюда! рявкнулъ разсерженный инспекторъ, высунувъ голову за дверь прачешной.

Перепуганные конюхи повыскочили изъ конюшень, живо принесли лѣстницу, подставили ее потихоньку къ стѣнѣ и остановились.

— А ключъ? почти шопотомъ, но грозно, повторилъ инспекторъ.

— Ключа у насъ, ваше прев-ство, нѣтъ-съ, тоже шопотомъ отвѣчалъ здоровенный конюхъ.

— Влѣзь, братецъ, на верхъ и сломай замокъ, или вытащи пробой, только поосторожнѣе, чтобъ мухи не испугать. Понимаешь.

Конюхъ полѣзъ и чрезъ минуту спустился, держа замокъ въ рукѣ.

— Подержи-ка теперь покрѣпче лѣстницу, а мы съ полковникомъ влѣземъ туда и посмотримъ, что тамъ такое. Пожалуйте, полковникъ. Инспекторъ, пыхтя и кряхтя, потащилъ свое грузное тѣло на чердакъ, съ трудомъ поднимаясь со ступеньки на ступеньку лѣстницы.

Каптописты, спрятанные на чердакѣ, были вполнѣ увѣрены, что внизу можетъ разговаривать одинъ только банщикъ со своею марухою, и еслибъ кто и лѣзъ къ нимъ, то развѣ эта маруха, „душа-человѣкъ“ попоштовать ихъ, „сердешныхъ“, ржаными лепешками, а потому и разговаривали,

не остерегаясь. Но, увидавъ внезапно влѣзшаго къ нимъ инспектора, въ красной лентѣ, съ крестами на шеѣ, на груди, они всполошились до крайности и бросились съ испуга на крышу: чрезъ слуховое окно, чрезъ отверстіе возлѣ трубы, съ топотомъ забѣгали по крышѣ, поскакали съ крыши бани на крышу магазиновъ, копюшепь, карабкались по стѣнамъ, спускались, какъ кошки, по водосточнымъ трубамъ, перебѣгали изъ одного угла въ другой, и прятались въ бѣлье, и другъ за друга. Суматоха была ужасная. Глядя на все это, ошеломленный инспекторъ сперва только ротъ разинулъ, потомъ, опомнившись, сталъ кричать, бѣгать по чердаку, ловить выскакивавшихъ на крышу, тѣ вырывались у него изъ рукъ и бросались, кто куда могъ.

— Ребята! ни съ мѣста! гаркнулъ онъ, поймавъ за ноги вылѣзавшаго въ слуховое окно кантониста и таща его назадъ. Тотъ спустился на чердакъ и сталъ ни живъ, ни мертвъ

— Почему ты, каналья эдакая, бѣжалъ отъ меня? началъ инспекторъ, вытирая потъ съ лица и окончательно загородивъ собою одинъ изъ выходовъ на крышу. Что я, чортъ, что-ли? или звѣрь какой, что вы бѣжите отъ меня?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше прев-ство, едва выговорилъ пойманный.

— Кто же я? кто я? отчего бѣжите? Мальчикъ молчалъ, искоса поглядывая на начальника.

— Ты, братецъ, не пугайся: никто тебя пальцемъ не тронетъ, только скажи мнѣ правду.

— Намъ приказано бѣжать-съ, тихо началъ кантонистъ: въ случаѣ чего — бѣги, говорятъ, прячься кто куда можетъ, а тѣхъ кто не убѣжитъ — послѣ смотра драть.

— А сколько васъ здѣсь всѣхъ было?

— Человѣкъ—съ сорокъ-съ.

— Всѣ изъ одной роты?

— Изъ двухъ-съ.

— А зачѣмъ васъ сюда запрятали?

— Да побоялись вашему прев-ству показывать; мы тутъ всѣ калѣки: кто изсѣченный, кто искалѣченный, проговорилъ, сквозь слезы, кантонистъ.

— А ты самъ зачѣмъ здѣсь?

— Колѣнко больно распухло.

— Отчего?

— Когда марширую—не могу такъ ровно вытянуть ногу, чтобы колѣнка не видать: оно у меня все высовывается. Правящій, значитъ, осерчалъ на меня на ученьи, наканунѣ вашего пріѣзда, схватилъ полѣно... Помилосердуйте, ваше превство! Кантонистъ заплакалъ на-взрыдъ *).

---

*) Кантонистъ этотъ, впослѣдствіи былъ чиновникомъ и недавно умеръ; по всю жизнь хромалъ.

— Перестань, дружочекъ, не плачь: никто больше не станетъ тебя бить, утѣшалъ инспекторъ, погладивъ его по головѣ. — А покажи-ка колѣнко-то?

Кантонистъ осторожно засучилъ широчайшую штанину совсѣмъ не его роста нижнихъ брюкъ (верхнихъ онъ не могъ надѣть, по случаю сильнѣйшей опухоли), и глазамъ инспектора представилась почти почернѣвшая нога, страшно опухшая отъ нижней щиколки и до самого паха.

— Какова нога-то? сказалъ онъ начальнику, весь побагровѣвъ.—Знаете вы объ этомъ безобразіи, которое творится у васъ подъ носомъ, или нѣтъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше прев-ство, не знаю... Мнѣ не успѣть... я...

— А если нѣтъ, то для чего же *ты* тутъ? Какой же, спрашиваю я, *ты* послѣ этого начальникъ? Нѣтъ, спуску вамъ отъ меня больше ужъ не будетъ. Шалишь! Подъ судъ отдамъ, подъ сѣрую шинель упеку, честное слово — упеку! Это по-вашему порядокъ?

— Помилуйте, ваше прев-ство, простите невѣдѣнію... Вы всегда были великодушны, взмолился начальникъ точно такимъ же тономъ, какимъ просили его пощады кантонисты.

— Невѣдѣніе? Великодушенъ? Гм... Ну! Стой, стой, стой! вдругъ крикнулъ инспекторъ, бросившись въ сторону и схватившись обѣими руками за массу двигавшагося бѣлья.

Онъ мигомъ разбросалъ его и предъ нимъ очутился разоблаченный кантонистъ.

— У тебя отчего глазъ распухъ? спросилъ онъ, пристально вглядываясь въ лицо кантониста.

— Подбитъ, ваше превосходительство, жалобно отвѣчаетъ тотъ.

— Кто подбилъ? Кантонистъ молчалъ.

— Да кто же, кто подбилъ тебѣ глазъ?

— Да ихъ высокоблагородію угодно было подбить-съ, рѣшился вымолвить кантонистъ, указывая на начальника и потупясь отъ страху.

— Онъ вретъ-съ, вмѣшался начальникъ.

— Не *тебя* спрашиваютъ, перебилъ инспекторъ.

— Когда и за что?

— Въ прошлую субботу-съ, на баталіонномъ ученьи, я не успѣлъ скоро выровняться...

— Слышите, полковникъ, слышите-ли?

Разсерженный инспекторъ не пошелъ въ казармы, а велѣлъ подать коляску, подсадилъ въ нее искалѣченныхъ, сѣлъ посреди нихъ и уѣхалъ въ лазаретъ, гдѣ, сдавъ ихъ лекарю, наказалъ ему непремѣнно вылечить ихъ и хорошенько кормить. Затѣмъ онъ съ ругательствами уѣхалъ домой.

Кантонистовъ со всякаго рода изъянами, во время смотровъ, всегда прятали на чердакахъ, въ конюшняхъ и тому

подобныхъ темныхъ мѣстахъ; численность ихъ по всему заведенію простиралась всякій разъ отъ 150 до 200 человѣкъ.

По отъѣздѣ инспектора, заведеніе пошло обѣдать — ровно въ 5 часовъ пополудни. Проголодавшіеся кантонисты ѣли до отвалу, до тошноты. Да и очень естественно: такія свѣжія, вкусныя щи, такой мягкій, чудесный хлѣбъ, такую разсыпчатую, крутую кашу и такой крѣпкій, точно пиво, квасъ имъ только разъ въ годъ и доводилось пробовать.

Пока всѣ успѣли пообѣдать, уложить по формѣ смотровую одежду, поразсказать другъ другу новости дня — ужъ и стемнѣло. Горнистъ протрубилъ ужинать. За столъ пошли одни обжоры, да воры по призванью. Кража хлѣба во время смотра хоть формально и не дозволялась, тѣмъ не менѣе и не преслѣдовалась, а нашимъ ребятамъ то и на руку: иной кантонистъ въ два-три смотровыхъ дня наворуетъ фунтовъ 15-20 и потомъ, когда настанетъ обыденный голодъ, и самъ наслаждается, и торгуетъ хлѣбомъ.

На слѣдующій день ожидали, что инспекторъ станетъ производить экзаменъ.

Съ наступленіемъ утра всѣхъ кантонистовъ заведенія согнали въ классныя комнаты, гдѣ учителя размѣстили ихъ по участкамъ и знаніямъ. Но такъ-какъ знаній за большею частію изъ нихъ ровно никакихъ не считалось, и такъ-какъ всѣмъ имъ сидѣть въ классѣ было совершенно негдѣ, то ихъ

вывели въ смежные съ классами цейхгаузы. Тутъ имъ строжайше наказали: какъ скоро инспекторъ проэкзаменуетъ какой-нибудь участокъ и пройдетъ дальше, чтобъ они частями выходили изъ своихъ засадъ и потихоньку присоединялись къ тому участку. Далѣе, сдѣлали репетицію такого приспособленія. при чемъ планъ оказался удобопримѣнимымъ. Затѣмъ остальныхъ пересортировали и усадили: лучшихъ учениковъ впередъ, худшихъ назадъ и опять наказали: первымъ глядѣть инспектору прямо въ глаза, напрашиваться, такъ сказать, на вопросы; послѣднимъ же —уткнуть носы въ тетрадки и отнюдь не зѣвать по сторонамъ, а ежели онъ кого-нибудь изъ нихъ спроситъ, отвѣчать громко. не запинаясь и, главное, не молчать.

Инспекторъ явился прямо въ верхній классъ, поздоровался и остановился въ раздумьѣ. По бокамъ его стали: начальникъ и инспекторъ, позади которыхъ помѣстились офицеры. Всѣ вытянулись въ струнку.

— Выйди-ка, братецъ, къ картѣ и покажи мнѣ, гдѣ Англія, приказалъ инспекторъ каптописту, сидѣвшему крайнимъ на первой скамейкѣ.

Ученикъ подошелъ къ картѣ Европы и, ткнувъ пальцемъ въ то мѣсто, гдѣ было отмѣчено „Великобританія“, смѣло отвѣтилъ: „вотъ здѣсь, ваше превосходительство.“

— Да гдѣ же здѣсь-то? Я, братецъ, что-то ее тутъ не вижу.

— Самая Англія отсюда очень далеко-съ, а тутъ показано только, какъ до нее доѣхать, чрезъ какія т. е. страны дорога туда лежитъ.

— Руки по швамъ, корпусъ назадъ, въ то же время въ полголоса командовалъ начальникъ.

— А ты, братецъ, бывалъ когда-нибудь въ Англіи?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше прев-ство, не бывалъ-съ.

— И не дай Богъ тебѣ бывать тамъ.

— Слушаю-съ, ваше прев-ство.

— Вообразите себѣ, господа, что̀ это за сторонка! началъ инспекторъ, обращаясь къ офицерамъ.—Лежитъ она вся въ болотѣ, люди живутъ въ подземельяхъ, нищихъ пропасть: такъ за полы и рвутъ. А ужъ порядки какіе пелѣпые! Будочникъ напр. вправѣ арестовать хоть бы генерала, ежели увидитъ, что онъ, генералъ, далъ въ зубы какому-нибудь оборванцу, за то, что тотъ наступилъ ему.... ну хоть на ногу. О законахъ и поминать нельзя безъ омерзенія: сановники принуждены становиться на одной доскѣ, въ судахъ, съ мужиками. Словомъ—дрянь, да и только! Лучше нашей матушки Россіи нѣтъ ни одного уголка во всей подлунной. Честное слово такъ.

Офицеры, выслушавъ рѣчь инспектора, низко поклонились ему, въ знакъ согласія.

— Эй, ты, поднялъ инспекторъ другаго ученика:—чѣмъ славится Курская губернія?

— Соловьями, ваше прев-ство. Птицы такія есть, чудесно поютъ по ночамъ. Они за то и прозываются курскіе соловьи.

— Хорошо; ну, а что̀ есть солдатъ? неожиданно спросилъ онъ третьяго ученика.

— Солдатъ есть имя общее—знаменитое: солдатомъ называется и первѣйшій генералъ, и послѣдній рядовой.

— Ну, а ты кто? обратился инспекторъ къ четвертому.

— Кантонистъ Иванъ Ивановъ, ваше прев-ство.

— Голову выше, подбородокъ подбери. А, напримѣръ, ты генералъ, или рядовой? послѣдовалъ вопросъ, обращенный къ послѣдующему.

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Кто же ты?

— Не могу знать, ваше прев-ство.

— Не знаешь? такъ я тебѣ скажу: ты, да и всѣ вы—просто поросята, и ничего больше. Тутъ инспекторъ высунулъ классу языкъ, облизнулъ себѣ усы и ушелъ въ писарской классъ.

Опять пошли разспросы:

А когда приходилъ Наполеонъ въ Москву?

— Въ 1812 году, ваше прев-ство.

— А зачѣмъ онъ, братецъ, приходилъ?

— Воевать съ русскими-съ.

— Бедра влѣво, бедра влѣво! журчитъ, между тѣмъ, начальникъ.

— Что-жъ онъ дѣлалъ въ Москвѣ?

— Отъ русскихъ прятался, ваше прев-ство.

— Ѣшь начальника глазами. Вотъ такъ, вотъ эдакъ. Почему же онъ прятался?

— Да русскихъ испугался, ваше прев-ство; русскіе очень шибко били его войска, ну онъ ихъ и пряталъ.

— Ты думаешь?

— Точно-съ: такъ и въ исторіи написано.

— Чудесно, братъ, чудесно знаешь.—Наполеонъ, господа, именно насъ струсилъ и прятался, заговорилъ опять инспекторъ, относясь къ офицерамъ. — Я самъ былъ очевидцемъ, какъ французы прятались; они не то, что наши молодцы, а дрянь, мерзляки.

— Совершенно справедливо, ваше прев-ство, гаркнулъ кто-то изъ офицеровъ.

— Да, господа, шибко французамъ досталось тогда отъ насъ, очень шибко. Правду, впрочемъ, говоря, и нашей побѣдоносной арміи тяжеленько было гнать ихъ по пятамъ до

самаго до Парижа. Больно тяжеленько было! Ну, да никто, какъ Богъ, да мы, храбрые воины: все вынесли. Да, вынесли вотъ, заключилъ онъ, качая головою и тяжело вздыхая. — Ты, — что, пріятель, глазёнки-то на меня вытаращилъ-а? спросилъ онъ, немного помолчавъ.—Хочешь, вѣрно, чтобъ я тебя что-нибудь спросилъ,—да? Скажи-ка мнѣ: какъ солдатъ долженъ стоять?

— Солдатъ долженъ стоять прямо и непринужденно, имѣя каблуки вмѣстѣ столь плотно, сколь можно, звонко затрещалъ спрошенный.

— Довольно, довольно, прервалъ его инспекторъ.—Вижу, что ты на этомъ собаку съѣлъ; насквозь, братъ, вижу тебя. Отличнымъ фельдфебелемъ будешь. А теперь кто?

— Капральный ефрейторъ Иванъ Паньковъ, ваше превосходительство.

— Браво, Паньковъ, браво. А ну-ка ты, рядомъ съ нимъ: какъ называется твое отечество?

— Россія, ваше прев-ство.

— Ай-да тамбовщина проклятая! Ты вѣдь Тамбовской губерніи?

— Тамбовской, ваше прев-ство.

— Эй ты, чрезъ три человѣка дальше: гдѣ пекутъ пряники?

— Въ городѣ Вязьмѣ, ваше прев-ство.

— А хочешь пряниковъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше прев-ство.

— Люблю за это; солдатъ не долженъ лакомиться: отъ лакомства брюхо болитъ, а солдату надо всегда быть здоровымъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше прев-ство.

— Слушай ухомъ, а не брюхомъ, а то и выходитъ: въ лѣсу родился, пнямъ молился — штыковая работа и вышелъ. Впрочемъ, не печалься, ты тоже прекрасный мальчикъ. Учитесь, ребята, хорошенько, прилежно учитесь.

— Слушаемъ-съ, ваше прев-ство.

— И прекрасно, когда слушаете. Съ этими словами инспекторъ отправился въ нижній классъ.

— Тутъ что̀ такое? спросилъ онъ учителя ариѳметики, Ослова.

— Ариѳметика, ваше прев-ство, брякнулъОсловъ.

— Какая ты, чортъ, ариѳметика? Собственно ты кто такой?

— Учитель ариѳметики, ваше прев-ство.

— Такъ бы и говорилъ, а то извольте порадоваться: онъ ариѳметика. Чему же ты тутъ учишь?

— Читать, писать и, главнѣе всего, ариѳметикѣ-съ.

— Ариѳметикѣ, такъ ариѳметикѣ. Вызови инѣ кого-нибудь сюда.

На средину выходитъ ученикъ, знающій ариѳметику немного развѣ хуже самаго учителя, но ученикъ маленькій, худой, точно щепка; щеки и глаза его ввалились; онъ блѣденъ, какъ смерть. Инспекторъ пристально поглядѣлъ сначала на ученика, потомъ изподлобья на начальника, нахмурилъ брови и покраснѣлъ.

— Знаешь, братецъ, задачу: „летѣло стадо гусей?“ спросилъ онъ, немного погодя.

— Знаю, ваше прев-ство, твердымъ, но болѣзненнымъ голосомъ отвѣчалъ спрошенный.

— Такъ разскажи!

— Летѣло, ваше прев-ство, сто гусей, началъ ученикъ:— имъ на встрѣчу попался одинъ, ваше прев-ство, гусь и сказалъ: „здравствуйте, сто гусей“; ему отвѣчали: „пасъ, ваше прев-ство, не сто, а еслибъ было столько же, полстолько, четверть столька, да ты, ваше прев-ство, гусь съ нами, тогда-бы...

— Что ты говор...ришь? грозно прервалъ мальчика инспекторъ, побагровѣвъ. — Я — развѣ гусь? Кто я? онъ ткнулъ себя пальцемъ въ грудь.

— Генералъ-лейтенантъ и кавалеръ Павелъ Прохоровичь Толстопузовъ, едва выговорилъ ученикъ и замеръ отъ страха.

— Славно же они у васъ учатся, нечего сказать, про-

должалъ инспекторъ, обращаясь къ начальнику.—Вы не учите, а мучаете ихъ: вѣдь въ гробъ краше кладутъ-съ!... онъ указалъ на ученика. — Меня, генерала, назвать гусемъ! продолжалъ онъ, впадая въ азартъ, меня обозвать гусемъ, когда вся Россія знаетъ, что я, Божіею милостью, генералъ-лейтенантъ, когда патентъ на этотъ заслуженный мною чинъ подписанъ самимъ Государемъ Императоромъ? Нѣтъ, нѣ-ѣтъ! Не прощу я вамъ этого, ни за что въ свѣтѣ не прощу!..

— Помилуйте, ваше прев-ство, заговорилъ-было начальникъ, я тутъ ни при чемъ-съ: онъ обмолвился...

— Ка-акъ? вы не виноваты? Нѣтъ, вы, одинъ вы, во всемъ виноваты: вы нарочно подучили его осрамить меня. Это вѣрно. Я давно ужъ замѣчаю, что вы вольнодумецъ, вольтерьянецъ! Я сейчасъ же это донесу, донесу, что вы морите дѣтей голодомъ, калѣчите ихъ, я тебя подъ сѣрую шинель упеку, да, упеку! Онъ перевелъ духъ и, обращаясь къ офицерамъ, продолжалъ: А вы во всемъ поддѣлываетесь подъ его манеру, вмѣстѣ съ нимъ разбойничаете и объ васъ тоже донесу. Нѣтъ, врете, не я гусь, а вы, всѣ вы гуси, да не простые, а гуси лапчатые! Тьфу, тьфу, заключилъ онъ, и почти бѣгомъ направился вонъ изъ класса.

Всѣ стояли точно вкопанные. Прошло минутъ десять.

— Господинъ полковникъ, инспекторъ давно ужъ уѣхалъ домой, доложилъ одинъ изъ офицеровъ.

— А-а?.. Уѣхалъ, будто съ просонья заговорилъ начальникъ, протирая глаза и озираясь кругомъ.—Расходиться! молвилъ онъ, оправляясь. — А съ вами я ужъ послѣ смотра разсчитаюсь, добавилъ онъ, глядя на учителя и ученика ариѳметики.

Тѣмъ и кончился классный экзаменъ. Въ подобномъ же родѣ кончался онъ постоянно, съ незапамятныхъ временъ. Инспекторъ спрашивалъ всегда одно и то же, а потому и его вопросы, и свои отвѣты кантонисты заучили вдолбяжку впередъ. До первоначальнаго класса онъ почти никогда не доходилъ; одинъ и тотъ же мальчикъ, часто случалось, отвѣчалъ ему въ одинъ часъ въ трехъ мѣстахъ, перебѣгая, по приказанію начальства, изъ участка въ участокъ. Однимъ и тѣмъ же почеркомъ писались 15 — 20 тетрадей, ему показанныхъ, и все это благополучно сходило съ рукъ, благодаря, впрочемъ, различнаго рода издѣ, которую инспекторъ постоянно увозилъ самъ и доставлялъ ему, отдѣльно, обозами начальникъ изъ благоразумной экономіи. И чѣмъ болѣе находилъ инспекторъ безпорядковъ,—тѣмъ значительнѣе дѣлались приношенія, а за эти-то собственно приношенія онъ еще часто ходатайствовалъ о наградѣ начальства... „за прекрасныя умственныя способности, имъ въ мальчикахъ развитыя...“

По окончаніи смотра, начальникъ заведенія, много лѣтъ сряду, постоянно угощалъ инспектора торжественнымъ обѣ-

домъ, послѣ котораго онъ объявлялъ, что нашелъ заведеніе въ превосходномъ, во всѣхъ отношеніяхъ, состояніи, и уѣзжалъ во-свояси.

XII.

ПРЕСТУПЛЕНІЯ, СУДЪ И РАСПРАВА.

Смотръ кончился, и будничная жизнь, со всей своею монотонностію, снова вступила въ свои права. Пріѣздъ инспектора возбуждалъ къ кантонистахъ надежду, что онъ, быть можетъ, вникнетъ въ ихъ положеніе и хоть въ чемъ-нибудь измѣнитъ его къ лучшему. Теперь оказывалось, что никакихъ улучшеній не предвидится, и тѣмъ тяжелѣе стало на душѣ кантонистовъ. Носились слухи, будто учитель Сибиряковъ ходилъ къ инспектору съ жалобой, но зоркое начальство не допустило его къ нему; стало-быть, можно было разсчитывать, что невзгоды еще усилятся...

Учителей, „людей, занимавшихся воспитаніемъ юношества, — людей, которыхъ должно содержать въ благопристойномъ уваженіи“ *), воспрещалось подвергать тѣлесному наказанію. Несмотря на то, ихъ всегда и за все наказывали безъ малѣйшаго стѣсненія; они, забитые, пріученные къ дранью,

*) Такъ гласило циркулярное предписаніе по заведеніямъ департамента военныхъ поселеній, отъ 9-го октября 1818 года.

сносили его, какъ нѣчто должное, неизбѣжное, много лѣтъ сряду. Но вотъ среди учителей появился нѣкто Сибиряковъ, человѣкъ молодой, развитой и съ пылкимъ характеромъ. Будучи хорошимъ учителемъ, онъ, какъ нарочно, никуда не годился по фронту; а такъ-какъ фронтъ составлялъ наиважнѣйшую часть кантонистской науки, то и не проходило ученья, чтобы онъ не подвергся послѣ него побоямъ, униженіямъ и оскорбленіямъ. Долго терпѣлъ онъ и, наконецъ, потерявъ терпѣніе, пошелъ жаловаться инспектору, у квартиры котораго его задержали. Это его не остановило. Онъ склонилъ учителей на общую жалобу, которую написалъ, прочиталъ имъ и отправилъ въ Петербургъ. Нѣкоторое время спустя, по казармамъ разнеслось, будто бы Сибиряковъ укралъ у кого-то изъ учителей часы: его за это арестовали и тотчасъ же предали суду. Вѣсть эта просто ошеломила все заведеніе: въ честности Сибирякова никто не сомнѣвался, и большинство говорило, что ему, за его намѣреніе жаловаться, съ умысломъ подкинули часы, чтобы имѣть право придраться къ нему. Пока тянулось судбище, пріѣхалъ ревизоръ, другой ужъ генералъ, прошелъ по казармамъ, потребовалъ къ себѣ всѣхъ учителей. Учителя выстроились въ длинную шеренгу и получили приказаніе входить въ слѣдующую комнату по одному.

— Сколько лѣтъ въ службѣ? ласково спросилъ ревизоръ перваго, Орлова.

— Двадцать-первый годъ пошелъ, ваше прев-ство.

— И имѣешь нашивки?

— Имѣ-съ, да, кромѣ того, представленъ къ производству въ чиновники *).

— Такъ скажи же мнѣ, братецъ, по совѣсти: сѣкъ тебя начальникъ тогда-то и тогда?

— Виноватъ-съ, ваше прев-ство, наказали два раза, сорвалось у него съ языка.

— За что именно?

— За неисправности по капральству, которымъ я управляю.

— Въ чемъ неисправность заключалась?

— Съ планокъ кроватей пыль не была стерта, начальникъ это замѣтилъ и изволилъ наказать-съ...

— А другой какой былъ твой проступокъ?

— Не... не... пом... не припомню-съ, въ расплохъ...

— Важнѣе перваго, или нѣтъ?

— Въ этомъ же родѣ-съ...

— И шибко посѣкли?

---

*) Когда получили приказъ о производствѣ его, то начальникъ, придержавъ его у себя, сперва выдралъ его, а потомъ объявилъ ему, чрезъ день, такъ что наказалъ его ужъ въ качествѣ чиновника

Ударовъ тридцать угодно было дать.

— Поди теперь въ смежную комнату, да тамъ не кашляй, не стучи и не прохаживайся.

Орловъ вышелъ по указанію, сталъ у стѣны и задумался.

— Припомни-ка, братецъ, дѣйствительно-ли начальникъ наказалъ тебя недавно два раза, за что̀ именно и по скольку ударовъ? спрашивалъ, между тѣмъ, ревизоръ второго.

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше прев-ство, меня не наказывали.

— Не лги: я достовѣрно знаю, что наказывали.

— Виноватъ-съ, ваше прев-ство, запамятовалъ: точно, два раза отодрали.

— За какіе проступки?

— Разъ—за то-съ, что у кантониста были на ногахъ черныя портянки, а другой разъ—за то, что у двухъ дурно были починены брюки. Брюки чинятъ себѣ кантонисты сами-съ.

— А по скольку ударовъ получилъ?

— Въ первый разъ... въ первый разъ... во.. во... восемь, а во второй разъ четырнадцать, ваше прев-ство-съ.

— А сколько тебѣ отъ роду лѣтъ?

— Сорокъ-пять лѣтъ, ваше прев-ство.

— Пошелъ вонъ туда, да не разговаривай.

Къ ревизору вошелъ слѣдующій.

— Правда-ли, братецъ, что начальство васъ, учителей, наказываетъ тѣлесно?

— Правда, ваше прев-ство.

— И тебя сѣкли?

— Точно такъ, ваше прев-ство. Самъ начальникъ меня два раза наказывалъ: первый разъ пятидесятью ударами—за то, что у нѣкоторыхъ кантонистовъ моего капральства были дурно починены брюки. Но наказанія эти я получилъ сообразно моей винѣ и безъ всякихъ жестокостей.

— Гм!.. произнесъ ревизоръ.—Значитъ, не претендуешь?

— Точно такъ-съ, ваше прев-ство, по благоусмотрѣнію-съ изволили выдрать.

— И то хорошо; ступай. Слѣдующій!

И такъ далѣе; затѣмъ, ввели Сибирякова.

— Ну, а что скажешь ты о вашемъ житьѣ-бытьѣ въ заведеніи?

— Вамъ угодно знать? Извольте, твердо заговорилъ Сибиряковъ.—И меня, и всѣхъ учителей наказывали и продолжаютъ жестоко наказывать, не смотря на то, что, на основаніи закона, мы избавлены отъ тѣлеснаго наказанія. Намъ достается за грязныя кантонистскія портянки, за пыль подъ кроватями, за ошибку по фронту, за неисправности капральствъ, которыми мы управляемъ, за недосмотръ, за рваную одежду, за шалости и чесотку кантонистовъ, за ихъ

больные глаза. Насъ и кантонистовъ кормятъ скверно, мундиры и куртки мы носимъ рваные: чинимъ все это сами и кто чѣмъ можетъ; матеріаловъ для починокъ не даютъ никакихъ, а требуютъ, чтобы все это было въ лучшемъ видѣ. Вечера проводимъ мы при мерцаньи однихъ тусклыхъ ночниковъ; о казенныхъ свѣчахъ знаемъ только по наслышкѣ. Отъ варварскаго обращенія кантонисты рѣшаются на крайности; топятся въ рѣкѣ и въ отхожихъ мѣстахъ, рѣжутся.

— Да правду-ли ты все это говоришь? переспросилъ инспекторъ.—Есть же въ заведеніи хоть что-нибудь да хорошее?

— Все, что я сказалъ вамъ—сущая правда. Хорошаго здѣсь ровно ничего нѣтъ. Вы близко незнакомы съ нашей жизнью, и, можетъ быть, не повѣрите мнѣ. Тутъ нужно мѣсяца два пожить, чтобы ознакомиться съ дѣломъ.

— А не слыхалъ-ли ты, кто писалъ отъ имени учителей *донось* на жестокое съ ними обращеніе? Мнѣ бы это хотѣлось узнать, для дальнѣйшихъ соображеній.

— Самъ я писалъ эту *жалобу*.

— Ты-ы? И лицо ревизора просіяло. — А были у тебя сообщники?

— Я писалъ съ согласія всѣхъ учителей вообще, и особенно тѣхъ, которые въ нынѣшнемъ году наказаны тѣлесно. Я писалъ *не донось*, а, повторяю, *жалобу*.

— Всѣхъ учителей сюда! закричалъ ревизоръ. Робкою, трусливою поступью вошли учителя. —Кто изъ васъ участвовалъ въ составленіи, или переписываніи вотъ этого *доноса?* молвилъ онъ, показывая бумагу.

Всѣ молчали.

— Выходи же, кто участвовалъ, не то вызову по фамиліямъ: я вѣдь всѣхъ знаю. Ничто не шелохнулось.

— Такъ изъ васъ никто не участвовалъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше прев-ство, никто, единогласно отвѣчали учителя.

У Сибирякова въ глазахъ потемнѣло, дыханіе захватило отъ этого отвѣта. Онъ не вѣрилъ ушамъ своимъ.

— Слышишь, братецъ, что̀ они говорятъ? обратился къ нему ревизоръ.

— Вы ничего не знаете? вмѣшался Сибиряковъ, вспыхнувъ. — Развѣ не вы приставали ко мнѣ написать жалобу? Развѣ не вы, прочитавши черновую, одобрили и просили меня скорѣй послать ее? Наконецъ, не ты-ли, Стрекаловъ, перебѣлилъ мою черновую?

— Нѣтъ, я о доносѣ ничего знать не знаю, отвѣтилъ Стрекаловъ.

Все смолкло. Учителя старались и дышать-то по возможности тише.

— Ну, а хорошо-ли начальство обращается съ вами? спросилъ ревизоръ. Говорите откровенно.

— Хорошо-съ, очень хорошо, ваше прев-ство.

— И никакихъ вамъ жестокостей никто не причинялъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше прев-ство; мы всѣмъ довольны.

Учителей распустили*). Сибирякова отправили подъ арестъ, а ревизоръ пошелъ допрашивать кантонистовъ 4-й роты, заподозрѣнныхъ въ участіи въ заговорѣ противъ начальства.

Кантонисты 4-й роты были особенно вооружены противъ начальства и потому не упускали случая надѣлать ему непріятностей.

— Здорово, ребята! привѣтствовалъ роту ревизоръ. Рота отвѣчала молчаніемъ. Ревизоръ растерялся. У начальника чортики въ глазахъ запрыгали.

— Здорово, ребята! повторилъ ревизоръ, оправившись. Никто и не пикнулъ. Въ это время раздался трескъ оплеухи. Ревизоръ взглянулъ въ ту сторону, откуда слышался трескъ, и медленно повернулъ глаза къ ротѣ.

— Да что же вы, ребята, молчите? началъ онъ. Недовольны, что-ли, чѣмъ, такъ говорите прямо.

---

*) Суть описаннаго и отвѣты учителей приведены здѣсь изъ достовѣрныхъ источниковъ—*подлиннаго*, по этому предмету, дѣла,—отысканнаго нами впослѣдствіи въ одномъ изъ архивовъ военнаго министерства.

— Недовольны, всѣмъ недовольны, всею нашею жизнью недовольны!

— Кто недоволенъ — шагъ впередъ.

Вся рота шагнула впередъ. Ревизоръ нахмурился.

— Въ чемъ же ваша претензія? спросилъ онъ.

— Всѣмъ говорить нельзя: вамъ насъ не разслышать, отозвался кто-то изъ перваго взвода. Мы выбрали изъ себя троихъ, они вамъ все скажутъ. Прикажите впередъ нашему начальству выдти отсюда, подхватилъ второй взводъ.

— Господа офицеры и унтеръ-офицеры — въ другую роту маршъ! молвилъ ревизоръ взволнованнымъ голосомъ. Начальство ушло.

— Выборные впередъ! продолжалъ ревизоръ. Три кантониста выступили съ разныхъ сторонъ. Звали ихъ: одного Михаилъ Бахманъ, другаго Николай Мараевъ, а третьяго Василій Васильевъ. Всѣ они были стройные, рослые, красивые юноши, имѣли лѣтъ по 18 на видъ. Ревизоръ смѣрилъ ихъ долгимъ, испытующимъ взглядомъ. Въ комнатѣ слышалось, какъ жужжали мухи. Чѣмъ же васъ обижаютъ? спросилъ онъ перваго.

— Чѣмъ насъ обижаютъ? со вздохомъ повторилъ Бахманъ, покраснѣвъ. При васъ сейчасъ кантонисту задней шеренги разбили въ кровь губы, а вы и видите, и не видите. Неужто вы затѣмъ сюда присланы, чтобы въ вашихъ глазахъ

лилась наша кровь? Неужто-жъ и въ васъ, такъ же, какъ въ нашихъ начальникахъ, нѣтъ къ намъ ни капли жалости? Бахманъ остановился и, уставившись своими большими, выразительными глазами въ ревизора, казалось, замеръ.

— И ты, мальчишка негодный, смѣешь такъ дерзко говорить? Арестовать его!

— Не дадимъ, не дадимъ его арестовать, крикнула рота. Арестовать, такъ и насъ всѣхъ арестуйте: онъ говорилъ за всю роту; всякій изъ насъ то же самое сказалъ бы вамъ.

Ревизоръ задумался.

— Что-жъ арестуйте, я ареста не боюсь: заодно ужъ мнѣ пропадать, продолжалъ ободренный Бахманъ. Отъ насъ вонъ и на почтѣ писемъ не принимаютъ: все боятся жалобъ. Но вѣдь у многихъ изъ насъ есть въ городѣ отцы, матери, родственники и отъ всѣхъ ихъ почта не убережется... Долго-ли, коротко-ли, а наши стоны услышатся-же! Вамъ, быть можетъ, хотѣлось бы, чтобы мы, какъ прежде, кричали: „всѣмъ довольны“, — но мы дальше не можемъ молчать и, ежели наша правда глаза колетъ, то этому вина не наша, а тѣхъ, кто довелъ насъ до этого...

— Замолчи, пащенокъ эдакій! закричалъ ревизоръ, топнувъ ногою. Какой маленькій, и какой злой! это большой грѣхъ. Говори ты, въ чемъ ваша претензія, обратился онъ, понижая голосъ, къ слѣдующему выборному Мараеву.

— Я ваше, пре-ство, осмѣливаюсь доложить вамъ вотъ что: мы всѣ обижаемся, зачѣмъ приневоливаютъ еврейчиковъ креститься. Узнаетъ, напримѣръ, начальникъ, что завтра прибудетъ партія еврейчиковъ (а ихъ прибываетъ раза два-три въ годъ человѣкъ по 100, по 200) и ужъ заранѣе шлетъ унтеръ-офицеровъ стеречь ихъ хорошенько, не подпускать къ нимъ близко никого изъ здѣшнихъ евреевъ-солдатъ. Приведутъ ихъ въ казармы, загонятъ въ холодную комнату, безъ кроватей, безъ тюфяковъ; все, что у нихъ найдется при себѣ изъ съѣстнаго, отнимутъ и запрутъ ихъ подъ замокъ. И валяются они на голомъ полу, стучатъ отъ холода зубами да плачутъ цѣлыя сутки. На утро прійдетъ къ нимъ начальникъ, за нимъ принесутъ туда нѣсколько чашекъ щей, каши, каравая три хлѣба и десятки пучковъ розогъ. „Что это за люди?“ крикнетъ онъ, будто самъ не знаетъ. „Жиды“, отвѣтитъ ему фельдфебель. „Какъ жиды?“ закричитъ онъ во все горло: „откуда они взялись? Ножей, топоровъ сюда, всѣхъ перерѣжу, изрублю въ мелкіе кусочки: жидовъ мнѣ не надо; въ огонь, въ воду всѣхъ ихъ разомъ побросаю; жиды продали Христа, прокляты Богомъ; туда имъ и дорога!“ Тѣ, извѣстно, перепугаются, а ему только того и надо. „Эй ты, поди сюда!“ зоветъ онъ къ себѣ того изъ еврейчиковъ, кто всѣхъ трусливѣй выглядитъ. „Кто ты?“ — „Еврей“. „А?... Еврей, ну хорошо: я люблю евреевъ, потому самъ былъ ев-

реемъ, крестился такимъ же маленькимъ, какъ ты, и вотъ теперь сталъ полковникъ. Эй вы, евреи! видите на мнѣ какіе эполеты? Изъ чистаго золота. Креститесь, и вы будете полковниками и тоже будете носить золотые эполеты. Желаешь креститься — а?“ Тотъ молчитъ. „Выбирай любое: или говори „желаю“ и иди вонъ въ уголъ обѣдать, или, если не хочешь — раздѣвайся. Все долой съ ногъ до головы; запорю!“ Что выбирать? голодъ, извѣстно, не свой братъ, розги — страхъ, — ну и отвѣчаетъ „желаю“ и идетъ ѣсть. А кого ни страхъ, ни голодъ не беретъ, тѣхъ чрезъ три четвертаго дерутъ, морятъ голодомъ, въ гробъ, можно сказать, вгоняютъ. А крещеные нерѣдко мѣсяца по два, по три послѣ крещенія не знаютъ, какъ ихъ и зовутъ-то по-русски, а молитвы выучатъ развѣ-развѣ чрезъ годъ. Бывало, на повѣркѣ капралъ выкликаетъ: „Иванъ Петровъ“, а еврейчикъ молчитъ. „Ты, жидовская твоя морда, что не откликаешься!“ закричитъ капралъ и дастъ ему въ зубы. Тотъ съежится отъ боли, да и стоитъ, точно истуканъ. „Шмуйло Хайловичъ?“ повторитъ капралъ. „Я“, отзовется еврейчикъ. „Да Хайловичъ ты по-жидовски, а по-русски-то какъ? Ты вѣдь ужъ крещеный, русскій“, толкуетъ ему капралъ. Иной, непонятливый, не одну сотню розогъ получитъ, пока заучитъ русское свое имя.

— Ну, а ты что скажешь? спросилъ ревизоръ третьяго.

— Да осмѣлюсь доложить... началъ Васильевъ: — житья

намъ совсѣмъ нѣтъ: холодаемъ, голодаемъ, терпимъ всякія тиранства рѣшительно ни за что, ни про что... Кто начальству денегъ не даетъ, кто у него спроситъ свои, присланныя изъ деревни, изъ дома, того за это бьютъ, дерутъ, да и плакать не велятъ.

Васильевъ что-то вспомнилъ и не вытерпѣлъ — заплакалъ.

— *Особенныхъ* какихъ-нибудь претензій нѣтъ у васъ?

— Нѣтъ-съ, еще особенныхъ никакихъ нѣтъ, крикнули одни. Да и этихъ довольно! подхватили другіе. Вы эти-то разберите по правдѣ, по закону, продолжали третьи. Будьте нашимъ отцомъ, покровителемъ; вѣкъ не забудемъ, кричали четвертые. Нашему начальству не извольте сказывать о нашей жалобѣ!

— Будьте, ребята, спокойны: все, что могу, я для васъ сдѣлаю. А вы трое идите въ свое мѣсто, да впередъ никогда не будьте ни зачинщиками, ни доказчиками: тѣмъ и другимъ всегда попадаетъ первый кнутъ.

Далѣе, прочитавъ ротѣ наставленіе, какъ себя вести, ревизоръ ушелъ, въ сопровожденіи начальства.

Начальникъ, въ свою очередь, углубился въ сочиненіе отвѣтовъ на множество заданныхъ ему вопросовъ, и совершенно забылъ, на время, и роту бунтовщиковъ и выборныхъ. Отвѣты его были, по истинѣ, замѣчательны. Такъ, на во-

просъ: почему онъ наказалъ тѣлесно двухъ учителей, имѣвшихъ по двѣ нашивки, онъ отвѣтилъ: „учителя съ нашивками, во вниманіе долговременной и безпорочной ихъ службы, точно были имъ подвергнуты легкому наказанію, за проступки, незаслужившіе донести о лишеніи ихъ нашивокъ.“ По какому случаю онъ наказалъ учителя 60 ударами за запачканный кантъ, онъ отозвался: „Учитель наказанъ 60 лозонами во вниманіе молодости лѣтъ и дабы не дать ему повода къ подобному поступку“. На вопросъ: почему, вопреки распоряженію 1818 г., онъ вообще наказывалъ учителей, начальникъ отозвался такъ: „имѣя въ виду распоряженіе 1833 г., которымъ дозволялось наказывать учителей тѣлесно, не выходя изъ предѣловъ власти, онъ руководствовался имъ, а не распоряженіемъ 1818 г., воспрещавшимъ ихъ наказывать; измѣнить же это правило (т. е. не наказывать) онъ не считалъ себя вправѣ.“ Кромѣ того, ему частнымъ образомъ извѣстно, что его знакомый, командиръ образцоваго полка, на сдѣланный имъ гораздо позже того вопросъ: можно-ли наказывать учителей тѣлесно, получилъ отъ департамента военныхъ поселеній утвердительный отвѣтъ.

Прошло дня два. Въ воскресенье по казармамъ объявили, что ревизоръ уѣхалъ. Кантонисты пообѣдали. За роспускомъ многихъ со двора и за уходомъ: однихъ — на базаръ, другихъ — за магазины, на лицо въ 4-й ротѣ осталось немного

кантонистовъ. По случаю праздника они играли въ жгуты, въ чехарду, въ костяжки, въ камешки.

Въ это время, на одной изъ кроватей задней линіи, задумчиво сидѣли знакомые читателю кантонисты: Бахманъ, Мараевъ и Васильевъ — депутаты, объяснявшіеся съ ревизоромъ.

— Во всемъ-то намъ, братцы, не везетъ, говорилъ Бахманъ, вздохнувъ. Теперь мы окончательно пропали. Такъ я думаю.

— Еще бы не пропасть! подхватилъ Васильевъ. Учителишки-то, вонъ, струсили, — ну, и Сибиряковъ погибнетъ.

— Ну, ихъ, учителей! Самимъ грозитъ бѣда; не дальше, какъ завтра, объ эту пору, намъ, пожалуй, придется ужъ лежать въ лазаретѣ... изсѣченными.

— Бѣжимъ, братцы! вполголоса молвилъ Мараевъ.

— Куда? спросили товарищи.

— Да куда глаза глядятъ, только бѣжать, и бѣжать сегодня же, пока насъ еще не засадили.

— А ну, какъ поймаютъ?

— Хотите вмѣстѣ—насъ ни за что не найдутъ. Я зайду домой, возьму тамъ, потихоньку, каравай хлѣба, соли, ляжку говядины, вольную одежду, свою — для себя, братнину—для тебя, Миша. ты, Вася, забѣги къ себѣ домой тоже захвати ѣдомое, да, одежду. Сойдемся, потомъ, за амбарами,

переодѣнемся, проклятую свою аммуницію бросимъ у рѣки: пускай её найдутъ! Скажутъ: утопули. А мы себѣ спрячемся подальше подъ-мостъ, на нѣсколько дней, а тамъ передадимся татарамъ и уѣдемъ съ ними. Денегъ у меня тоже припасено 5 руб., у тебя, Миша, рубль, да ты, Вася, выпроси, либо стащи у матери, сколько-нибудь и горевать нечего будетъ. Согласны, братцы?

— Не сбыться этой затѣѣ: поймаютъ, безпремѣнно поймаютъ и тогда совсѣмъ запорютъ, настаивалъ Васильевъ.

— Нельзя этого, горячо молвилъ Васильевъ. — У меня мать, да сестра съ горя пропадутъ, если я бѣгу.

— А обо мнѣ развѣ некому плакать? перебилъ Мараевъ. И отецъ, и мать, и братъ, и сестры меня самаго любятъ ничуть не хуже твоего; я ихъ тоже люблю и жалѣю. Ну, да они насъ отъ розогъ не спасутъ! Да куда! чрезъ нихъ-то намъ и достается втрое больше другихъ, у кого родныхъ нѣтъ. И ротный, и фельдфебель пронюхали, напримѣръ, что у моего отца деньги водятся, и требуютъ, и клянчатъ безпрестанно. Онъ давалъ, давалъ имъ, ненасытнымъ, да и пересталъ. На нихъ, говоритъ, не напасешься денегъ, самимъ надо. И правда: работникъ онъ у насъ одинъ; день-деньской сидитъ вонъ въ казначействѣ, да считавши казенные капиталы, отпускавши ихъ господамъ, да принимавши откуда принесутъ— всѣ глаза перепортилъ, въ очкахъ ужъ худо ви-

дитъ. Ему самому пора-бы ужъ на отдыхъ, а тутъ домъ, семья, всѣмъ надо пить-ѣсть, одѣваться, обуваться и все такое прочее... Да и шутка ли дѣло — 25 лѣтъ оттрубилъ казнѣ, раненъ въ бокъ, въ ногу, получилъ за это три креста, а денегъ ни гроша... Ну, поневолѣ сидитъ въ казначействѣ счетчикомъ 15-й годъ. Такъ вотъ, какъ отецъ пересталъ давать имъ денегъ, они осерчали на него и бьютъ, и дерутъ за это меня съ братомъ. Много разъ умолялъ я отца помочь намъ, а онъ говоритъ: „пособить, говоритъ, деньгами не могу: всѣ ужъ повысосали. Терпи, говоритъ, пока можешь, авось намъ удастся вырвать тебя изъ ихъ когтей *) Выйдешь, говоритъ, на волю, много надо будетъ денегъ на приписку тебя въ купцы. Я хочу, говоритъ, чтобъ хоть ты у меня былъ *вольный* человѣкъ“. И погладитъ меня, бывало, по головѣ таково ласково, поглядитъ мнѣ въ лицо, дастъ гривенникъ на гостинцы, — да и пошлетъ меня съ братомъ гулять. Пока дома сидишъ — на сердцѣ легко, а какъ вернешься въ казармы — не глядѣлъ бы ни на что и ни на кого!.. Когда эта воля выйдетъ, Богъ вѣсть! Говорятъ, по году и по два ходятъ бумаги — ну, а до-тѣхъ-поръ три раза околѣешь отъ

*) Отставнымъ солдатамъ отдавали прежде, въ видѣ особенной милости, для призрѣнія въ старости, одного изъ сыновей, если ихъ было кантонистами—два-три, и если самъ проситель былъ раненый. Отдавали также и вдовамъ солдатъ, убитыхъ на войнѣ.

розогъ и побоевъ. Я ужъ и ждать-то ее отчаялся, — не стану! Скажи, Вася, кстати: за что это ротный постоянно тебя дразнитъ: „матушкинъ сынокъ; ему бы только и сидѣть подъ подоломъ сестрицы.“ Тутъ тоже, что-нибудь, да кроется?

— Извѣстно не даромъ, грустно отозвался Васильевъ. У него, видишь-ли, глаза разгорѣлись на сестру, потому красивая она, молодая, да стройная, какъ рѣдкая барышня. Съ годъ тому назадъ, шелъ я, однажды, съ нею по улицѣ, онъ увидалъ ее и безъ зазрѣнія совѣсти повадился ходить къ намъ и строить ей куры. „Полюби, говоритъ, меня красавица“, да и все тутъ. А мать-то спроста и говоритъ: „Эдакого-то человѣка полюбить? да вы, говоритъ, съума никакъ спятили! Вы намъ не ровня, идите себѣ своей дорогой, а насъ оставьте въ покоѣ. Моя дочь, говоритъ, вовсе не такая, чтобы всякій встрѣчный и поперечный могъ ей навязываться съ своею любовью...“ И сколько она ему ни говорила, какъ сестра его ни конфузила, и сколько отъ него ни пряталась, а онъ все не отставалъ, все хотѣлъ сбить ее съ панталыку. Сидитъ она разъ дома, наклонившись надъ работою; шьетъ себѣ. Вдругъ онъ входитъ, подкрадывается, потихоньку, къ ней сзади; облапилъ, да и поцѣловалъ ее въ самыя губы. Сестра, не будь промахъ, рванулась впередъ, да какъ свиснетъ его, со всего размаху, по рожѣ,—такъ ажно стѣны задрожали. Матушка была въ то время въ сѣняхъ, услышала трескъ пощечины и вбѣ-

жала въ комнату. А сестра-то въ слезахъ. Обругала мать ротнаго сквернымъ словомъ, да съ кочергою въ рукахъ и выпроводила его за ворота. Съ тѣхъ поръ онъ и носу не кажетъ. Зато съ того-же дня сталъ мстить мнѣ, мстить — ужасно. Я однажды пѣлъ одинъ пѣсню, въ полѣ, гдѣ рѣшительно никого не было. Онъ услыхалъ—сейчасъ меня драть, (голосъ вишь ты портилъ). Волосы у меня велики — драть; остригусь, — опять драть: зачѣмъ, дескать, коротки волосы. Словомъ за все драть. Но ему и этого мало: едва подойдетъ праздникъ, онъ непремѣнно ужъ придерется къ чему-нибудь и домой не пускаетъ. Тамъ, со своими, хоть горе-то свое выплачешь, на сердцѣ все легче станетъ, а изъ-за него, проклятаго, и это рѣдко удается... А вѣдь какъ хорошо дома-то!..

Васильевъ вытеръ кулакомъ катившуюся по щекѣ слезу, опустилъ голову и замолчалъ.

— Вамъ, братцы, хорошо: хоть есть родные, есть съ кѣмъ поговорить по душѣ, а вотъ мнѣ-то каково? началъ Бахманъ, тоскливо поглядывая на товарищей. Отца я совсѣмъ не помню. Мать, больная и бѣдная,—кормила меня подаяньемъ и мы по-своему были довольны, пожалуй даже счастливы. Когда мнѣ минуло 11 лѣтъ, меня схватили, однажды, на улицѣ и стащили въ острогъ. Тамъ я нашелъ человѣкъ 15 такихъ же, какъ я, горемыкъ. Всѣ они были по-парно

скованы по ногамъ. Меня тоже сковали съ однимъ. Начали мы съ нимъ знакомиться. Онъ спрашиваетъ: — Ты какъ попался? Такъ и такъ, говорю. Ну а я, говоритъ, три года сряду прятался; и въ стогѣ-то сѣна леживалъ сутокъ по двое голоднымъ, и въ печкѣ-то чуть не задохся отъ жары, и въ подпольѣ съ крысами укрывался подъ соломою, и по лѣсу-то вмѣстѣ съ матерью бродилъ въ страшные морозы, и промежду могилками-то на кладбищахъ не разъ съ нею ночевывалъ. Гдѣ-гдѣ только не скрывался я отъ рекрутства, — а вотъ попался-таки. И вѣдь какъ? По милости тетки, чтобъ ей ни дна, ни покрышки не было. Ей, видишь ли, кагальники (сотскіе) гуся *) подарили, она меня за него, за гуся-то и выдала имъ съ головой. Съ недѣлю лежалъ я послѣдній разъ зашитымъ въ перинѣ, дышалъ, ѣлъ, пилъ сквозь дырку, а мать убирала за мной, точно за грудным ребенкомъ. Вдругъ слышимъ, кагальные идутъ къ намъ. Мать мигомъ раздѣлась, легла на постель, на мнѣ значитъ, да и за охала, за стонала, будто больная. Кагальные пошарили, для близиру, на печкѣ, въ сѣняхъ, подошли къ кровати, поглядѣли на мать, стащили ее, безъ церемоніи, на полъ, распороли, по срединѣ, перину, вытащили меня изъ нея всего въ пуху, да и при-

*) Кантонистъ, выданный теткою за гуся, служитъ теперь въ Петербургѣ чиновникомъ.

волокли въ острогъ. Посидѣвши недѣли съ двѣ закованными, попали мы въ рекрутское присутствіе, сдали насъ въ рекруты. Мы и этому обрадовались: хоть кандалы-то сняли, а то просто измучился, бывши закованнымъ вдвоемъ.

Отправили насъ въ губернскій городъ. Мать потащилась за мною пѣшкомъ. Дорогою конвойные и били ее, и издѣвались надъ нею сколько хотѣли. Ѣдемъ, бывало, дорогою, они ее сперва посадятъ на задокъ подводы, гдѣ я сижу, поѣдутъ пошибче, да какъ только телѣга сравняется съ ямою, болотомъ, или лужею,— такъ они столкнутъ ее, а сами ударятъ по лошадямъ. Она упадетъ лицомъ прямо въ грязь, а они-то хохочутъ во все горло, любуются, какъ она потомъ бѣжитъ за нами въ догонку верстъ пять-шесть, не переводя духу. Потомъ пріостановятъ лошадей, посадятъ ее и, немного погодя, снова столкнутъ и снова потѣшаются. Я не смѣлъ не только заступиться за нее, но и пикнуть. И все это она изъза меня выносила! Бывало, украдкою поцѣлуетъ меня, поплачетъ надо мною. Наконецъ конвойнымъ надоѣло издѣваться надъ нею и они ее представили въ этапъ; а этапъ отправилъ, подъ конвоемъ, обратно въ городъ, какъ безпаспортную... А что ей тамъ было дѣлать, коли у ней не было ни кола, ни двора?..

Изъ губерніи погнали насъ, человѣкъ 200, сюда. Шли мы дорогою, въ слякоть, въ морозы, голодали, холодали на

пропалую. Кормили насъ всякою дрянью, бѣлье мы себѣ мыли сами, на дневкахъ; а ужъ какъ вымывали—и говорить нечего: 16-лѣтнихъ было всего человѣкъ 40, а то все 10, 12 и 14-ти лѣтъ. Одежда наша была: шинель, да полушубокъ. Съ усталости, да отъ холоду, мы, случалось, по нѣсколько дней сряду совсѣмъ не раздѣвались; валялись въ грязи, на полу, оттого къ намъ всякая нечисть приставала: и вши-то, и чесотка. Зачешется, бывало, бокъ или ляжка, сунешь туда руку, вытащишь полригоршни вшей, или блохъ, бросишь ихъ на землю, да и топчешь ногами: руками ужъ очень долго ихъ убивать. И въ полушубкахъ-то вши развелись. Терпѣлъ, терпѣлъ я, да выросилъ, разъ, на дневкѣ, у хозяйки ножницы, и выстригъ весь мѣхъ на полушубкѣ такъ, что осталась одна кожа. Надѣлъ полушубокъ — легко, тѣло не зудится, не чешется. Я похвастался другимъ рекрутамъ; тѣ, на меня глядя, тоже испортили свои полушубки. А на утро морозъ и мы, идучи станцію, чуть не замерзли отъ стужи: кожа-то не грѣла. Узналъ про это партіонный, и, струсилъ-ли онъ, или ему насъ жаль стало, только къ вечеру же истопили, на станціи, нѣсколько бань разомъ, обмыли насъ, выжарили на полкахъ нашу одежду и дали новые полушубки. Чрезъ нѣсколько станцій вши снова обсыпали насъ. А къ взрослымъ рекрутамъ, которые были большею частію паршивыми еще дома, и подойти близко пельзя было: отъ

нихъ такъ и разило падалью, точно дохлой кошкой, что-ли. Они, вишь ты, нарочно это дома на себѣ парши развели, чтобъ увернуться отъ рекрутства. Надрѣжутъ, знаете-ли, кожу на головѣ, на рукѣ, али на ногѣ, вольютъ внутрь надрѣзаннаго мѣста скипидару, ворвани, или купоросу, да то и дѣло расковыриваютъ рану-то. Оно, конечно, больно; ну, а все легче рекрутчины-то. Думаютъ: паршиваго не возьмутъ; люди смердящіе, съ прогнившими костями, съ пархатою головою въ службѣ не годятся. Ну, а ежели три раза кряду забрѣютъ затылокъ, тогда совсѣмъ лафа будетъ *). У иного въ нѣсколько дней всѣ волоса вылѣзутъ, вся голова загніетъ, гной потечетъ по лбу, по затылку, за ушами; на шеѣ сядутъ желтыя болячки, на ногѣ видиѣется кость, мясо около нея зазеленѣетъ, заплѣснѣваетъ, нога распухнетъ; пойдутъ огромные волдыри, короста. Мучается, мучается, а проку мало. Приведутъ, бывало, такихъ молодцовъ въ присутствіе, вложатъ въ ихъ бумаги по красненькой и всѣмъ имъ живо забрѣютъ лбы, а потомъ прикажутъ солдатамъ лечить ихъ. Тѣ и начнутъ ихъ водить, чрезъ каждые двое сутокъ, въ банѣ, мазать имъ, на полкѣ, раны крѣпкою водкою, дегтемъ съ солью и парить ихъ вѣниками до полусмерти. Болячки, потомъ, по немногу засохнутъ, точно кора на деревѣ, сол-

*) Забракованный три раза сряду, ежегодно, освобождался на всегда отъ рекрутства.

даты примутся отдирать съ нихъ эту кору, а они поднимаютъ гвалтъ на всю казарму. Какъ сдерутъ струпья-то, такъ человѣкъ, бывало, стоитъ словно совсѣмъ безъ кожи: одно мясо красное.

Мѣсяцевъ чрезъ 5 пути, мы добрались сюда. Здѣсь насъ насильно крестили и бросили на произволъ судьбы. Купайтесь, дескать, въ этомъ болотѣ, сколько душѣ угодно, а изъ насъ, вашихъ крестныхъ, никому вы больше не нужны. Живи потомъ одинъ и мучайся въ этомъ омутѣ; никто-то тебя не пожалѣетъ, всѣмъ-то ты чужой... Кто, примѣрно спросить, меня теперь приласкаетъ отъ души, кто приголубитъ? Мать, что-ли? Да жива-ли она, гдѣ она, да и приголубитъ-ли еще она меня, крещенаго-то? Вѣдь крестился, значитъ отъ родныхъ отступился... Вотъ эдакимъ путемъ вся внутренность во мнѣ изныла. Житья нѣту! Я руки на себя наложу.

Мараевъ мрачно глядѣлъ передъ собою. Вдругъ онъ оживился.

— Сказано: бѣжать, молвилъ онъ: чтѐ бобы-то тутъ разводить. Идетъ, что́-ли?

— Идетъ, дрожащимъ голосомъ отозвался Васильевъ.

— Ну, а ты, Миша?

— Я?... и я... покончу... подтвердилъ Бахманъ, махнувъ рукою.

— Такъ идемъ собираться въ путь-дорогу, настаивалъ

Мараевъ. Какъ только стемнѣетъ, чтобъ нашего и духу больше здѣсь не пахло.

— Собираться, такъ собираться, повторилъ Бахманъ. Не красна и жизнь-то, жалѣть не о чемъ. Кончить лучше сразу, да и баста.

Друзья разошлись въ разныя стороны.

Ночью, когда всѣ уже спали, произошло необыкновенное происшествіе: одинъ изъ кантонистовъ второй роты увидалъ чорта.

— Караулъ, чортъ, чортъ, караулъ! заревѣлъ онъ благимъ матомъ. Караулъ! чортъ, чортъ, караулъ! подхватили прочіе часовые. Караулъ! повторилось эхомъ въ отдаленныхъ комнатахъ.

Кантонисты повскакали съ кроватей. Поднялся шумъ, гамъ, все столпилось у входа въ ретирадное мѣсто, откуда раздавался крикъ.

— Благо попался, надо поймать его, этого чорта, кричали кантонисты: — всѣ бока ему переломать.

— Это онъ наши сапоги по ночамъ носитъ: къ утру весь глянецъ пропадаетъ!

— А гогочетъ-то въ трубѣ, а свищетъ-то въ окнахъ, все вѣдь, братцы, онъ же, этотъ самый чортъ!

— Тащите, братцы, скорѣе образъ сюда!

— Лучше, братцы, въ бутылку его заманить, да пробкою и закупорить; пусть его тамъ издохнетъ. Несите бутылку-то.

— А поди-ка подставь ее, коль храберъ, авось на мѣстѣ же задушитъ. Боекъ больно, такъ покажи свою удаль.

— Что за крикъ! Кто тамъ? допытывались переполошившіеся унтера и фельдфебель.

— Чортъ стоитъ въ ретирадѣ, кантониста душитъ, давитъ, колетъ, голосили со всѣхъ сторонъ.

— Унтеръ-офицеры одѣться въ форму! скомандовалъ фельдфебель. Зайцевъ, бѣги за дежурнымъ офицеромъ. Живо!

Явился дежурный офицеръ и, протирая сонные глаза, спросилъ, что̀ случилось.

— Чортъ, ваше бродье, душитъ въ ретирадѣ кантонистовъ, отвѣчалъ наобумъ фельдфебель, тоже еще неочнувшійся порядкомъ. Что̀ прикажете дѣлать?

— Какой тамъ чортъ! Сами вы всѣ черти, дьяволы. Никогда спокою не дадите, проклятые! Огней сюда! Унтеръ-офицеры впередъ! Тесаки на-голо̀!

— Слушать команду! Унтеръ-офицеры перекрестились: тесаки на перевѣсъ, напри дверь и дружно, сразу отворить. Разъ, два-три! Унтера принатужились и, однимъ напоромъ растворивъ настежь дверь, влетѣли, до половины, въ ретирадное мѣсто, но тотчасъ же отскочили обратно въ двери и

въ замѣшательствѣ погасили почти всѣ огни. Самъ дежурный попятился, въ виду такихъ критическихъ обстоятельствъ.

— Ну, что? спросилъ онъ неровнымъ голосомъ, отойдя подальше отъ дверей.

— Стоитъ, какъ есть стоитъ надъ самою дырою, отвѣчали унтера, двигаясь еще больше назадъ.

— Да кто стоитъ?

— Извѣстно кто: чортъ, ваше бродье.

Всѣ остолбенѣли. На окнѣ ретирадnаго мѣста стоялъ ночникъ и огонекъ свѣтильни чуть-чуть теплился; на томъ мѣстѣ потолка, гдѣ должно было висѣть почнику, дѣйствительно что-то стояло.

— Унтеръ-офицеры, тесаки на руку и впередъ маршъ! командовалъ офицеръ. Но ни чортъ, ни унтера не трогались съ мѣста.

— Что же? ослушаться?... Всѣхъ передеру, разжалую, сквозь строй прогоню! Бери его приступомъ, хватай!

— Позвольте мнѣ, ваше бродье, войти туда, молвилъ коренастый, здоровый кантонистъ, лѣтъ двадцати-двухъ. Онъ находился въ умывальнѣ, для уборки, и частенько выпашивалъ на дворъ по ночамъ ушаты съ нечистотами. Я никакихъ чертей не боюсь, продолжалъ онъ: — потому привыкъ по ночамъ шататься, да и черти, что люди — разные бываютъ: и смирные, и озорники.

— Сдѣлай милость, иди, ласково заговорилъ дежурный: ступай, любезный, да смотри, осторожнѣй, не ровенъ часъ... сохрани Богъ, схватитъ.

— Не безпокойтесь, ваше бродье. Пропустите-ка, ребята!

Онъ взялъ свѣчку и вошелъ въ ретирадное мѣсто, оставивъ позади себя настежь растворенную дверь. У зрителей захватило дыханіе.

— Да это, ваше бродье, не чортъ, а кантонистъ, громко заговорилъ Ивановъ, остановившись предъ воображаемымъ чортомъ.

— Кантонистъ?.. Неужто кантонистъ? тревожно спросили разомъ нѣсколько голосовъ.

— Ну да, кантонистъ, повторилъ Ивановъ, взглядывая вверхъ.—Михайло Бахманъ! Я его коротко зналъ.

— Да что же онъ?

— А повѣсился.

— Да изъ-за чего?

— Знать жизнь-то больно, ваше бродье, красна. Прикажете стащить его съ петли-то?

— Нѣтъ, не трогай. Посмотри хорошенько, онъ-ли еще это, а ежели онъ, то на чемъ повѣсился и не живъ-ли еще?

— Онъ-то—онъ, ваше бродье. Ивановъ повертѣлъ висѣвшаго Бахмана кругомъ и потомъ щелкнулъ его пальцами по носу.—А повѣсился онъ на полотенцѣ и оно ужъ порвалось:

тяжелъ больно. Нарочно, шельмецъ, испортилъ новое полотенце, а оно вѣдь казенное, за него каптенармусъ житья не дастъ. Подай, дескать, въ сдачу.

Удостовѣрившись въ дѣйствительности случившагося, дежурный заперъ дверь на замокъ, поставилъ часоваго и ушелъ. Фельдфебель, унтера и каптонисты тоже разошлись. Утромъ тѣло Бахмана сняли съ петли, унесли въ часовню лазарета, а сутки чрезъ трое завернули трупъ съ ногъ до головы въ холстъ и, положивъ въ наскоро сколоченный ящикъ, взвалили этотъ „гробъ“ на телѣгу. Кучеръ со сторожемъ свезли его за околицу и закопали въ болотѣ, на кладбищѣ самоубійцъ. Тѣмъ и кончилась жизнь этого несчастнаго юноши.

На четвертый день послѣ погребенія Бахмана, Мараева и Васильева исключили изъ списковъ, какъ безъ вѣсти пропавшихъ, распространивъ по заведенію слухъ, будто они утонули, о чемъ начальство заключило по найденной на берегу рѣки ихъ одеждѣ.

Вскорѣ послѣ трагической смерти Бахмана, заведеніе внезапно было взволновано печальными новостями: Сибирякову вышло рѣшеніе. Его разжаловали въ рядовые, наказали 150-ю ударами розогъ и сослали въ гарнизонъ. Начальнику дали выговоръ за безпорядки по заведенію. А еще недѣли двѣ спустя, въ казармы привели Мараева, закованнаго въ кандалы. Убѣжавъ изъ заведенія, онъ хоть и успѣлъ перебраться,

вмѣстѣ съ Васильевымъ, въ сосѣднюю губернію, но, отыскивая тамъ безопасное убѣжище, они забрели въ какой-то городишко, гдѣ и остались ночевать. Мараевъ пошелъ на базарѣ купить провизіи и заспорилъ съ торговкою. Торговка крикнула сотскаго, который стащилъ его въ полицію. Тамъ его начали допрашивать: чей да откуда, но онъ упорно молчалъ цѣлыхъ трое сутокъ. Этимъ онъ давалъ Васильеву знать, чтобъ скрылся. Потомъ признался и былъ отправленъ по этапу въ заведеніе. Здѣсь его засадили на гауптвахту и предали суду. Главное начальство рѣшило наказать его 100 ударами розогъ. Ночь предъ наказаніемъ Мараевъ провелъ въ самыхъ мучительныхъ страданіяхъ. Утромъ долго, горячо молился, а когда пришелъ за нимъ конвой, онъ молча простился со своими сожителями по гауптвахтѣ, шепнулъ одному изъ нихъ что-то на ухо и смѣло, рѣшительно отправился за полученіемъ опредѣленнаго наказанія, за побѣгъ.

Предъ выстроеннымъ на плацу фронтомъ кантонистовъ не терпѣливо ожидалъ Мараева какъ коршунъ добычу, Курятниковъ. Около него стояли барабанщики и лежало пучковъ 100 розогъ, вымоченныхъ въ горячей соленой водѣ.

Очутившись на лобномъ мѣстѣ, Мараевъ оглянулся кругомъ и позеленѣлъ отъ страха.

— Раздѣнься-ка, каналья ты эдакая, молвилъ начальникъ:—все, все долой. Я вотъ тебѣ покажу, какъ бѣгать.

— Ваше высокородіе, помилуйте, сжальтесь надо мной! взмолился-было Мараевъ.

— Спущу прежде шкуру съ шеи до пятъ, а потомъ, пожалуй, и помилую. Раздѣвайся же!

— Такъ прочтите, ваше высокородье, хоть вотъ эту записку впередъ, а тамъ... Мараевъ вынулъ изъ-за обшлага шинели крѣпко свернутую бумажку, въ которой ровно ничего не было писано и, придвигаясь къ начальнику, подалъ ее ему.

Начальникъ взялъ въ руки бумажку и внимательно началъ ее раскручивать. Въ это самое время Мараевъ схватился обѣими руками за его эполеты, съ быстротою молніи сорвалъ, одинъ совершенно прочь, а другой на половину, ударилъ вырваннымъ эполетомъ начальника по щекѣ и потомъ началъ комкать, мять эполетъ, въ какомъ-то дикомъ изступленіи. Поступокъ Мараева точно громомъ поразилъ весь фронтъ. Начальствующіе остолбенѣли, а подначальные чуть не запрыгали отъ радости *).

— Отнять эполетъ и взять его! отчаянно заревѣлъ Курятниковъ, опомнившись. И офицеры, и фельдфебеля бросились на Мараева и хоть съ большимъ трудомъ, но отняли у него измятый эполетъ, а самого повалили на полъ.

---

*) Между кантонистами и даже солдатами тогдашняго времени твердо вѣрили въ неизвѣстно откуда занесенный слухъ, будто офицеръ, съ котораго сорвутъ эполеты, тѣмъ самымъ лишается офицерскаго званія.

— Раздѣть его до нага, растянуть на скамейкѣ и начать въ пересыпк-ку-у!.. неистово ревѣлъ начальникъ, надѣвая эполетъ.

Одежда Мараева моментально превратилась въ клочки, а самъ онъ очутился на скамейкѣ; на головѣ и на ногахъ его сидѣли солдаты, а два барабанщика ужъ рвали розгами живое мясо изъ его тѣла. Ему отсчитали болѣе 400 ударовъ и полумертваго стащили въ лазаретъ.

Затѣмъ началось вторичное судьбище, вслѣдствіе котораго послѣдовало новое рѣшеніе: „Мараева, какъ неимѣвшаго въ день содѣянія преступленія совершенныхъ лѣтъ (ему было 16 лѣтъ и 11 мѣсяцевъ отъ роду), на основаніи 107 и 937 ст. I кн. 5-й части свода военныхъ законовъ, не наказывая тѣлесно, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу, въ крѣпостяхъ, на *восемь* лѣтъ.“ Замѣчательно въ этомъ дѣлѣ было то, что оно прошло чрезъ 5 инстанцій и ни одна не узрѣла, что начальникъ *противозаконно* наказалъ Мараева, о чемъ донесъ своевременно: какъ только онъ сорвалъ эполетъ,—слѣдовало, по закону, судить его снова и подвергнуть наказанію по совокупности преступленій. Мараева привели въ канцелярію и безъ всякой уже торжественности одному прочитали рѣшеніе. Въ тотъ же часъ отправили его въ губернское правленіе, а оттуда—въ острогъ. Выходя изъ канцеляріи, Мараевъ,—уже страшная, неузнавае-

мая тѣнь прежняго красиваго, здороваго юноши, — прощаясь съ окружающими его товарищами, занимавшимися въ канцеляріи (въ числѣ ихъ былъ и пишущій сіи строки), искренно радовался своему избавленію отъ кантонистской жизни. По своему простодушію, онъ не допускалъ даже и мысли, чтобы жизнь въ каторжной работѣ могла быть хуже житья въ заведеніи кантонистовъ. И, судя по „Запискамъ изъ Мертваго Дома“, это совершенно основательно.

Послѣдній актъ трагедіи, въ которой были главными дѣйствующими лицами трое юношей, разыгрался нѣсколько лѣтъ спустя.

Въ канцелярію заведенія привели однажды, подъ конвоемъ, высокаго, здороваго мужчину, лѣтъ 25-ти на видъ, въ арестантской одеждѣ, въ кандалахъ, съ длинными, русыми, волосами и такого же цвѣта бородою. То былъ Василій Васильевъ. Сзади конвоя стояла молодая женщина, довольно красивой наружности, держа за руку хорошенькаго мальчика лѣтъ шести. Женщина была жена, а мальчикъ — сынъ Васильева. Широкое, мускулистое лицо Васильева болѣзненно передергивалось, а большіе, голубые, глаза его лихорадочно блуждали, переходя съ одного предмета на другой. Исторія странствія Васильева по бѣлу свѣту и рокового возвращенія въ заведеніе была довольно коротка. Пробравшись верстъ за 400 отъ мѣста расположенія заведенія, онъ досталъ какимъ-

то путемъ чужой паспортъ; зашибъ, затѣмъ, трудомъ да бережливостью, копейку, отошелъ еще нѣсколько отъ большого тракта и поселился въ маленькомъ городишкѣ. Тамъ онъ занялся кое-какою торговлею, и, наконецъ, женился. Черезъ годъ у него родился сынъ. Тихо, мирно прожилъ онъ такимъ образомъ нѣсколько лѣтъ. Повременамъ онъ впадалъ въ грусть, скучалъ по матери, по сестрѣ и въ такихъ случаяхъ прибѣгалъ къ выпивкѣ. Разъ, будучи навеселѣ, выболталъ онъ неосторожно тестю свою кручину, а тотъ, поссорившись съ нимъ изъ-за чего-то, въ пылу гнѣва, выдалъ его полиціи. Полиція сперва высосала изъ него, въ короткое время, всѣ его средства, а потомъ засадила самаго въ острогъ, затѣяла переписку. по милости которой онъ и очутился въ канцеляріи. Жена его отправилась за нимъ вмѣстѣ съ сыномъ.

— Такъ ты, братецъ, такъ-таки и не хочешь сознаться, что ты — кантонистъ Василій Васильевъ? спрашивалъ его въ канцеляріи уже новый начальникъ. — Вѣдь есть улики. Станешь запираться, тебѣ же хуже будетъ.

— Нѣтъ, я не кантонистъ, а мѣщанинъ,—это видно изъ моего паспорта, грубо отвѣчаетъ арестантъ, потупивъ голову.—Меня стращать нечего; я никакихъ уликъ не боюсь.

— Выдь-ка, матушка, сюда и погляди, не онъ-ли твой братъ? продолжалъ начальникъ, повернувъ голову къ боковой

двери. Изъ двери вышла блѣдная, изнуренная молодая женщина. Взглянувъ на арестанта, она пошатнулась, остановилась, шагнула еще впередъ, опять остановилась и, зарыдавъ, оперлась на столъ.

— Ну, что, матушка, онъ что-ли твой братъ, или нѣтъ? спросилъ начальникъ. — Скажи по совѣсти, и разомъ покончимъ эту комедію.

— Онъ, батюшка, онъ, мой братъ Вася, сквозь слезы заговорила монашенка: — Вася, голубчикъ, вѣдь это ты, ты, мой сердешный! добавила она и бросилась-было къ нему на шею.

— Убирайся прочь отъ меня! озлобленно крикнулъ арестантъ и оттолкнулъ отъ себя монашенку.—Кой тутъ чортъ: братъ! Ишь побраталась...

Но монашенка не унималась, рыданіямъ и причитаніямъ ея не было конца. Не смотря на упорное отрицаніе со стороны Васильева, начальникъ вынесъ изъ этой сцены убѣжденіе въ его виновности. Судьба его была рѣшена.

Васильева прогнали сквозь строй и сослали въ арестантскія роты за шестилѣтнее нахожденіе въ бѣгахъ, за поддѣлку паспорта и упорное запирательство. Сына его взяли въ кантонисты, какъ человѣка, рожденнаго отъ кантониста, а жена, чаявшая освободить мужа, видѣвши экзекуцію надъ

нимъ и лишившись не только его, но и сына, сошла съ ума и кончила жизнь самоубійствомъ.

Здѣсь кстати, вопервыхъ, замѣтимъ, что давилось, топилось и бѣгало очень много кантонистовъ, а во-вторыхъ, разскажемъ другой случай. Въ заведеніе, однажды, привели сѣдаго старика, лѣтъ 50-ти, когда-то, въ молодости, отлынявшаго отъ поступленія въ кантонисты. У старика были не только сыновья, но и внуки. Судили его, судили и, наконецъ, во вниманіе къ чистосердечному его сознанію, старости и неспособности къ боевой службѣ, рѣшили: не наказывая его тѣлесно, опредѣлить въ кашевары на солдатскій 25-ти-лѣтній срокъ. Такимъ образомъ, онъ могъ разсчитывать на отставку не ранѣе, какъ на восьмидесятомъ году жизни.

Старикъ былъ словоохотливъ и нерѣдко разсказывалъ о своихъ похожденіяхъ.

— Прожилъ я, говорилъ онъ, въ бѣгахъ вѣкъ свой, не крадучись, а по-божески, да по милости общаго благодѣтеля—добраго барина. Жилъ-былъ неподалеку отселева этотъ баринъ, знатный, богатый и большой охотникъ до правды, до воли [и] до войны. Гдѣ, какъ и почему онъ пристрастился къ эвдакимъ дѣламъ, откуда и когда явился въ помѣстье—ничего я этого не знаю. Помѣстье его было большущее: тяну-

лось на цѣлый уѣздъ, а самъ онъ жилъ въ громадномъ селѣ. Село стояло надъ широкой, бурливой рѣкой и попасть въ него можно было не иначе, какъ переѣхавши рѣку на барскомъ паромѣ. На ночь паромъ причаливался къ берегу села и держался до утра на привязи. У села и по селу ходили ночью, по наряду, караульщики. Самое село было окружено каменною стѣною, точно крѣпостью. Внутри села тянулся, на версту, одинъ каменный домъ одноэтажный со всякими службами. Баринъ всѣхъ принималъ, кому худо на свѣтѣ жилось: кто удиралъ отъ дурнаго помѣщика, кто отъ солдатства, или кантонистства, а кто изъ острога,—всѣ шли къ нему. Всякій такой человѣкъ являлся къ нему лично, разсказывалъ ему по совѣсти: откуда, какъ и для-чего убѣжалъ, получалъ отъ него наставленье какъ держаться, живучи у него, и уходилъ съ провожатымъ въ контору. Тамъ его записывали въ число дворни, отводили комнату въ барскомъ же домѣ, давали одежду, обувь, бѣлье и все такое прочее. Съ мѣсяцъ бѣглый отдыхалъ, знакомился со всѣми; а тамъ его посылали на работу, по его силамъ и понятіямъ глядя. Такъ проходило нѣсколько мѣсяцевъ, а послѣ, выбирай себѣ дѣло, какое тебѣ по нраву. Холостыхъ баринъ любилъ женить, дѣвокъ замужъ выдавать, и тѣмъ и другимъ давалъ отъ себя приданое, строилъ избы, переводилъ ихъ въ другія свои имѣнія, пересаживалъ на оброкъ, а об-

рокъ бралъ самый пустяшный. У мужиковъ самъ крестилъ дѣтей, помогалъ имъ деньгами, обходился со всѣми ласково. дружественно. точно съ ровней. Любилъ онъ всего больше смѣльчаковъ. расторопныхъ, да стрѣлковъ; съ такими людьми онъ объѣзжалъ верхами, на лошадяхъ, свои помѣстья и охотился по лѣсамъ дремучимъ. Всѣ его знали. Не было примѣра, чтобъ онъ кого-нибудь изъ бѣглыхъ выдалъ, не глядя ни на какія угрозы, ни на какія жалобы господъ. Начальства онъ рѣшительно никакого не боялся. Пріѣдетъ, бывало, становой, либо исправникъ отыскивать какого-нибудь бѣглаго; явится къ нему. Онъ его выслушаетъ, велитъ напоить-накормить, дать на дорогу за трудъ: становому — 25 руб., исправнику—50 руб. и проводитъ его за ворота. Тѣ, знавши его нравъ, угостившись на славу, брали деньги, уѣзжали во-свояси, да и докладывали кому тамъ надо, что, молъ, такого-то нѣтъ. Ну, а ежели, да наѣдетъ бойкій какой чиновникъ и не ублаготворится барскимъ положеньемъ, его, по барскому наказу, отдирали розгами и вывозили за рѣку, подъ карауломъ. Насылали, случалось, иногда. и войско, но и оно ворочалось назадъ ни съ чѣмъ: баринъ скорехонько, бывало, вооружитъ своихъ смѣльчаковъ винтовками. уберетъ паромъ, всѣ лодки, и шабашъ. Постоитъ, постоитъ это войско за рѣкой, али у села, да и вернется во-свояси съ тѣмъ же, съ чѣмъ и пришло. Такимъ-то вотъ манеромъ

баринъ и наводилъ страхъ на всѣхъ властей много лѣтъ сряду, пока его не стало, а съ этимъ случаемъ и наша сила вдругъ лопнула и всѣ мы сгибли. Отлучился разъ баринъ потихоньку въ Москву. Начальство это пронюхало, схватило его въ дорогѣ, да и упрятало куда-то далеко, а къ намъ—бацъ войско, застигло всѣхъ въ расплохъ и пошла тутъ такая перепалка, что и небу было жарко. Около мѣсяца перебирали насъ по косточкамъ. Кто успѣлъ — убѣжалъ, кто трухнулъ — утопился въ рѣкѣ, а кто сплоховалъ — тотъ попался. Въ числѣ бѣглыхъ кантонистовъ очутился и я. Попалъ я къ барину такимъ родомъ: заслышавъ, что меня требуютъ въ кантонисты, я убѣгъ изъ дома, явился къ барину, разсказалъ ему свое горе и остался у него жить. Мнѣ было въ ту пору ровно 18 лѣтъ. И вотъ цѣлый вѣкъ выжилъ благополучно. не думалъ, не гадалъ, а теперь, на старости лѣтъ, попался; да мало того самъ попался, такъ и доброе мое, нажитое кровавымъ потомъ, сгинуло: въ суматохѣ все до тла раскрали.

XIII.

ЖИТЬЕ ВЪ ДЕРЕВНѢ, ЛЮБОВЬ И ЕЯ РАЗВЯЗКА.

Прошла половина лѣта и кантонисты уже собрались въ деревню, куда ихъ, въ эту пору, ежегодно выводили на отдыхъ.

Однажды утромъ, въ іюлѣ, кантонисты всего заведенія стояли на плацу. Передъ фронтомъ прохаживался начальникъ, желавшій обратиться къ своимъ питомцамъ съ напутственною рѣчью.

— Въ деревнѣ жить смирно, говорилъ онъ: — хозяевъ вашихъ уважать! Помогайте имъ, чѣмъ можете, и они станутъ хорошо васъ кормить, прощать провіантъ; а коли будете озорничать, и они потребуютъ паекъ—такъ я васъ!

Съ такимъ напутствіемъ кантонисты отправились, по-ротно, въ дорогу, пѣшкомъ, верстъ за сто или за двѣсти отъ города.

Житью въ деревнѣ кантонисты всегда радовались, его ждали съ свойственнымъ дѣтямъ нетерпѣніемъ. Но, съ прибытіемъ въ деревню, ихъ радость значительно уменьшалась: тамъ также надо было вставать въ пять и шесть часовъ утра и ходить ежедневно на фронтовое ученье въ капральство и на ротный дворъ. Разстояніе между деревнями, гдѣ жили кантонисты (человѣкъ 10, 15 и до 30 въ каждой деревнѣ), и центрами ученій, простиралось отъ 5 до 15-ти верстъ, а такая ходьба отягощала кантонистовъ тѣмъ болѣе, что ни проливной дождь, ни грязь не освобождали отъ явки къ 7 часамъ на ученье. Кто опаздывалъ или вовсе не являлся,— тотъ получалъ за это всегда изрядную порцію. Взрослыхъ, кромѣ того, безпрерывно разсылали по деревнямъ съ казенными и частными порученіями. Они же обязывались собирать

и приводить на ученье малолѣтнихъ и присматривать за ними дома, и имъ же доставалось за шалости и оплошность послѣднихъ. Но всего тяжелѣе для кантонистовъ бывали въ деревняхъ тѣлесные смотры, которые производились два-три раза въ недѣлю, въ видахъ предотвращенія заразы отъ мужиковъ, у которыхъ они жили. Поднимется, бывало, рѣзкій, холодный вѣтеръ, пойдетъ крупный, частый дождь, а въ сараѣ, съ огромными щелями въ стѣнахъ, съ развалившеюся крышею, стоитъ капральство, раздѣтое до-нага. Правящій, или ротный командиръ ходятъ по фронту, осматриваютъ, ощупываютъ и разглядываютъ порознь каждый суставчикъ. Какъ дождь ни мочитъ, какъ ни бросаетъ отъ холода въ дрожь — не смѣй ни вздрогнуть, ни глазомъ моргнуть. Фронтъ, по словамъ начальства, было мѣсто священное, и потому за невольную дрожь, какъ за оскорбленіе этой святыни, неминуемо наказывали. Кромѣ того, кантонистамъ, во время стоянки въ деревняхъ, воспрещалось пѣть пѣсни на улицахъ, ходить разстегнувшись, участвовать въ дѣтскихъ играхъ, уходить дальше гумна безъ спросу.

Крестьяне той мѣстности, гдѣ квартировали кантонисты, были преимущественно старообрядцы различныхъ толковъ, а потому враждебно встрѣчали кантонистовъ, непринадлежащихъ къ ихъ сектамъ. Съ своей стороны кантонисты, слѣдуя наставленію начальника: уважать хозяевъ, и боясь вооружать

послѣднихъ противъ себя, изыскивали всевозможные способы сближенія съ своими хозяевами и безсовѣстно обманывали ихъ.

Особенно отличался хитростью кантонистъ Бобковъ. Бывало, войдетъ въ назначенную ему для житья избу, поклонится.

— Здравствуйте, люди Божьи. говоритъ. — Я къ вамъ квартировать назначенъ, такъ не обижайте-жъ меня, смиреннаго раба Божія: я и то въ кипяткѣ киплю, да и родомъ изъ вашего согласія.

— Здравствуй, коль не шутишь, недовѣрчиво отвѣчаетъ старуха, нашептывая молитву и перебирая въ рукахъ чотки.— А какимъ ты крестомъ молишься, ежели нашего согласія?

— Благословеннымъ, бабушка, благословеннымъ молюсь, вотъ какъ видишь; а то какимъ же мнѣ инымъ крестомъ молиться?

— Ну, а какъ, евта вещь прозывается? продолжаетъ она, показывая ему чотки.

— Лестовка, бабушка. Покойная моя матушка, царствіе ей небесное, завсегда такъ молилась и меня тому-жъ учила,— да вотъ въ службѣ-то этой я, почитай, все перезабылъ. Да и немудрено: по-нашему-то вонъ и молиться запрещаютъ...

— Коли, голубчикъ, велятъ? Они, вѣдь, еретики, да смутьяны рода человѣческаго; такъ гдѣ-жъ имъ думать о спасеніи, да о царствіи небесномъ!

— Звать-то тебя какъ? добавила она, помолчавъ.

— Александромъ, бабушка, и кличутъ Бобковымъ. У меня, бабушка, со вчерашняго вечера еще и крохи во рту не было. Ѣсть больно хочется. Не дашь-ли чего перекусить?

— Наслышаны мы, голубчикъ Лександра, про вашу-то службу вдоволь: знай сквернословь, да ной сатанискія пѣсни, а въ брюхѣ-то пущай себѣ урчитъ. Скидывай свою муницію, склади ее вонъ въ задъ, на лавку, умой, у рукомойника, руки-тѣ, помолись, да и садись за столъ. А я тѣмъ временемъ сберу тебѣ обѣдъ: съ голодухи-то, поди, не до баляcовъ.

— Истинно такъ, бабушка. Вотъ поѣмъ, такъ и языкъ будетъ легче ворочаться.

Бобковъ раздѣвается, мостся, молится по-старообрядчески и начинаетъ обѣдать; а старуха-то и дѣло подливаетъ и подкладываетъ ему вкуснаго съѣстнаго, какъ единовѣрцу. Отобѣдавъ, онъ садится возлѣ старухи, внимательно слушаетъ ея поученія, поддакивая ей, самъ разсказываетъ всевозможныя небылицы о претерпѣнныхъ будто бы имъ страданіяхъ „за правую вѣру“, и къ вечеру становится совершенно своимъ человѣкомъ въ избѣ.

Не успѣла семья вернуться съ поля, какъ старуха ужъ оповѣстила ее о мнимомъ единовѣрцѣ.

— А ты, малый, не врешь, будто ты нашего согласія? строго спрашиваетъ Бобкова старикъ, глава семьи.

— Чистая это, дѣдушка, правда!

— Ну, и табачища поганаго не куришь и не нюхаешь?

— Что ты, дѣдушка, что ты, Господь съ тобой! Это зельемъ-то дьявольскимъ, чтобъ я осквернялъ себя — сохрани и помилуй меня Боже. Ни-ни!

— Коли такъ, садись съ нами ужинать.

Тѣмъ спросы о вѣрѣ и кончались. И Бобковъ съ перваго же дня обѣдаетъ, ужинаетъ вмѣстѣ со всѣми, старуха креститъ его на сонъ грядущій; ночью, когда онъ разбросается во снѣ, она окутываетъ его; нашептываетъ надъ нимъ, сгоняетъ съ него мухъ; стираетъ его казенное бѣлье, нашиваетъ ему собственнаго, даетъ холста на портянки; изъ всякаго лакомаго кушанья старается удѣлить ему лучшую часть, словомъ — лелѣетъ и бережетъ его, какъ роднаго. Всѣ остальные члены семьи также любятъ его; а онъ за все это отплачиваетъ имъ посильною работою по хозяйству, смиреніемъ, точнымъ исполненіемъ хозяйскихъ обычаевъ, да слушаетъ по воскресеньямъ, часъ-другой, какъ старикъ читаетъ, по складамъ, семейству древнее благочестіе. Проходитъ мѣсяцъ.

— Не видала-ли, бабушка, гдѣ моей шинели? спросилъ однажды Бобковъ, сбираясь утромъ на ученье.

— Шинели?... Ахъ ты, Лексаша, Лексаша! И не грѣхъ тебѣ насъ обманывать-то? Не грѣхъ тебѣ смѣнять праву

вѣру на зелье, на погань?! На томъ свѣтѣ вѣдь за евто каленымъ желѣзомъ станутъ ротъ-то тебѣ выжигать!...

— Да гдѣ, я тебя спрашиваю, шинель-то? Вѣдь опоздаю на ученье: меня за это выдерутъ!

— Шинель-то? Да я въ огородъ выбросила твою паскудную шинель-то: она вся вонъ провоняла погапью — табачищемъ. Не держать же въ избѣ евдакую мерзость: грѣхъ, большой грѣхъ. Неужто ты, Лексаша, и вправду жрешь это зелье-то?

Но Бобкову вовсе не до отвѣтовъ: онъ бросился въ огородъ, съ трудомъ отыскалъ шинель, надѣлъ ее и побѣжалъ на ученье; а вернувшись, засталъ старуху въ страшной суматохѣ: она мыла кипяткомъ всѣ вещи, за которыя онъ когда-либо брался руками, всѣ лавки, на которыхъ онъ сиживалъ, выжигала каленными каменьями всю глиняную и жестяную посуду, изъ которой онъ когда-либо ѣдалъ. На спросъ, что́ все это значитъ, старуха принялась его укорять богоотступничествомъ, ворчала и отплевывалась отъ него, какъ отъ нечистой силы; онъ божился, увѣрялъ ее, что не куритъ, пахло же отъ шинели табакомъ оттого, что правящій, сидя на ней въ сараѣ, курилъ трубку. Желая задобрить старуху, Бобковъ разсказалъ, какъ за то, что онъ опоздалъ, чрезъ нее, на ученье, онъ получилъ 15 коплей, въ удостовѣреніе чего показалъ даже синіе рубцы на тѣлѣ. Однако старуха

ничему не повѣрила, никакихъ оправданій и слушать не хотѣла. Вечеромъ разбирательство повторилось, но перевѣсъ остался все-таки на сторонѣ старухи. Вслѣдствіе такого рѣшенія, Бобкову пришлось искупить свой мнимый грѣхъ всеобщимъ къ нему охлажденіемъ. Бѣлье, впрочемъ, мыли ему исправно, кормили, правда, порядочно, но только отдѣльно отъ хозяевъ и изъ особой посуды, которую завели собственно для него и которую ставили даже въ сторонѣ отъ той, изъ которой ѣли хозяева. Всякій его шагъ, всякое его движеніе вызывали укоры и ворчанье со стороны хозяевъ. Такъ Бобковъ и дожилъ остальной срокъ своего квартированія въ деревнѣ.

Другимъ кантонистамъ жилось хуже.

— У меня, Иванъ Ивановичъ, очень плоха квартира, жаловался правящему кантонистъ *съ сильною протекціею*, послѣ недѣльнаго жительства въ деревнѣ. Всего и живутъ-то старикъ, да старуха—оба презлющіе. Старикъ — старовѣрскій попъ. Какъ пришелъ я первый разъ, такъ и въ избу даже не пустилъ, а отвелъ мнѣ уголъ въ хлѣву и я живу вмѣстѣ съ телепкомъ. Кормятъ прескверно: одну и ту же жиденькую, постную похлебку съ хлѣбомъ ѣмъ каждый день. Тебѣ, говоритъ хозяинъ, казна только это и отпускаетъ; ну и лопай какъ знаешь, а жалѣть тебя нечего, потому ты не нашей вѣры. Перейди, говоритъ, въ нашу вѣру, хорошо буду

кормить: да еще и денегъ стану давать. Перемѣните мнѣ, пожалуйста, квартиру, не то я напишу...

— Зачѣмъ писать? Писать незачѣмъ: дѣло поправимое, отвѣчалъ правящій. — Эй, Бочковъ, перейди-ка ты, сегодня же, жить вмѣстѣ съ Филипповымъ на его квартиру. Тамъ ты ни чуть не прогадаешь: его хозяева богаты, возьмись за нихъ только, и будешь какъ сыръ въ маслѣ кататься. Тебѣ же не привыкать-стать учить этихъ сиволдаевъ. Ни въ чемъ не стѣсняйся: я за все отвѣчаю.

— Слушаю-съ, Иванъ Ивановичъ, отозвался Бочковъ, кантонистъ лѣтъ двадцати, отчаянный буянъ.

Съ наступленіемъ сумерокъ Бочковъ явился на новую квартиру.

— Тебѣ чего надо? спросилъ хозяинъ — старикъ, загораживая Бочкову входъ въ дверь.

— Пусти напередъ въ избу, а тамъ и потолкуемъ.

— Да чего тебѣ надоть-то? Ежели „штыкову работу“ — енъ въ задней; туда дорога со двора, а не здѣсь.

— Пусти, тебѣ говорятъ, не то такъ сдану, что черти изъ глазъ посыплются.

— Ой-ли! Не пужай по-пустому, не изъ трусливыхъ, а сколь ни харахорься, — въ избу не пущу.

— Не пустишь? — Такъ вотъ же тебѣ, старый хрычъ, ежели добромъ не унимаешься!... Бочковъ такъ сильно толк-

нулъ старика въ грудь, что онъ свалился на близъ стоявшую лавку. Бочковъ вошелъ въ избу, оглядѣлъ ее, крикнулъ Филиппова, очистилъ, съ помощью товарища, лавку въ переднемъ углу и началъ вколачивать гвозди въ стѣну, недалеко отъ образовъ.

— Ты, штыковая работа, не трошь, мотри, стѣну-то, заговорилъ очнувшійся старикъ, бросаясь на Бочкова: — не пущу вѣшать погань подъ иконы. Вонъ ей гдѣ мѣсто-то! И старикъ бросилъ куртку къ порогу.

— Уймись, старый дьяволъ, пока я тебѣ всѣ ребра не переломалъ! Куртка — вещь царская, а не погань. Самъ ты погань! Да не токмà ты, а и вѣра твоя погань.

— Охъ ты дьявольское твое навожденіе, охъ ты кислая муниція, охъ ты... заревѣлъ старикъ. Зарѣжу, вотъ те Христосъ зарѣжу за святую, за нашу вѣру. Онъ бросился на Бочкова съ ножомъ.

— Рѣжь, рѣжь, безстрашно отвѣчалъ Бочковъ, выставляя впередъ обѣ руки.

— Караулъ! рѣжутъ, караулъ! закричалъ Филипповъ и бросился на улицу, продолжая кричать.

Старикъ опомнился и испугался. Бочковъ, пользуясь его замѣшательствомъ, мгновенно вышибъ изъ его руки ножъ, схватилъ его за грудь, повалилъ на полъ, притиснулъ и сѣлъ на него верхомъ. Между тѣмъ на крикъ Филиппова выбѣжали

изъ сосѣднихъ избъ три кантониста и, узнавъ въ чемъ дѣло, пришли на помощь Бочкову. Увидавъ его невредимымъ, они тѣмъ не менѣе сочли нужнымъ заголосить по очереди: „связать его, тащить его къ правящему!“ Старикъ лежалъ точно убитый.

— Живота, али смерти? потѣшался Бочковъ, тыкая старика колѣномъ въ грудь.

— Отпусти, служба, пра отпусти, заворчалъ старикъ, предвидя бѣду.

— А будешь кормить хорошо?

— Буду, пра буду; ослобони же!

— И въ хлѣвъ гнать не станешь? И бахвалиться не будешь?

— Не буду, пра не буду; ослобони же!

— Ну, хорошо, прощаю, только съ уговоромъ: сейчасъ всѣмъ отличный ужинъ; да чтобъ и говядина, и сметана, и ситникъ, и творогъ, — все чтобъ было!

По прошествіи нѣкотораго времени, старикъ, мало-по-малу, сталъ опять входить въ прежнюю роль: то худо кормитъ, то плохо услуживаетъ, то споритъ съ постояльцами, а то и ругнетъ ихъ. Терпѣлъ, терпѣлъ нашъ Бочковъ, да подговорилъ нѣсколько человѣкъ товарищей, привелъ ихъ къ себѣ въ квартиру, усадилъ кругомъ обѣденнаго стола, подъ образами, и велѣлъ имъ чистить пуговицы, насыпанныя на са-

момъ столѣ, тертымъ кирпичемъ, а самъ зашагалъ взадъ и впередъ по избѣ, въ шапкѣ, насвистывая какую-то пѣсню. Старика сперва не было. — но, войдя въ избу, онъ возмутился.

— Перестань, служба, свистать, да и шапку-то сними: тутотка, чай, не хлѣвъ, а изба. иконы висятъ! строго началъ онъ.

— Да развѣ такія иконы бываютъ? насмѣшливо спрашиваетъ Бочковъ, продолжая ходить въ шапкѣ: — на нихъ и лика-то никакого не видать: какія же это иконы? По-нашему, по-православному, такія доски сожигаютъ, а пепелъ отъ нихъ высыпаютъ въ рѣку; а ты, съ дуру, называешь ихъ иконами! Какія это иконы?

Пошла ругань. Старикъ доказывалъ превосходство своей вѣры и сталъ издѣваться надъ господствующей религіей.

— Такъ ты надъ Богомъ смѣешься! воскликнулъ Бочковъ. Слышите, ребята, что онъ говоритъ?

— Слышимъ, слышимъ, подтверждаютъ товарищи.

— Будьте-жъ свидѣтелями. А ты, старая карга, пойдемъ къ начальству, пойдемъ, колдунъ ты эдакій! Бочковъ схватилъ старика за воротъ и потащилъ-было его изъ избы, но тотъ упирался, не шелъ и еще пуще ругался.

— Помогите, братцы, стащить его къ ротному.

По приводѣ туда, доложили правящему, а тотъ — Тарака-

нову. Въ избу ввели старика. Онъ былъ блѣднѣе полотна, глаза его дико блуждали, руки тряслись.

— Связать его! крикнулъ Таракановъ. Какъ ты смѣлъ притѣснять кантонистовъ? продолжалъ онъ, когда старику связали руки назадъ. Какъ ты, спрашиваю я, смѣлъ совращать въ свою ересь ихъ, царскихъ воспитанниковъ, рѣзать Бочкова, надругаться надъ святынею, а?

Старикъ молчалъ. Онъ былъ ни живъ, ни мертвъ.

— Запереть его въ амбаръ, приставить къ дверямъ часовыхъ и ждать моего приказанья, заключилъ Таракановъ.

Приказаніе тотчасъ исполнилось.

Крестьяне, узнавъ, по возвращеніи съ поля, о несчастіи ихъ попа, тотчасъ послали депутацію—хлопотать за него. Но Таракановъ встрѣтилъ ее еще сильнѣйшею рѣчью и поклялся, что черезъ день непремѣнно разстрѣляетъ старика. Весь слѣдующій день продолжалась по деревнѣ суматоха, и уже поздно вечеромъ Таракановъ едва согласился выпустить старика, взявъ съ мужиковъ клятву, что они будутъ и беречь и холить, какъ зѣницу ока, кантонистовъ, этихъ, какъ онъ назвалъ ихъ, царскихъ воспитанниковъ. Затѣмъ онъ далъ правящему *два*, и Бочкову *) *одинъ червонецъ*, со всѣми ласково распрощался, да и уѣхалъ во-свояси. А по деревнѣ

*) Кантонистъ, названный Бочковымъ — офицеромъ на Кавказѣ.

разнесся слухъ, будто за освобожденіе старика онъ содралъ съ крестьянскаго общества 30 червонцевъ.

Въ селѣ былъ базарный день. На площади стояло множество возовъ со всякою всячиною.

— Батюшка, баринъ, смилуйся: вели отдать мою тушу, взмолился мужичокъ. клапяясь въ ноги Ѳедоренкѣ.

— Толкомъ говори, чего просишь, и не хнычь! крикнулъ Ѳедоренко, притопнувъ ногою.

— Твои, баринъ, кантонисты стащили съ моего воза тушу. Вели ее мнѣ отдать.

— Кто стащилъ? Когда стащилъ, да и какую такую тушу?

— Самый большой кантонистъ стащилъ говяжью тушу, быковую, значитъ, ляжку, да и убѣгъ сюда. въ твою фатеру. Вели отдать — вѣкъ не забуду.

— Эй, вѣстовые!

Въ дверь вошли разомъ три кантониста, въ числѣ которыхъ былъ нѣкто Хавровъ, сухопарый, высокій юноша, лѣтъ 18-ти, отъявленный воръ и отчаянный смѣльчакъ въ этомъ дѣлѣ.

— Вотъ енъ, баринъ, енъ самый и стащилъ тушу-то, заговорилъ мужичокъ, указывая на Харова. Не попусти,

баринъ, въ обиду. Я человѣкъ бѣдный, торгую съ хлѣба на квасъ.

— Ты, Андреевъ, притащи мнѣ сюда десятскаго, да чтобъ принесъ съ собою кандалы; а ты, Ананьевъ, запри ворота на замокъ и стань часовымъ у калитки, чтобъ никто не вошелъ и не вышелъ.

Кантонисты со всѣхъ ногъ бросились исполнять приказаніе. Оставшіеся въ избѣ Ѳедоренко, правящій, Хавровъ и мужичокъ молчали.

Вскорѣ явился десятскій. Помолившись на образа, онъ сталъ у двери.

— Говори, мужикъ, въ чемъ твоя претензія? грозно началъ Ѳедоренко.

— Да я, батюшка-баринъ, ни на кого не жалюсь, а пришелъ къ твоей милости на счетъ туши-то, заговорилъ мужичокъ, видимо струсивъ. Вонъ ёнъ самый ее укралъ, да къ тебѣ на фатеру и уволокъ: весь народъ эвто видѣлъ, да не успѣли яво догнать. Я, ира, не жалюсь.

— Укралъ ты, Хавровъ у него тушу?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше благородье.

— Не знаешь, кто укралъ?

— Не могу знать-съ... Я сегодня и на улицу совсѣмъ не выходилъ.

— Слышишь, бородачъ ты этакой?

— Слышать-то, слышу, только ёпъ, баринъ, обманываетъ!

— И ты еще смѣешь говорить: онъ укралъ и унесъ сюда? Вѣдь это значитъ не только онъ, но и я, по твоимъ словамъ, воръ? Я, капитанъ? Мы, царскіе слуги — воры?.. Кандалы сюда!.. заковать его.

Но десятскій топтался на одномъ мѣстѣ!

— Чего-жъ ты ждешь? Заковывай!

— Да осмѣлюсь доложить тоже на счетъ... Десятскій запнулся.

— На счетъ чего? Говори, говори прямо, а не юли.

— Да я на счетъ того, ваше благородье, ежели не изволите осерчать за правду, кантонисты ваши и то маху не даютъ. Гдѣ что плохо лежитъ, тамъ у нихъ ужъ и брюхо болитъ: безпремѣнно утянутъ. Да не токма́ што изъ стоющаго,—а и хлѣбъ, яйца, пироги все таскаютъ. У насъ, на селѣ, распорядокъ, вишь ты, такой есть: всѣ зажиточные хрестьяне въ сумеркахъ сносятъ къ жилью бѣднѣющихъ, алибо хворыхъ хрестьянъ всякое съѣдомое, да, положимши на подоконникъ избы, постучатъ въ оконцо, молвятъ: „примите, хозяева, потайную милостыню“, да и убѣгаютъ домой, штобъ, значитъ, не видали кто принесъ. И покуда бѣдняга, аль хворый выходитъ за милостынею-то, кантонисты тѣмъ временемъ ужъ стянули ее, да и дали тягу.

— Ты, Карповъ, это знаешь? спрашивалъ Ѳедоренко правящаго.

— Обвинять всѣхъ огуломъ тоже нельзя. Ты бы прежде поймалъ кого-нибудь и представилъ мнѣ, а то „не доймашъ — не воръ“.

— Оно, ваше благородье, точно „не поймашъ — не воръ“, да гдѣ-жъ ихъ поймать-то? Схватитъ иной вонъ цѣлый пирогъ, али каравай хлѣба, да и улепетываетъ съ нимъ стрѣлой, будто птица...

— А ежели такъ, не смѣй и жаловаться.

— Да я, ваше благородье, и не жалуюсь, а такъ бытто къ слову молвилъ, а все прочее ничего, въ ладахъ живемъ.

— То-то же! У меня смотри: ѣшь пирогъ съ грибами, а языкъ держи за зубами. Ну, а ты, бородачъ, навѣрное знаешь, что вотъ онъ, Хавровъ, укралъ у тебя тушу?

— Коли, батюшка, не вѣрно. Енъ, какъ есть, енъ самый укралъ...

— Такъ идемъ искать, идемъ! Ѳедоренко схватилъ мужика за плечо, потащилъ его на дворъ, обошелъ съ нимъ копюшню, хлѣвъ, поглядѣлъ въ телѣгахъ, въ ясляхъ, нигдѣ, разумѣется, ничего не нашелъ, и вернулся въ избу.

— Теперь надѣть ему кандалы! заревѣлъ Ѳедоренко.— Я тебѣ покажу, какъ обзывать насъ, царскихъ слугъ, ворами!

Десятскій зазвенѣлъ кандалами, мужикъ взвылъ на весь домъ и упалъ въ ноги Ѳедоренко.

— Признайся, лучше, вѣдь обознался?

— Може, батюшка, и обознался. А сдается... Отпусти, будь милостивъ... У меня товаръ вонъ безъ призору.

Подошелъ конецъ августа. Кантонисты пріуныли: въ голову каждаго лѣзла неотвязная мысль о скоромъ возвращеніи въ казармы. Большинству взрослыхъ кантонистовъ предстояло, кромѣ того, горькое разставанье съ молодою хозяйкою, или съ хозяйскою дочерью. Въ это время почами можно было безпрестанно наталкиваться на любовныя пары и за огороднымъ плетнемъ, и за гумномъ, и на сѣновалѣ, и даже въ сѣняхъ избы. Вездѣ слышались клятвы, звучали поцалуи, лились слезы, волновалась кровь; обтирались глаза и рукавомъ пипели, и засаленнымъ фартукомъ. При этомъ вздыхатели не забывали вымашивать у своихъ возлюбленныхъ холста, нитокъ, а буде можно, то и денегъ.

Въ день выхода кантонистовъ изъ деревень мужчины на полевыя работы не выходили: одни — изъ желанія честью проводить „мальчугу“, другіе — чтобъ не дать ему возможности обокрасть избу, а третьи — чтобъ жена, либо дочь не удрала со „штыковою работою“.

Собраны капральства на ротный дворъ стройными рядами; за ними тянулись по двѣ, по три подводы съ казен-

нымъ, подареннымъ и даже украденнымъ имуществомъ; позади подводъ шли толпами мужики, а за ними — женщины и дѣвушки. У околицы деревни мужики поворачивали назадъ, куда гнали и женское населеніе, и ласковою рѣчью, и свистомъ хворостины, и волоченьемъ за косу. Затѣмъ, помаявшись денечекъ, другой, беззащитная женщина снова принималась за серпъ и молоченье, и все, бывало, пойдетъ своимъ чередомъ... Нерѣдко, впрочемъ, случалось, что деревенскія женщины трагически заключали любовь свою къ кантонистамъ.

Рота Живодерова стояла фронтомъ, готовая пуститься въ путь. Вдругъ подбѣгаетъ молоденькая, хорошенькая дѣвушка — брюнетка, лѣтъ 17. Она бросилась ему въ ноги и съ плачемъ завопила: „батюшка, голубчикъ баринъ, не погуби!... Отдай мнѣ Алешу! Я умру безъ него!... Сжалься, касатикъ, надъ сиротой!“

— Да ты откуда и какъ сюда, красавица, попала?

— Изъ села Горокъ, баринъ... 30 верстъ отселева. Убѣжала изъ дому; цѣлую ночь, точно шальная, бѣжала сюда! Отпусти, касатикъ!...

— Да ты, дура, не хнычь, а толкомъ скажи: какого тебѣ Алешу надо? У меня въ ротѣ Алешей до двадцати найдется; который же изъ нихъ твой? Прозывается-то онъ какъ.

— Алеша... Алеша... Хорь... Хорьковъ, прозывается.

Вонъ онъ и стоитъ-то неподалеку... эво... эво... Дѣвушка бросилась-было къ фронту.

— Держи ее, держи здѣсь! крикнулъ Живодеровъ.

Фельдфебель догналъ, схватилъ ее обѣими руками и вернулъ назадъ.

— Тебѣ, дура, къ фронту подходить нельзя: къ фронту, какъ и въ алтарь, бабъ не пускаютъ, внушалъ ей Живодеровъ. — Все порядкомъ разберу.

— Разбери, баринъ, разбери, касатикъ!

— Не хнычь! Алексѣй Харьковъ, поди сюда!

Изъ передней шеренги отдѣлился томно-блѣдный, красивый юноша, лѣтъ 19-ти. Тихою, боязливою поступью подошелъ онъ къ Живодерову, вытянулся въ струнку и потупился.

— Алеша. желанный ты мой, на тебѣ лица нѣту-ти! вскрикнула дѣвушка, отчаянно рванулась изъ рукъ фельдфебеля и, повиснувъ на шеѣ Харькова, припялась его цѣловать. Но Харьковъ стоялъ неподвижно и ни словомъ, ни движеніемъ не отвѣчалъ на ея ласки.

— Это еще что за нѣжности! гаркнулъ Живодеровъ:— держи ее, шельму, хорошенько! А то, на-ко, выдумала обниматься!..

Фельдфебель схватилъ дѣвушку въ охабку и стиснулъ ее въ своихъ мощныхъ рукахъ. Та тихо-тихо зарыдала.

— Разскажи-ка, Харьковъ, какъ ты съ ней связался? да помни, не лгать: запорю!

Харьковъ взглянулъ на дѣвушку, вздохнулъ, разинулъ было ротъ, чтобъ начать свою исповѣдь, но поперхнулся; крупныя слезы покатились изъ его глазъ.

— Ха, ха, ха! во все горло захохоталъ Живодеровъ.— Вотъ комедія-то! Ну, пускай она реветъ, бабѣ заплакать—все равно, что плюнуть; а ты-то что разрюмился? Отвѣчай, что тебя спрашиваютъ. Ну же!

— Я... виноватъ, ваше благородье... виноватъ... она... мы... я люблю ее! Простите... Слезы душили Харькова, и онъ снова остановился.

— Не погуби, баринъ, моего Алешу: онъ неповиненъ, какъ есть неповиненъ, вмѣшалась дѣвушка. — Я сама тебѣ все разскажу безъ утайки.

— Цыцъ! закричалъ Живодеровъ, топнувъ ногою. — Пока цѣла, молчи лучше; не то отдеру и тебя. А ты, Харьковъ, вытри глаза и отвѣчай!

— Какъ размѣстили насъ по квартирамъ, я попалъ къ нимъ, началъ Харьковъ дребезжащимъ голосомъ. — Сперва я видѣлъ одну ихъ стряпуху. Потомъ, я встрѣтился разъ съ Дашею въ сѣняхъ, поздоровался, поговорилъ кое-о-чемъ, и ушелъ въ свое мѣсто. Въ тотъ же вечеръ стряпуха велѣла мнѣ перебраться изъ чулана, гдѣ я прежде жилъ, въ перед-

ною избу, и тогда же начала меня кормить хорошо и сбивать перейти въ ихнюю вѣру; говорила, будто Даша, хозяйка, велѣла ей уговорить меня. Смѣючись, я разъ и сказалъ ей: „погоди немного, поприсмотрюсь прежде къ вашей вѣрѣ, а тамъ, можетъ, и перейду“. А какая-такая ихняя вѣра—я и не зналъ даже. Даша и съ самаго начала ко мнѣ была ласкова, а съ тѣхъ поръ, какъ стряпуха передала ей, будто я хочу въ ихъ вѣру перейти, она сдѣлалась еще лучше. Только вотъ однажды, ночью, приходитъ она ко мнѣ-съ... „Ты, говоритъ, меня не прогонишь?“. Изба, говорю, не моя, а твоя, какъ же я могу тебя прогнать изъ твоей же избы? Ну-съ, только сѣла она это ко мнѣ на лавку, а у меня, ваше благородье, голова кругомъ пошла, руки и ноги затряслись, словно въ лихорадкѣ. Вотъ, ваше благородье, все... Простите, будьте отецъ родной, заставьте за себя вѣчно Бога молить!

— И все это правда?

— Сущая, баринъ, правда, подхватываетъ дѣвушка. — Только одно онъ не досказалъ... Даша, заплакавъ, указала на свой животъ.

— Какъ? отъ кантониста забеременѣла? Ха, ха!.. ха!.. ха!.. Ай-да Харьковъ! И, не дождавшись отвѣта отъ растерявшагося Харькова, Живодеровъ перешелъ съ вопросомъ къ Дашѣ:

— Такъ чего-жъ тебѣ еще, красавица, отъ него надо?

— Да вели, баринъ, повѣнчать насъ. Отецъ дастъ тебѣ денегъ... у него много. Онъ ни тебѣ, ни намъ съ Алешей ничего не пожалѣетъ...

— Что-о?.. Повѣнчать васъ?.. Это кантониста-то повѣнчать? Ха, ха, ха! Нѣтъ, красавица, кантонисты не женятся! Да и что съ тобой толковать много... розогъ сюда!

— Она, ваше благородіе, не кантонистъ; ее драть вамъ не позволено, смѣло вступился Харьковъ, сверкая глазами.— За это вамъ самимъ достаться можетъ.

— Такъ это меня-то драть? Нѣтъ, баринъ: ежели хоть пальцемъ тронешь, я тебѣ глаза всѣ выцарапаю.

— Что-о-о? заревѣлъ Живодеровъ. — Унтеръ-офицеры! растянуть обоихъ живо!

— Ваше благородье, не трогайте дѣвушку, заговорилъ фельдфебель: — она и на себя-то не похожа, словно полоумная, да и опасно... не ровенъ часъ... оставьте ее въ покоѣ, сдѣлайте милость!

— У меня часы всѣ равны: вздую, такъ закается бѣгать изъ дома за любовникомъ. Харькова растянуть, а эту халду подержать рядомъ съ нимъ на вѣсу, чтобы брюхо не раздавить. Ему полсотни, а ей двадцать-пять горячихъ — живо! живо!...

Приказаніе исполнилось. Во время наказанія, Живодеровъ

потиралъ руки отъ удовольствія, приговаривая: „та-та-та!.. любили кататься, любите и саночки возить; та-та-та!..“

— Теперь вотъ поцѣлуйтесь, смѣясь, сказалъ онъ:—поцѣлуйтесь же, вы вѣдь ужъ больше не увидитесь.

Но Харьковъ и Даша стояли точно приговоренные къ смерти. Боль, стыдъ и глубокое оскорбленіе помрачали ихъ разсудки.

— Ну же, поцѣлуйтесь на прощанье. продолжалъ Живодеровъ, свелъ обоихъ лицо съ лицомъ и добавилъ: — вотъ такъ сладко чмокнулись: ха, ха... и развелъ ихъ въ разныя стороны.

— Десятскаго сюда.

Явился десятскій, стоявшій все время за фронтомъ. Онъ, какъ сельская полиція, обязывался присутствовать при выступленіи кантонистовъ.

— Возьми вотъ эту дѣвку и отведи ее въ село Горки къ отцу, приказывалъ ему Живодеровъ.—Да скажи ему, что она хотѣла убѣжать за любовникомъ-кантонистомъ въ городъ и я ее за это и за грубость выдралъ.

Когда Дашу привели обратно домой, все село узнало объ ея побѣгѣ и, какъ водится на Руси, на нее посыпались отовсюду насмѣшки, обиды физическія и нравственныя. Это ее окончательно доняло и, запасшись деньжонками и одеждою, она вновь сбѣжала ужъ въ городъ, гдѣ ее встрѣтило новое

горе: Харьковъ, по прибытіи въ казармы, залегъ въ лазаретъ и свидѣться съ нимъ ей долгонько не удавалось. Наконецъ, онъ выздоровѣлъ, узналъ объ ней отъ товарищей, поколебался нѣсколько, идти-ли на свиданье съ ней, или нѣтъ; „идти“ взяло, разумѣется, верхъ, и онъ отправился.

Горькое это было свиданіе и тяжела показалась обоимъ любовь, за которую начальство сѣчетъ. Много было пролито слезъ, много надежд высказано. И вдругъ...

— Васъ-то, голубчиковъ, намъ и надо, вдругъ раздалось надъ самыми ушами Харькова и Даши.

И два здоровенныхъ унтера вцѣпились въ нихъ своими лапищами, потащили обоихъ въ казармы и къ вечеру они уже очутились: Харьковъ—вновь изсѣченный — въ лазаретѣ, а Даша—въ полиціи.

Пока вытребовали съ родины Даши, чрезъ уѣздную полицію, точныя о ней свѣдѣнія, она успѣла родить сына, содержась въ полиціи; а сидя тамъ со всякимъ человѣческимъ отребьемъ, она вынесла не мало горя. По выходѣ же оттуда, ее встрѣтила нужда, и вотъ она поступила въ число гулящихъ, и затѣмъ года три сряду слыла по городу самою лучезарною звѣздою открытаго разврата. Наконецъ, попалась въ уголовномъ ужь преступленіи, была наказана плетьми и сослана въ Сибирь на поселеніе.

Харьковъ умеръ отъ чахотки въ лазаретѣ, спустя мѣсяца три послѣ рокового свиданія.

XIV.

ВЫПУСКЪ ИЗЪ ЗАВЕДЕНІЯ И ВОЗМЕЗДІЕ ЗА ВОСПИТАНІЕ.

Со времени возвращенія кантонистовъ изъ деревни, прошло уже недѣли двѣ. На дворѣ стояло сѣренькое сентябрьское утро. Все заведеніе выстроилось на плацу по-ротно. Начальникъ обошелъ фронтъ, вызвалъ изъ него впередъ и отдѣлилъ въ сторону человѣкъ 300, назначенныхъ къ выпуску на службу; потомъ тщательно пересортировалъ роты по-новому, переровнялъ ихъ ранжиръ и распустилъ въ казармы.

Въ заведеніи поднялась необыкновенная суматоха: кантонисты оживились и радовались! Да и было отчего: одни, человѣкъ 60, хорошо выдержавшихъ ничтожный классный экзаменъ, восторгались предстоящимъ имъ писарскимъ званіемъ и почестями; другіе, человѣкъ 50, посредственныхъ знаній, назначенные въ фельдшерскіе ученики, также мечтали о перспективѣ фельдшера, съ мягкими, вкусными булками, съ чудесными жаркими и другими лакомыми казенными порціями, такъ часто раздражавшими ихъ нервы во время лежанія въ лазаретѣ; третьи, человѣкъ 50, предназначенные въ цейхдинеры, цейхшрейберы (артиллерійскіе и инженерные надзира-

тели), тоже радовались своимъ будущимъ мѣстамъ, хотя никто изъ нихъ положительно не понималъ, что̀ такое цейхдиперъ, или цейхшрейберъ; наконецъ, четвертые, человѣкъ 100, черезчуръ ужъ рослые и старые лѣтами, готовились: красивые, ловкіе — въ саперы и піонеры, а карявые и искалѣченные — въ мастеровыя команды, въ гарнизонъ. Волновались также и тѣ, которымъ суждено было еще долго оставаться въ заведеніи. И на нихъ дѣйствовала торжественность событія.

Прошло нѣсколько дней. Выпускныхъ обмундировали въ новыя куртки и шинели безъ погоновъ, съ суконными пуговицами, точно рекрутовъ, выдали имъ по двѣ пары бѣлья и новыхъ неношенныхъ сапоговъ, какихъ иному ни разу не приводилось надѣвать въ теченіе 10-лѣтняго своего пребыванія въ заведеніи. Начальникъ осмотрѣлъ ихъ одежду и спросилъ: „не имѣетъ-ли кто претензіи?“ Они отвѣчали отрицательно. Партію передали партіонному офицеру, обыкновенно гарнизонному прапорщику.

— У кого были въ заведеніи деньги, присланныя въ письмахъ родныхъ, а также слѣдующія за крещеніе *), —

*) Мальчикамъ изъ евреевъ за принятіе православія давалось *«въ награду»* за это по 25 руб. ассигнаціями, на основаніи 1387 ст. IX т. зак. о состояніяхъ.

шагъ впередъ! произнесъ партіонный. Человѣкъ 60 выступило. Онъ перекликнулъ ихъ по списку и объявилъ, сколько у каждаго принятаго, для храненія до мѣста будущей службы, капитала.

— У каждаго изъ васъ, помните, еще вычтено по рублю изъ этихъ денегъ, добавилъ партіонный.

— А за что вычтено? раздался вопросъ.

— Какъ за что? За розги, которыми васъ сѣкли. Вѣдь ваше начальство, небось, тоже деньги платитъ за розги.

— Насъ же драли, да и мы же еще плати за это? возразили нѣсколько голосовъ.

Съ того же дня выпускныхъ помѣстили особо, въ самомъ отдаленномъ и пустомъ флигелѣ казармъ, и дали имъ недѣльный отдыхъ на сборы въ дорогу. Съ кантонистами заведенія имъ ужъ не дозволялось сходиться; даже пищу приносили имъ въ ихъ помѣщеніе. Выпускные очутились вдругъ подъ начальствомъ одного человѣка—партіоннаго, да и тотъ обѣщался смотрѣть на все сквозь пальцы. Положеніе завидное, и для кантонистовъ небывалое... Поэтому они въ тотъ же день отправились, цѣлыми толпами, по городу, по базару, по лавкамъ, и ужъ не только то крали, что плохо лежало, но даже изъ рукъ, изъ рта у торговокъ вырывали съѣдобное, а при благопріятныхъ обстоятельствахъ — расхватывали и выручку.

Между кантонистами существовалъ издавна обычай, чтобы выпускные ежегодно *расплачивались* на прощанье съ начальствомъ за свое воспитаніе. Другими словами, было принято задавать начальству трепку. Обычай этотъ исполнялся непарушимо. Выпускные, возвратясь вечеромъ домой, составили изъ среды себя нѣсколько летучихъ отрядовъ, человѣкъ по 20, и, возведя храбрѣйшихъ въ атаманы, неслышными шагами отправились въ походъ; попрятались въ глухихъ улицахъ, за заборами, на казарменномъ дворѣ за бочками, и даже подъ лѣстницами въ казарменныхъ коридорахъ. Всѣ были вооружены, кто двумя камнями, кто рваною простынею, длинною палкою, нѣсколькими пучками розогъ, кто скрученнымъ изъ полотенецъ жгутомъ, а кто—и смоленою веревкою. Притаившись въ засадѣ, они ждали извѣстную начальственную особу, которая, какъ было имъ извѣстно, должна была пройти здѣсь. Лишь только особа поровнялась съ условнымъ мѣстомъ, слѣдившіе за нею свистнули, самые сильные выскочили изъ засады и сшибли ее съ ногъ. Другіе замкнули особѣ ротъ и крикнули: „поймали звѣря!“ Тогда весь отрядъ сбѣжался, схватилъ звѣря кто за что успѣлъ, оттащилъ его подальше отъ дороги и пошло побоище. Устанутъ одни — ихъ смѣняютъ другіе, другихъ — третьи. Наконецъ, измучившись, отрядъ отправилъ особу съ завязанною головою и разлетѣлся въ разныя стороны.

Избіеніе начальственныхъ особъ посило между кантонистами названіе *лупсовки*. Лупсовка была *простая*, когда колотили зря, какъ попало, и *законная*. Законною лупсовкою называлось вотъ что: кто, напримѣръ, любилъ бить кантонистовъ кулакомъ, того самого колотили 15 — 20 кулаковъ сразу; кто дралъ лежачихъ, заставляя другихъ садиться наказываемому на голову и на ноги — тотъ подвергался такой же процедурѣ; кто предпочиталъ въ пересыпку—того самого *лупсовали* въ пересыпку, а кому нравилось драть на вѣсу— того самого драли на вѣсу. На вѣсу, впрочемъ, драли вообще всѣхъ заклятыхъ враговъ: это отступленіе дѣлалось потому, что на вѣсу больше. Различія, или снисхожденія никогда и ни въ пользу кого не допускалось: ротный-ли командиръ попался, фельдфебель-ли, учитель-ли, или даже простой унтеръ— это для выпускныхъ было совершенно все равно. При благопріятныхъ обстоятельствахъ, выпускнымъ удавалось въ одинъ и тотъ же вечеръ *отлупсовать* нѣсколько *звѣрей* въ разныхъ пустынныхъ мѣстностяхъ города.

Начальство твердо помнило выпускныхъ и въ это время держало ухо востро; но, тѣмъ не менѣе, при упорной настойчивости выпускныхъ и при очень темныхъ вечерахъ, они ежегодно *лупсовали* властей на славу!.. Только самого начальника никогда выпускнымъ не удавалось поймать: онъ всегда ѣздилъ вечерами въ каретахъ и на такихъ лошадяхъ,

которыхъ нельзя было остановить, не подвергаясь быть раздавленнымъ на мѣстѣ. Но спокойнымъ и онъ не оставался: въ его квартирѣ выбивали каменьями стекла, срывали звонки, въ дверяхъ накладывали всякой гадости и подбрасывали всевозможные пасквили; а разъ даже ухитрились какъ-то окатить его сверху, на лѣстницѣ, помоями.

За исключеніемъ десятка палочныхъ и кулачныхъ возмездій, полученныхъ въ теченіе нѣсколькихъ ночей нѣкоторыми мелкими властями, на долю нашихъ выпускныхъ выпалъ жребій поймать Живодерова, до котораго добирались нѣсколько лѣтъ сряду. На этотъ разъ, до 15 отборныхъ силачей и смѣльчаковъ четыре ночи сряду напрасно повсюду розыскивали его. Но вотъ они узнали, въ пятый вечеръ, что онъ въ гостяхъ у знакомаго, въ самомъ безлюдномъ захолустьѣ города, куда дорога лежала чрезъ длинный и глубокій оврагъ. Ни мало не думая, они отправились туда и засѣли за заборомъ, рѣшившись во что бы то ни стало поймать его, благо попался въ такомъ удобномъ мѣстѣ.

Уже пропѣли первые пѣтухи, когда, наконецъ, послышались чьи-то тяжелые шаги, а затѣмъ и знакомый имъ голосъ Живодерова, говорившаго что-то себѣ подъ носъ. Покачиваясь съ боку на бокъ, шелъ онъ по улицѣ. Отрядъ далъ ему углубиться въ оврагъ; потомъ нагналъ, окружилъ со всѣхъ сторонъ и остановилъ его.

— Это что̀ такое? грозно спросилъ Живодеровъ. — Что вы за народъ?

— Мы-то? Люди, отвѣчало нѣсколько голосовъ.

— Что-жъ вамъ надо?

— Тебя, самого тебя намъ надо, заговорилъ этаманъ.— Позвольте, ваше бродье, выдрать васъ?

— Что-о-о? ахъ вы, сволочъ проклятая! Да я васъ... въ порошокъ сотру!..

Живодеровъ сталъ въ оборонительное положеніе.

— Лучше, ваше бродье, не ершитесь по-пустому. Станете кричать — гораздо больнѣе отлупсуемъ. Ложись лучше по доброй волѣ.

— Прочь, негодяи! Караулъ! Помогите, спасите..

— Тебя просятъ честью, а ты еще орешь? Заткнуть ему ротъ, да подержать покрѣпче, а я тѣмъ временемъ самъ сдеру съ него его штанищи. Ну-ка!..

Сказано — сдѣлано. Штаны Живодерова превратились въ мелкіе клочья.

— Ребята, вали его и садись, кто на голову, кто на ноги, да въ пересыпку валяй, валяй его, друзья!

Притиснутый къ землѣ, Живодеровъ, съ заткнутымъ ртомъ, и кричать уже не могъ. Началось лупсованье.

— Это тебѣ за то, чтобъ не пилъ кантонистской крови, приговаривалъ атаманъ: — это тебѣ за то — не дери сыновей;

это тебѣ за то — не издѣвайся надъ женой, не тирань свою дочь, раскрасавицу-барышню; а вотъ это тебѣ за всѣхъ ихъ, да и за насъ, православныхъ! Крѣпче! та-та, та-та. Любилъ кататься — люби и саночки возить!.. Крѣпче! та-та, та-та!.. Крѣпче!.. Довольно!

Живодеровъ едва былъ въ силахъ стонать.

— Ну-съ! теперь мы, баринъ, съ тобой, кажется квиты. Будешь живъ и объ насъ вспомни, а пока—спокойной ночи. А вы молодцы, по щучьему велѣнью, по моему прошенью, уничтожься, пропади!

И отрядъ исчезъ во мракѣ ночи.

Наканунѣ своего выступленія, выпускные разгласили по всему заведенію о чудеснѣйшей *лупсовкѣ*, заданной ими заболѣвшему послѣ того Живодерову, и кантонистамъ было до того пріятно узнать это, что подробности лупсовки переходили изъ устъ въ уста нѣсколько лѣтъ сряду.

Насталъ, наконецъ, и день выступленія выпускныхъ въ походъ. Веселые, счастливые, прощались они съ товарищами, цѣловались, давали слово переписываться. Но тяжела была разлука для тѣхъ, которымъ суждено было остаться въ заведеніи, и горячо завидовали они своимъ счастливымъ товарищамъ.

Совершенно счастливыми пустились выпускные въ путь, шли и оглядывались назадъ, на казармы, плевали на нихъ,

грозили кулакомъ и посылали всевозможныя проклятія, какъ заведенскому воспитанію, такъ и людямъ, руководившимъ этимъ воспитаніемъ.

Въ числѣ выпускныхъ, пройдя всѣ вышеописанныя мытарства заведенія, шли уже на службу и знакомые читателю кантонисты — Василій Ивановъ и Иванъ Степановъ. Первый шелъ въ писаря — въ полкъ, а послѣдній — подъ ружье, въ саперы.

ОБЪЯСНЕНІЕ АВТОРА.

Въ то время, когда въ „Отечественныхъ Запискахъ“ кончились печатаніемъ наши Очерки, а предисловіе къ настоящей книгѣ было ужъ набрано, разныя лица, незнавшія доселѣ *какъ воспитывали кантонистовъ*, съ волненіемъ задавали намъ, многократно, одинъ и тотъ же вопросъ: „неужели, факты, описанные въ Очеркахъ, чужды литературныхъ прикрасъ?“ Потомъ, намъ попалось и печатное замѣчаніе, что нашихъ Очерковъ нельзя, будто бы, читать, потому что они составляютъ, по мнѣнію почтеннаго рецензента, цѣлый рядъ поразительныхъ сценъ сѣченья и моренья голодомъ кантонистовъ. Поэтому мы считаемъ долгомъ отвѣтить, хотя въ нѣсколькихъ словахъ, какъ на могущіе возникнуть вопросы, подобные вышеприведенному, такъ и на печатное замѣчаніе, къ намъ обращенное.

Все, въ Очеркахъ изображенное, смѣемъ увѣрить читателей,—*чистая правда* *), которую подтвердятъ, мы убѣждены, многіе, проведшіе раннюю свою юность въ нерапжированныхъ

*) Съ *фактической* повторяемъ стороны.

баталіонахъ упраздненныхъ учебныхъ карабинерныхъ полковъ и отдѣльныхъ баталіонахъ кантонистовъ, такъ какъ въ тѣхъ и другихъ, какъ мы заявили въ предисловіи и повторяемъ теперь, „воспитаніе кантонистовъ было совершенно одинаковое во всѣхъ отношеніяхъ.“ Кромѣ того, мы встрѣтили, съ полгода тому назадъ, случайно, бывшаго совоспитанника въ числѣ арестантовъ одной изъ арестантскихъ ротъ, при чемъ онъ клялся намъ, что въ нынѣшней арестантской ротѣ гораздо легче живется, нежели жилось въ прежнемъ кантонистскомъ заведеніи. Далѣе, по напечатаніи *впервые* Очерковъ, мы получили отъ нѣкоторыхъ однокашниковъ, благодаря крѣпости закалившейся, въ передрягахъ, ихъ натуры, вышедшихъ изъ заведенія неизуродованными умственно и физически, напоминанія, что напрасно мы пропустили въ нашихъ Очеркахъ не мало гораздо худшихъ, по содержанію, фактовъ изъ быта кантонистовъ. Напримѣръ какъ фанатикъ-священникъ обращалъ мальчиковъ-евреевъ въ православіе собственноручнымъ драньемъ и обливаньемъ ихъ зимою, холодною водою, на дворѣ; какъ лечили кантонистовъ отъ такъ-называемой куриной слѣпоты держаніемъ, насквозь, по нѣсколько ночей сряду, застегнутыми *во фронтъ* и гоняньемъ ихъ, подъ крутую гору и обратно, бѣгомъ на 2-хъ верстномъ разстояніи; какъ учителей, до личнаго нашего еще, впрочемъ, поступленія въ кантонисты, наказывали, вмѣсто розогъ, облаченьемъ въ колодки;

сидѣньемъ на скамейкахъ въ тискахъ, или съ торчавшими, вверхъ остріемъ, гвоздями; какъ этихъ учителей и при насъ часто разжаловывали за то, что они попадались начальству на улицахъ, въ частныхъ домахъ, гдѣ имѣли уроки, вмѣсто толстыхъ казенныхъ — въ собственныхъ тонкихъ мундирахъ; какъ учителей-чиновниковъ держали въ такихъ ежевыхъ рукавицахъ, что многіе изъ нихъ дрожали предъ начальникомъ, какъ простые солдаты, и величали его не иначе какъ „ваше высокоблагородіе“; безропотно сносили отъ него самыя площадныя ругательства; какъ, послѣ сдачи на почту конверта, со вложеніемъ конченнаго слѣдствія по общей жалобѣ учителей, въ присутствіи Сибирякова (онъ подозрѣвалъ, что его показаніе, по бывшимъ примѣрамъ, передѣлаютъ и потому настоялъ, чтобы онъ самъ видѣлъ, какъ примутъ на почтѣ конвертъ), взяли этотъ конвертъ назадъ, *пересочинили* его показаніе *по-своему*, засадили нѣсколько кантонистовъ, занимавшихся въ канцеляріи, разучивать почеркъ Сибирякова, какъ нашелся похожій на сибиряковскій почеркъ у двухъ мальчиковъ, которые переписали означенное показаніе, вновь прошнуровали дѣло и результатомъ этого *гласнаго* подлога Сибиряковъ пострадалъ и т. п.; словомъ — намъ освѣжили въ памяти много такихъ казусовъ, которыми мы своевременно не воспользовались по забывчивости, да и теперь не включили ихъ въ книгу потому, что, во 1-хъ, и изложенное въ ней

рельефно характеризуетъ состояніе заведенія, а во 2-хъ — нашлись кое-какія причины, вслѣдствіе которыхъ мы не касаемся иныхъ фактовъ изъ печальнаго прошлаго.

Затѣмъ, дѣйствительно тяжело, сознаемся, читать Очерки, если вспомнимъ, что именно такъ жилось *дѣтямъ;* но, принимая во вниманіе, что прошло ужъ 14 лѣтъ, какъ упразднены эти заведенія, — мы рѣшились какъ можно *вѣрнѣе* изобразить бытъ кантонистовъ, дабы тѣмъ самымъ предоставить матеріалъ для исторической оцѣнки существовавшаго порядка вещей; а ежели картина вышла некрасивая, — въ этомъ мы неповинны, ибо „нечего на зеркало пенять, коли рожа кривая", гласитъ мѣткая, народная пословица. Что же касается, наконецъ, избранной нами беллетристической, а не другой формы изложенія, то мы предпочли эту потому собственно, что въ ней легче, казалось намъ, уложить *факты;* да и читать, думается намъ, удобнѣе. Вотъ все и всѣмъ наше объясненіе.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Предисловіе V

Часть первая.

II. Первый путь 1
III. Понедѣльникъ. Первая рота на фронтовомъ ученьи 11
IV. Вторникъ. Вторая рота въ классѣ 56
V. Среда. Третья рота въ расходѣ 82
VI. Четвергъ. Четвертая рота въ банѣ и на спѣвкѣ. 91
VII. Пятница. Пятая рота на ружейномъ и стрѣлковомъ ученьяхъ. 105
VIII. Суббота. Все заведеніе на фронтовомъ ученьи и моетъ полы 109
IX. Воскресенье. Все заведеніе празднуетъ. . . . 119

Часть вторая.

X. Впечатлѣнія и интересы новобранцевъ 134
XI. Лазаретъ 142
XII. Годичный инспекторскій смотръ 152
XIII. Преступленія, судъ и расправа 184
XIV. Житье въ деревнѣ, любовь и ея развязка . . 222
XVI. Выпускъ изъ заведенія и возмездіе за воспитаніе. 247
Объясненіе автора.